

АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ

КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА

KAZAKH ABLAI KHAN UNIVERSITY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND WORLD LANGUAGES

---

3 (42) 2016
ISSN 2411-8745

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ

ХАБАРШЫСЫ

“ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАРЫ” сериясы

ИЗВЕСТИЯ

КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия “ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ”

BULLETIN

of Ablai khan KazUILandWL
Series “PHILOLOGICAL SCIENCES”

Алматы

© “Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті” Акционерлік қоғамының “Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ Хабаршысы-Известия” ғылыми журналының “Филология ғылымдары” сериясы таралымы, Қазақстан Республикасының Инвестициялар мен даму жөніндегі министрліктің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген. Тіркелу куәлігі 10.04.2015 жылғы № 15194-Ж

Бас редактор

Құнанбаева С.С., филология ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі, Алматы, Қазақстан

Жауапты редактор

Алтыбаева С.М., филология ғылымдарының докторы, доцент, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Редакция алқасының мүшелері

Акишина Т., профессор, Оңтүстік Калифорния Университеті, Лос-Анджелес, АҚШ

Рысалды Қ.Т., филология ғылымдарының докторы, профессор, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Бердичевский А.Л., педагогика ғылымдарының докторы, Айзенштадта халықаралық экономикалық қатынастар институты, Айзенштадт, Австрия

Солдатенкова Т., профессор, Лёвен католикалық университеті, Лёвен, Бельгия

Исабеков С.И., филология ғылымдарының докторы, профессор, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Красных В.В., филология ғылымдарының докторы, профессор, М.В.Ломоносов атындағы ММУ, Мәскеу, Ресей

Карасик В.И., филология ғылымдарының докторы, профессор, Волгоград мемлекеттік техникалық университеті, Ресей

Асанова Г.С., PhD, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

РЕЦЕНЗЕНТТЕР

Кульгильдинова Т.А., педагогика ғылымдарының докторы, профессор, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Есеналиева Ж.Ж., филология ғылымдарының докторы, доцент Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

© Научный журнал “Хабаршысы-Известия” КазУМОиМЯ имени Абылай хана серия “Филологические науки” Акционерного общества “Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана” зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № 15194-Ж от 10.04.2015 г.

Главный редактор

Кунанбаева С.С., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК, Алматы, Казахстан

Ответственный редактор

Алтыбаева С.М., доктор филологических наук, доцент КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Члены редакционной коллегии

Акишина Т., профессор, Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США

Рысалды К.Т., доктор филологических наук, профессор КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Бердичевский А.Л., доктор педаг. наук, Институт международных экономических связей Айзенштадта, Айзенштадт, Австрия

Солдатенкова Т., профессор, Лёвенский католический университет, Лёвен, Бельгия

Исабеков С.И., доктор филологических наук, профессор, КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Красных В.В., д.ф.н., профессор МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного технического университета, Россия

Асанова Г.С., PhD, КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Кульгильдинова Т.А., доктор педагогических наук, профессор КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Есеналиева Ж.Ж., доктор филологических наук, доцент КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

© Scientific journal “Bulletin Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages”. Series “Philological sciences” of JSC “Ablai khan Kazakh University of International Relations and World Languages” is registered in Communication, Informatization and Information Committee of Ministry for Investment and Development, Republic of Kazakhstan. Certificate N 15194 – G, 10.04.2015.

Executive editor

Kunanbayeva S.S., doctor of philological sciences, professor, associate member of National Academy of Sciences of the RK, Almaty, Kazakhstan

Responsible editor

Altybayeva S.M., doctor of philological sciences, an associate professor, Ablai khan KazUILandWL, Almaty, Kazakhstan

Members of editorial board

Akishina T., professor, University of Southern California, Los Angeles, USA

Rysaldy K.T., doctor of philological sciences, professor, Ablai khan KazUILandWL, Almaty, Kazakhstan

Berdichevskiy A.L., doctor of pedagogical sciences, Institute of International Economic Relations named after Aizenshtadt, Aizenshtadt, Austria

Soldatenkova T., professor, Leuven Catholic University, Leuven, Belgium

Isabekov S.I., doctor of philological sciences, professor, Ablai khan KazUILandWL, Almaty, Kazakhstan

Krasnykh V.V., doctor of philological sciences, professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Karasik V.I., doctor of philological sciences, professor of Volgograd State Technical University, Russia

Asanova G.S., PhD, Ablai khan KazUILandWL, Almaty, Kazakhstan

REVIEWERS

Kulgildinova T.A., doctor of pedagogical sciences, professor Ablai khan KazUILandWL, Almaty, Kazakhstan

Esenaliyeva Zh.Zh., doctor of philological sciences, associate professor, Ablai khan KazUILandWL, Almaty, Kazakhstan

МАЗМҰНЫ

1 – Бөлім.

ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Комуци Л.В. Өнер туралы мақалалардағы британдық журналистердің риторикалық тәсілдері .....

Лассан Э. Сиқыршылық және мифологиялық қазіргі саяси ой (орыс дискурс материалдарында) .....

Колосова В.Б. Өсімдіктер атауларындағы фитонимикалық кодтар (славян материалдарында) .....

Сапарбаева А.М., Алтыбаева С.М., Ақыш Б.О. Орыс тілін практикалық оқыту барысында екі тілді студенттердің лексикалық және стилистикалық құзыреттілігін қалыптастырудағы психологиялық және дидактикалық шарттары .....

Базарбаева А.С.,

Исмағұлова Б.Х.,

Баяндина С.Ж. Жас өспірім ұрпақтың тілдік санасындағы «Қазақстан» концепті (ассоциативтік сынақ негізінде) .....

Оразалин С.Қ., Беткенова М.С., Қанапьянова А.Д.

С. Аманжолов мұрасы - бүгінгі ғылыми зерттеулер негізі .....

Аймағамбетова М.М. Бұқаралық ақпарат құралдарындағы замануи тілі ...

Қасенбаева М.А., Измұханова Ә.Қ. Баспасөздердегі прецедентті құбылыстардың орын алу әдістері .....

2 – Бөлім.

АУДАРМАНЫҢ ҚАҒИДАСЫ МЕН ТӘЖІРИБЕСІНДЕГІ ЗЕРТТЕУЛЕР

Ермагамбетова А.С., Қалиева Ж.Ж. Аудару процессіндегі «барабарлық» ұғымының қарастыру жолдары .....

Тойшиманова Ж.Р. «Титаник» фильмнің материалы негізінде кинодискурс аудармасының лингвомәдени аспектісі .....

3 – Бөлім.

ӘДЕБИЕТТАНУ: ДӘСТҮР МЕН ЖАҢАШЫЛДЫҚ

Алтыбаева С.М. Заманауи қазақ әдебиетінің мәдени кодтарының семантикасы, құрылымы және қызметі .....

Давидюк Ю.Б. О. Генри новеллистикасындағы көркемдік мезгіл санаты ...

Купчишина Ю.А. Ағылшын тіліндегі көркем әдеби мәтіндердің ішінде жойылған поэтиканың стилистикалық аспектісі .....

4 – Бөлім.

**ШЕТ ТІЛДЕРДІ ОҚЫТУДАҒЫ ҒЫЛЫМИ-ПЕДАГОГИКАЛЫҚ
ЗЕРТТЕМЕЛЕР**

Ламберти К.П. Испан тілін оқытуда студенттердің оқу қабілеттерін дамыту .....

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ-ның «Хабаршысына» ұсынылатын мақалаларға қойылатын талаптар .....

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Комуци Л.В. Риторические приемы британских журналистов в статьях об искусстве .....

Лассан Э. Магическое и мифологическое в современном политическом мышлении (на материале русского дискурса) .....

Колосова В.Б. Фитонимический код в названиях растений (на славянском материале) .....

Сапарбаева А.М., Алтыбаева С.М., Акыш Б.О. Психолого-дидактические предпосылки формирования лексико-стилистической компетенции студентов-билингвов в практическом курсе русского языка .....

Базарбаева А.С., Исмагулова Б.Х., Баяндина С.Ж. Концепт «Казахстан» в языковом сознании подрастающего поколения (по данным ассоциативного эксперимента) .....

Оразалин С.К., Беткенова М.С., Канапьянова А.Д. Наследие С. Аманжолова – основа современных научных исследований.....

Аймагамбетова М.М. Современный язык средств массовой информации .....

Касенбаева М.А., Измуханова А.К. Способы представления прецедентных феноменов в прессе .....

Раздел 2

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Ермагамбетова А.С., Калиева Ж.Ж. Пути рассмотрения понятия «адекватность» в процессе перевода .....

Тойшиманова Ж.Р. Лингвокультурологические аспекты перевода в кинодискурсе на материале фильма «Титаник» .....

Раздел 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Алтыбаева С.М. Семантика, структура и функции культурных кодов современной казахской литературы .....

Давидюк Ю.Б. Категория художественного времени в новеллистике О. Генри .....

Купчишина Ю.А. Стилистический аспект поэтики остранения в англоязычных художественных текстах .....

Раздел 4
**НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Ламберти К.П. Развитие навыков у студентов в обучении испанскому языку .....

Требования к статьям, представляемым в «Хабаршысы-Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана» .....

CONTENTS

Section 1

CURRENT ISSUES OF LINGUISTIC RESEARCH

Comuzzi L.V. Journalistic Rhethoric in British Magazine Articles about Arts
.....

Lassan E. The magical and the mythical aspects in the contemporary political
thought (on the material of Russian discourse) .....

KolosoVA V.B. Phytonimical code in plant names (on slavonic material) ....

Saparbayeva A.M., Altybayeva S.M., Akysh B.O. Psychological and didactic
pre-conditions of forming of lexical and stylistic competence of bilingual
students in the practical course of Russian language .....

Bazarbaeva A.S., Ismagulova B.H., Bayandina S. G. Concept «Kazakhstan»
in the linguistic consciousness of the younger generation (according to the
associative experiment) .....

Orazalin S. K., Betkenova M.S., Kanapyanova A.D. S. Amanzholov's
heritage – the basis of modern scientific research .....

Aimagambetova M.M. Modern media language .....

Kassenbayeva M.A., Izmukhanova A.K. Efficiency of case phenomena in the
news section of a newspaper article .....

Section 2

RESEARCHES IN THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Ermagambetova A.S., Kalieva Zh.Zh. Considering methods of the notion
“adequacy” in translation process .....

Toishymanova Zh.R. Linguacultural aspects of translation in a film discourse
“Titanic” .....

Section 3
LITERARY STUDIES: TRADITION AND MODERNITY

Altybayeva S.M. Semantics, structure and functions of a cultural codes
of contemporary Kazakh literature .....

Davydyuk Yu.B. Category of literary time in the short stories by O. Henry ...

Kupchyshyna Yu. Poetics of defamiliarization in english literary texts:
stylistic aspect .....

Section 4
**SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL DEVELOPMENTS IN FOREIGN
LANGUAGE TEACHING**

Lamberti C.P. Developing skills of students in teaching Spanish .....

General requirements for publications submitted to «Izvestiya -Khabarshysy of
Ablai khan KazUIR & WL .....

1 – Бөлім
ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Раздел 1
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Section 1
CURRENT ISSUES OF LINGUISTIC RESEARCH

JOURNALISTIC RHETORIC IN BRITISH MAGAZINE
ARTICLES ABOUT ARTS

Comuzzi L.V., Dr. of Philology,
Professor at the Chair of Foreign Languages,
Balashov Institute of Saratov National Research University, Balashov, Russia
e-mail: ltataru@yandex.ru

Keywords: mediarhetoric, British mass media, magazine articles, reviews, modern art.

Abstract. The article covers some traits of contemporary media rhetoric as a discourse type, which generates a particular picture of the world within the mass consciousness. This picture is determined by the editors and journalists themselves. Taking as a case study the news stories and reviews published in “The Arts” columns of the British magazines «Country Life» and «The Spectator» in the last two years, the author analyzes some showcases of manipulating the national consciousness of the British by means of rhetorical figures of speech and the tactics of «creating the media face».

УДК 808.1

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ БРИТАНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ
В СТАТЬЯХ ОБ ИСКУССТВЕ

Комуцци Л.В., д.филол.н.,
профессор кафедры иностранных языков
Балашовского института Саратовского национального исследовательского
университета имени Н.Г. Чернышевского, Балашов, Россия
e-mail: ltataru@yandex.ru

Ключевые слова: медиариторика, СМИ Великобритании, журнальные статьи, рецензии, современное искусство.

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые особенности современной медиариторики как особого типа дискурса, создающего в сознании аудитории определяемую редакторами и журналистами картину мира. На примере статей, опубликованных в журналах *Country Life* и *The Spectator* за последние два года в рубриках, объединяемых темой «Искусство», рассмотрены типичные риторические фигуры речи и тактики «создания образа автора», нацеленные на манипулирование общественным национальным сознанием читателей.

Античные мыслители Платон, Аристотель, Цицерон, Квинтиллиан и другие заложили теоретический фундамент риторики как искусства убеждения, которое обеспечивается сочетанием двух умений ритора (оратора): умения логической аргументации и умения оказывать эмоциональное и эстетическое воздействие на аудиторию. На протяжении веков риторическое наследие приспособлялось для разных сфер использования, однако сочетание указанных умений до сих пор остается необходимым условием ораторской речи и широко используется в журналистике и публицистике, что сближает последнюю с художественной речью [1].

Собственно журналистская риторика относится к частным, профессиональным, риторикам. Она развивается и совершенствуется по законам современного медиадискурса [2], особенность которого заключается в том, что «журналисты (и отдельные личности, и корпоративные медиа-сообщества) выступают в качестве посредников между самой действительностью и массовой аудиторией» [3, с. 138]. С помощью своего миропонимания и, исходя из прагматических задач издания, они формируют картину мира в сознании массовой аудитории. Эта картина является отражением образа мира – медиакартиной, которая не всегда объективно отражает реальность. Журналисты становятся языковыми личностями, наделенными культурно-социальными полномочиями «фильтровать» события. Именно в этом смысле журналист выступает как ритор, профессионал риторической деятельности [3, с. 138–139]. Аудитория имеет право оценивать ритора с этических позиций (ораторских нравов): его честность, компетентность, владение техникой публичной речи, определенность позиции, доброжелательность и др. На практике на принятие журналистом профессионально-этических решений существенным образом влияют бизнес и политика [4, с. 73].

В Российской теории журналистики сложилась своя риторика языка СМИ, медиадискурса – медиариторика. И.В. Анненкова дает следующее ее определение: «Риторика – это интегрирующая область гуманитарного знания, создающая коммуникативную базу в

формировании профессиональных умений будущего журналиста» [3, с. 3]. Журналист должен владеть важнейшими общериторическими навыками: композиционно-конструктивными, логически-аргументационными, изобразительно-выразительными и т. п. [3, с. 3 – 4].

Медиариторика включает в себя семь основных законов, обеспечивающих осознанный подход к деятельности журналиста [5, с. 54]. Среди них выделим два:

1) тактический закон риторики – выбор системы средств, направленных на реализацию задач, и создание «образа коммуникативного акта»;

2) речевой закон – умение отбирать наиболее эффективные вербальные и невербальные средства общения, создание «образа речи» и концепции «образа автора».

Известно, что ряд газет и журналов Великобритании относятся к самым влиятельным СМИ в мировом медиадискурсе. Среди них – журналы «The Economist», «Country Life», «Radio Times», «The Spectator», «Hello!». Большинство СМИ Великобритании находится в частных руках, и их риторика активно применяется не только в качестве основной своей функции – красиво говорить, но и в качестве одного из способов воздействия на массового потребителя. Выбор материала и способ его подачи зависят от собственника издания, его убеждений и взглядов.

Рассмотрим примеры того, как журналисты названных изданий пользуются приемами убеждения. В целях оптимизации представления анализа, в частности, обусловленного объемом данной статьи, мы рассмотрим только несколько статей о современном искусстве, опубликованных в 2015 и 2016 годах.

В современных СМИ тема искусства, кажется, стала авторостепенной – важнее политика и экономика. Однако, общество все же не потеряло интереса к литературе, кино, музыке. Активным потребителем искусства – пусть в его сниженных, популярных формах (фэнтези, научная фантастика, рок, рэп и поп в их актуальных течениях) – является молодое поколение. Современные живопись, театр, особенно опера и балет, архитектура считаются слишком концептуальными, абстрактными видами искусства, далекими от практической жизни, сложными для понимания неподготовленного человека и потому невостребованными. Но многие творцы искусства увлекают зрителя в свои миры с помощью интерактивных технологий, разрушая стереотип

традиционной музейной экскурсии и ориентируясь на молодежь, лучше старшего поколения знающую информационную среду. То же касается издателей журналов и газет, которые создают свои веб-версии, предлагающие читателям гипертекстовые, видео, аудио и другие интерактивные формы коммуникации. На сайтах журналов, с которыми мы работали, есть, например, прилагаемый к статье жанра *feature* по фантазийному сериалу «Игра престолов» интерактивный тест по географии его мира и мест, в которых этот мир снимается [6]. Все сайты влиятельных журналов и газет имеют страницы в популярных приложениях Facebook, Twitter и др.

В основном рассмотренные нами статьи об искусстве относятся к публицистическим жанрам, но и в информационных заметен «образ автора-ритора». Очевидно, это объясняется выразительностью самой тематики (обзор новых книг, художественных выставок, мероприятий, связанных с празднованием культурно значимого события и т. д.) и целью коммуникации – не только проинформировать, но и заставить читателей приобрести представляемый «продукт».

Для обзора новых книг для подростков, например, автор – детская писательница Кэти Бёрчел – использует много клишированных штампов книжных анонсов, главным образом, оценочных эпитетов: *one of his most popular characters, her latest stand-alone equestrian thriller, an eye-catching make over, the long-awaited new novel* [7]. Клишированным становится и авторский повтор глагола «cope with»: почти все герои должны справляться с чем-то: *a change of lifestyle after their father's death; the death of their mother and the flight of their father; the dramas of new friendships and blossoming romance, etc.*

Композиционно эта обзорная информационная статья строится по типичной схеме «перевернутой пирамиды»: представление каждой из восьми книг предваряется подзаголовком, информирующим о названии, издательстве и цене (факты), затем следует краткое представление автора, сюжета и героев, в завершение дается оценка каждой книги автором статьи, которая не скупится на парные хвалебные эпитеты: *Warm, witty and simply wonderful, exciting and heart warming, popular, fast-paced series, ambitious and spectacular, well-constructed and utterly engaging.* Автор использует и чисто риторический прием обращения к читателям: *and if you haven't, then you will.* Видно, что о книгах читателю рассказывает профессионал (писатель), но он не углубляется в анализ их достоинств, а о недостатках не говорит ничего. То есть, даже самая информационная статья из выборки наполнена манипулятивными

приемами подталкивания читателя к покупке этих книг. По такой же схеме написаны аналогичные обзорные статьи – например, о новых «страшных книжках для детей на лето» в журнале *The Spectator* [8].

Самым частотным жанром в нашей выборке оказалась рецензия (review) – 15 из 20 публикаций. Общим свойством рецензий является более свободная композиция, использование профессиональной терминологии (по кино- и театральной критике, художественной и музыкальной критике), аналитичность и индивидуальный авторский стиль письма. Но рецензии все равно написаны не столько с основной целью этого жанра – дать анализ и оценку – сколько с целью заинтриговать читателя, заставить его захотеть посмотреть этот фильм или спектакль. Рецензии масскультурных произведений и событий написаны проще, ближе к разговорному стилю, в них преобладают доступные для читателей разных социальных слоев фигуры речи, приемы рекламы. Рецензии, посвященные событиям, связанным с высоким искусством, лексически и синтаксически сложнее, их стиль украшен более интеллектуальными стилистическими приемами, их манипулятивный подтекст прописан тоньше.

Сравним «рекламную» рецензию с аналитической.

Рецензия на последний, 24-й фильм из бондианы – «Спектр» – характеризует знаменитый шпионский триллер, ставший брендом британской индустрии развлечений. Акцент автор ставит не на художественные, а на коммерческие характеристики фильма, сразу начиная с них: «An exercise in budget-blowing like no other – it cost over \$ 300 million to make – Spectre is a storming and unapologetic return to the golden age of espionage. A world away from the introspective and brooding story of Skyfall, despite sharing director Sam Mendes, the film is not only the most expensive Bond, but also the longest» [9].

В начальном абзаце сразу задействованы основные фигуры речи, предпочитаемые автором: внимание к точным фактам о фильме (бюджет, отсылки к предыдущим фильмам франшизы о Джеймсе Бонде – *Skyfall*, *Diamonds are Forever* etc.), синтаксический прием обособления, – отделения с помощью тире части внутри предложения (выд. жирным шрифтом), парные союзы, которые ставят логическое ударение на связываемых словах (not only ... but also), парные эпитеты, часто в превосходной степени. Некоторые эпитеты можно считать художественно выразительными авторскими находками: his face is obscured by some sort of chiaroscuro wizardry, his form outlined by an ominous ring of up lighting. Но больше заштампованных и

имитирующих живую разговорную речь экспрессивных выражений: the creative treatment of Christopher Waltz's formidable villain; corny but oh-so enjoyable; Judi Dench and her character's razor-sharp wit and deadpan delivery. Параллелизм и повтор – эффективно ставят логическое ударение на важных в тематическом и смысловом отношениях моментах текста.

В следующем абзаце автор излагает первую захватывающую сцену погони, используя в нем те же приемы плюс параллелизм. Здесь он реализуется с помощью перечисления, трех следующих друг за другом метафор, ярко, но доступно передающих напряженность погони и ее художественную функцию: «The obligatory, opening chase sequence – a good five minutes itself – gives way to the words 'the dead are alive' sprawled across the screen. It is a promise of what is to come; the resurrection of characters, a return to one exotic locations after the next – the term 'International man of mystery' has never been so relevant – and the not-so-new enemy SPECTRE (or Special Executive for Counter-intelligence, Terrorism, Revenge and Extortion), absent from Bond films since 1971's Diamonds are Forever».

Наряду с графическим и синтаксическим обособлением, повтор становится формой эмфатического усиления, риторического акцентирования важных смысловых моментов рецензии. В данном случае это одно из главных художественных достоинств «Спектра» – уже с самого начала фильм захватывает и настраивает на развитие сюжета, в то же время «воскрешая» героев старых серий бондианы, «возвращаясь к экзотическим местам действия». Это один из примеров манипулятивной техники, направленной на пробуждение в публике ностальгии по прошлому и желания снова испытать острые эмоции, которые вызывали опасные операции агента 007 в исполнении еще Шона Коннери или Пирса Броснана. В этом же логическом акценте чувствуется, что журналист знает, как воздействовать на национальные чувства соотечественников: их любовь к традициям и ностальгию по величию Британии. Новая серия о Бонде действительно стала качественным повторением истории супергероя британской разведки, в очередной раз спасающего свою страну и мир от коварного врага.

Повторяемость устоявшихся приемов бондианы акцентируется в статье неоднократно. Один из этих приемов – реклама двух брендовых продуктов, традиционно переходящих из фильма в фильм. Это эксклюзивные модели автомобиля Ягуар Лэндровер и швейцарских часов Омега. В данной рецензии они оцениваются с помощью

метафоры «солидная константа», авторской утверждающей ремарки «of course» и вошедшей в общее употребление фразы «Каждый мужчина хочет походить на Бонда, а каждая женщина хочет быть с ним». Эта фраза иронично отражает стремление мужчин иметь такую же машину и такие же часы, как у Бонда, и автор рецензии усиливает это стремление, подчеркивая с помощью эмфатической конструкции возможность, наконец-то, реализовать его – впервые за всю историю бондианы Омега выпустила ограниченную партию часов Seamaster 300 ‘Spectre’ на продажу: «Some things, of course, remain a solid constant. Chiefly, the cars – referred to at a very special private screening laid on by Jaguar Land Rover as characters in their own right – and the women. <...>It is often said that men want to be Bond and woman want to be with him. It is fitting then that Omega have released the Seamaster 300 ‘Spectre’ Limited Edition watch, marking the first time that a model worn by 007 has been commissioned for public sale».

Устойчивая способность этой франшизы интриговать и развлекать зрителя вновь и вновь, несмотря на то, что Агент 007 впервые появился на экране полвека назад, отмечается и в лаконичном и метафоричном определении достоинств нового сценария – это «старый пес, со старыми трюками», он «заформулирован, но его формула работает»: «...though he may be an old dog, the old tricks still have more than enough panache to inspire awe and entertain. It is formulaic, but the formula works»; It echoes back, shamelessly, to a time when every bad guy had a gimmick (хитрое приспособление, рекламный прием).

Рецензия балетного критика Барбары Ньюман, написанная на премьеру «Франкенштейна», также открыто убеждает аудиторию в превосходных качествах постановки и написана потой же «схеме бондианы» [10]. Типичными приемами убеждения здесь являются многочисленные хвалебные эпитеты: inventive collaborators, striking designs; captivating projections; the amazingly creepy Creature; a luscious celebratory waltz etc. Другой «активной» фигурой речи и здесь является параллелизм, часто в виде перечисления, и синтаксическое обособление: «Assisted and occasionally overwhelmed by his inventive collaborators - original score by Lowell Liebermann, striking designs by John Macfarlane and captivating projections by Finn Ross - Mr. Scarlett moves the action at a brisk clip from family household to the anatomy theatre where Frankenstein studies and experiments, and from cemetery to ballroom to tavern, racing to cram young love, male friendship, marriage, scientific creation, fear, vengeance and several gruesome deaths into two

and a half hours».

Так же, как и рецензент фильма о Джеймсе Бонде, балетный критик акцентирует традиции, которые сохраняются в новой интерпретации знаменитого литературного первоисточника, входящего в культурное наследие британцев – неоготического романа Мэри Шелли «Франкенштейн». Благодаря многочисленным киноверсиям этот роман стал чрезвычайно популярным. Одновременно, с помощью обособления и эпитетов, хвалится и новая традиция Королевской балетной труппы ставить нарративные балеты по произведениям классиков английской литературы: «Mr. Scarlett's staging of Frankenstein follows the same structural path, interpreting a well-known literary source—in this case, Mary Shelley's neo-gothic novel - in dramatic and passionate movement».

К признакам, отличающим эту рецензию от рецензии на «Спектр», мы относим использование аллюзии, профессионально более детальный анализ самой постановки, полный специальных терминов и эпитетов, не только положительно оценивающих, но и характеризующих образы, и элементы критики.

Заголовок – «Frankenstein review: 'sometimes lightning strikes twice'» – содержит аллюзию на поговорку «Lightning never strikes twice in the same place» и одновременно на киноверсии романа «Франкенштейн», в которых ученый Виктор Франкенштейн создает своего монстра с помощью молнии и экспериментов с электричеством. Эта аллюзия повторяется в первой фразе рецензии и намекает на то, что эта балетная премьера может, как молния, снова «ударить» и принести успех Королевской балетной труппе, в которой уже был подобный успешный опыт в 2014 году, с постановкой «Зимней сказки» У. Шекспира: «Sometimes lightning strikes twice. Possibly with that electrifying possibility in mind, the Royal Ballet has pushed the boat out and commissioned a new, full-evening narrative ballet from the promising young choreographer Liam Scarlett. In 2014, a similar commission yielded Christopher Wheeldon's *The Winter's Tale*, which returned to the repertory this season to draw and delight the public».

Детали постановки, в частности, мастерство танцовщиков, попытки постановщика сохранить сложную драматургию романа, его удачи и неудачи, даются как с помощью уже названных выше фигур речи, так и с помощью балетной терминологии, ее метафорических замещений: «The pas de deux, however, make the strongest impression, describing the interplay among the characters through dance rather than

simple mime. ... Mr. Scarlett pairs Frankenstein, his wife, his monster, his best friend and his young brother - on opening night, a gifted boy named Guillem Cabrera Espinach. Sharing a similar vocabulary, they all invest it with personal intensity that fleshes out the thin choreography and builds excitement steadily through the three long acts».

В конце критик намекает, что постановка не совсем оправдала надежды театра. Это критическое замечание делается мягко, с помощью приемов преуменьшения (understatement) и риторического вопроса, призывающего читателей отнестись к усилиям молодого обещающего хореографа, Лиама Скарлетта, с симпатией: «Frankenstein does not show Mr. Scarletta this best - he has struggled to make one-act narrative works cohere - but who would refuse a chance to create the popular success this company hoped to achieve?».

Итог наших рассуждений. В анонсах и рецензиях на новые книги, кинопремьеры и балетные спектакли британские журналисты грамотно используют как изобразительно-выразительные средства языка (тропы и фигуры), так и завуалированные технологии ведения психологической обработки населения, в данном случае – воздействия на «болевые точки» национального сознания британцев – их любви к традициям и веры в собственное превосходство. В том числе – в то, что они создают лучшие книги, фильмы и балеты.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Журналистика. СМИ Великобритании – Режим доступа URL: <http://jurnalistedu.ru/gos1/10-smi-velikobritanii.html> - (дата обращения 08.10.2016).
- [2] Кожемякин Е. Медиадискурс – Режим доступа URL: <http://discourseanalysis.org/st20.html> - (дата обращения – 10.09.2016).
- [3] Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 392 с.
- [4] Козлова М.М. История журналистики зарубежных стран: Учебное пособие. – Ульяновск: УлГТУ, 1999. – 100 с.
- [5] Анненкова И.В. Риторика для журналистов: историко-культурный, теоретический и практический аспекты: Учеб.пособ. – М.: МедиаМир, 2013. – 120 с.
- [6] How well do you know your Game of Thrones geography? Radio Times, Thursday 19 May 2016. - Access mode: <http://www.radiotimes.com/news/2016-05-19/how-well-do-you-know-your-game-of-thrones-geography> - (accessed 10.09.2016).
- [7] Birchall K. Best books for teenagers this Christmas. CountryLife. December 14, 2015. - Access mode: <http://www.countrylife.co.uk/culture/book-reviews/good-books-for-teens-Katy-Birchall> - (accessed 10.05.2016).
- [8] McDonagh M. Sinister summer reading for children // The Spectator 21 May 2016. - Access mode: <http://www.spectator.co.uk/2016/05/sinister-summer-reading-for-children/> - (accessed 14.09.2016).
- [9] Cosh D. Spectre: James Bond film review // Country Life. October 26, 2015. -Access mode: <http://www.countrylife.co.uk/features/spectre-review-78673> - (accessed 11.10.2016).

[10] Newman B. Frankenstein review: ‘sometimes lightning strikes twice’// Country Life. May 16, 2016. - Access mode: <http://www.countrylife.co.uk/culture/frankenstein-review-86401> - (accessed 20.08.2016).

REFERENCES

- [1] Zhurnilistika. SMI Velikobritanii. Access mode: <http://jurnalistedu.ru/gos1/10-smi-velikobritanii.html>, accessed 08.10.2016 [in Russ.].
- [2] Kozhemyakin Ye. Mediadiskurs. Access mode: <http://discourseanalysis.org/st20.html>, accessed 10.09.2016 [in Russ.].
- [3] Annenkova I. V. Mediadiskurs XXI veka. Lingvofilosofskij aspekt jazyka SMI. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2011. 392 s. [in Russ.].
- [4] Kozlova M.M. Istoria zhurnalistiki zarubezhnikh stran: Uchebnoe posobie. Uljanovsk: UIGTU, 1999. 100 s. [in Russ.].
- [5] Annenkova I.V. Ritorika dlya zhurnalistov: istoriko-kulturnii, teoreticheskii i prakticheskii aspekti: Ucheb. posobie. M.: MediaMir, 2013. 120 s. [in Russ.].
- [6] How well do you know your Game of Thrones geography? Radio Times, Thursday 19 May. Access mode: <http://www.radiotimes.com/news/2016-05-19/how-well-do-you-know-your-game-of-thrones-geography>, accessed 10.09.2016.
- [7] Birchall K. Best books for teenagers this Christmas. CountryLife. December 14, 2015. Access mode: <http://www.countrylife.co.uk/culture/book-reviews/good-books-for-teens-Katy-Birchall>. Accessed 10.05.2016.
- [8] McDonagh M. Sinister summer reading for children // The Spectator. 21 May 2016. Access mode: <http://www.spectator.co.uk/2016/05/sinister-summer-reading-for-children>. Accessed 14.09.2016.
- [9] Cosh D. Spectre: James Bond film review // Country Life. October 26, 2015. -Access mode: <http://www.countrylife.co.uk/features/spectre-review-78673>. Accessed 11.10.2016.
- [10] Newman B. Frankenstein review: ‘sometimes lightning strikes twice’. Country Life. May 16, 2016. Access mode: <http://www.countrylife.co.uk/culture/frankenstein-review-86401>. Accessed 20.08.2016.

ӨНЕР ТУРАЛЫ МАҚАЛАЛАРДАҒЫ БРИТАНДЫҚ ЖУРНАЛИСТЕРДІҢ РИТОРИКАЛЫҚ ТӘСІЛДЕРІ

Комуци Л.В.,

Филология ғылымдарының докторы, Н.Г. Чернышевский атындағы Саратов Ұлттық зерттеу Университетінің шет тілдер кафедрасының профессоры, Балашов, Ресей
e-mail: ltataru@yandex.ru

Тірек сөздер: медиариторика, Ұлыбританияның БАҚ, журналды мақалалар, пікірлер, қазіргі заман өнері.

Аңдатпа. Бұл мақалада редакторлар мен журналисттер арқылы айқындалатын әлемдік картинаны аудитория санасында құру дискурстың арнайы түрі ретінде қазіргі заманғы медиариториканың кейбір ерекшеліктері қаралған. Мысалы, соңғы екі жылда CountryLife және TheSpectator журнал айдарларында жарияланған мақалалар, «Өнер» тақырыбында біріктіріліп, оқырмандардың қоғамдық ұлттық сананы манипуляциялауына бағытталған риторикалық «автордың бейнесін құру» тактикасы қарастырылған.

Статья поступила 15.09.2016 г.

**THE MAGICAL AND THE MYTHICAL ASPECTS IN THE
CONTEMPORARY POLITICAL THOUGHT
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN DISCOURSE)**

Lassan E.,

Habilitated Doctor of Humanities,
Professor of Department of Russian Philology,
Vilnius University, Vilnius, Lithuania
e-mail: eleonora.lassan@flf.vu.lt

Keywords: archetype, Russian epos, contemporary political thought, magical thinking, mythical consciousness.

Abstract. The article focuses on Russian epos and fairy tales -- the repeated images of the latter are projected on the contemporary political discourse. The author distinguishes between the magical and mythical consciousness. The magical thinking tends to establish reason – consequence dependency between phenomena, mythical thinking designs a specific picture of the world. The author demonstrates, how the elements of archaic consciousness, reflected in Russian folklore (epic poems and fairy tales), are compatible to political thought of contemporary Russian society.

The author demonstrates, how national archetypes are compatible to the ones of culture in general, tending to specifically modify. Thus the Hero archetype on the Russian land tends to be nationally marked (his “Russianness” is always stressed), at the same time the image of an enemy relates to the archetype of Shadow. A Russian bogatyr, as a rule, serves his homeland and is faithful to his knyaz, notwithstanding the injustice of the latter. The heroes of fairy tales gain victories owing to “preventive wars”. The contemporary Russian political discourse inherits, to some extent, some value and world view aspects of Russian epos.

УДК 81-139

**МАГИЧЕСКОЕ И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ДИСКУРСА)**

Лассан Э.,

хабилитированный д-р гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии,
Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва
e-mail : eleonora.lassan@flf.vu.lt

Ключевые слова: архетип, русский эпос, современный политический дискурс, магическое мышление, мифологическое мышление.

Аннотация. В статье рассматривается русский эпос и русские сказки, повторяющиеся в них образы проецируются на современный политический дискурс. Автор различает магическое и мифологическое сознание. Магическое сознание устанавливает причинно-следственные связи между явлениями, мифологическое создает определенную модель мира. Автор показывает, как элементы архаического сознания, отраженного в русском фольклоре (былинах и сказках), соотносятся с политическим мышлением современного российского общества.

Автор показывает, как национальные архетипы соотносятся с общекультурными, определенным образом модифицируясь. Так, архетип Героя на русской почве оказывается национально маркированным (обязательно отмечается его «русскость»), как и образ врага, заполняющий архетип Тени. Русский богатырь несет, как правило, государственную службу и остается верен князю, несмотря на несправедливость последнего. Сказочные герои ведут «превентивные войны», благодаря чему становятся победителями. Современный российский политический дискурс наследует, в известной степени, ценностные и мировоззренческие аспекты русского эпоса.

Если признать идею К.Юнга о том, что находящиеся в коллективном бессознательном образы понуждают индивидов в определенных ситуациях мыслить и вести себя определенным образом, то естественно предположить, что архаическое мышление и мышление исторических периодов, далеко отстоящих от зари человечества, должны иметь общие элементы и побуждать человека Нового времени наследовать традиции интерпретации действительности в духе далеких предков. Эти традиции достаточно ярко просматриваются в периоды общественных коллизий, когда массы людей объединяются на основе некоей общей идеи и реагируют на события сходным образом, отдаваясь во власть коллективных смыслов, базирующихся на архетипах и мифах. Попытаемся проследить возможное взаимодействие архаического и современного политического мышления, в данном случае на материале русского дискурса – фольклорного и современного медийного.

Исследуя формы мышления первобытных сообществ, запечатленные в их мифах и ритуалах, известный французский этнолог Леви-Стросс обнаружил определенные закономерности мышления и познания в традиционных социальных системах. Так, исследуя особенности мышления африканских племен, Леви-Стросс обратил внимание на феномен, именуемый им и другими этнологами «магическим мышлением» [1, с. 61]. Он увидел его сущность в стремлении найти системную причину определенных явлений. Так, говоря о колдовстве, он пишет следующее: «...оно [колдовство] подразумевает некую теорию причин : неудача проистекает от колдовства, действующего сообща с природными силами. Поднимет ли человека на рога буйвол, сломается ли чердак, опоры которого подточены термитами, и упадет человеку на голову <...> азанде станут утверждать, что буйвол, чердак или болезнь это причины, соединяющиеся с колдовством... “ [Примечание 1].

Примечание 1. Азанд – народность, проживающая джгля Судан Конго.

Этот пассаж напоминает современное политическое творчество. Когда в одной стране сибирские пожары пытаются объяснить действиями оппозиции [Примечание 2], а в другой любые негативные высказывания в адрес действующей власти рассматриваются как происки промосковских сил, то возникает ассоциация с мышлением африканского племени азанде. Фигура колдуна не чужда и русской культуре, причем она имеет этническую специфику. Так, русский колдун способен вступать в контакт с потусторонним миром; он одинок; ему приписываются черты животных, он зол и хитер, не молится Богу. Интересно, что отмеченными чертами характеризуется и современная российская оппозиция в дискурсе ее противников: *хомячки и бандерлоги*, коими именуются оппозиционеры, метафоризируют их как животных; оппозиционеры связаны с потусторонним миром, олицетворяемым Соединенными Штатами - (см. характеристики США в Рунете, аналогичные следующей: «Президенты США служат «дьяволу» и...» (http://vybor.ua/article/vneshnjaja_politika/prezidenty-ssha-sljat-dyavolu-i.html), отсутствие молитвенного начала проявляется у них в поддержке сил, не приемлющих давления церкви (напр., поддержка «Пуси Райт»), они злобны, поскольку «ненавидят все русское» «Вы посмотрите кто во главе оппозиции: это враги, ненавидящие все русское») <http://русскоедвижение.рф/index.php/articles/42-articles/5455--lr-l-r>). Фигура колдуна – один из древнейших архетипов, при этом, по Юнгу, он может нести как отрицательное, так и положительное начало и тем отличается от архетипа Тени, у которого меньше магического начала [2, с. 143]. И здесь мы переходим к разговору о различии магического и мифологического сознания. Магическое сознание определяет причинно-следственные связи действительности, мифологическое – рисует цельную картину мира, в которой объяснение причин и следствий – только часть общих воззрений на мир.

В современных символических теориях мифа последний понимается как символический результат деятельности человека, как замкнутая система, представляющая собой символическую модель мира (Э.Кассирер, С.Лангер, К.Гирц и др.). Кассирер и Гирц распространяют это понятие на письменное общество, где миф

Примечание 2. Полномочному представителю Президента России Н. Рогожкину пресса приписывает высказывание о том, что за пожарами стоят оппозиционеры-диверсанты (<http://www.tv2.tomsk.ru/news/polpred-sibiri-za-pozharami-v-zabaykale-mogut-stoyat-oppozicionery-podzhiateli.02.04.2016>)

внедряется в сознание намеренно с целью дать обществу необходимое политической элите представление об устройстве мира [3-4].

В приведенных выше примерах воззрений на причинность явлений и фигуру колдуна обозначилась мировоззренческая корреляция между традиционным первобытным мышлением и мышлением политическим. Одним из основных стереотипов, роднящих миф и политическое мышление, является деление «персонажей» мировой сцены на героев и их антиподов – повергаемых героем чудовищ = сил зла. И здесь фигура колдуна оказывается связующим звеном между мифологическим и магическим мышлением: «Через леса, через моря колдун несет богатыря...». В этой пушкинской фразе содержится идея борения антиподов – злого колдуна (добрый в русском языке именуется *волшебником*) и извечного героя русского эпоса – богатыря. В русском эпосе богатыри редко борются с колдунами, но в современном сознании антиподами богатырей выступают именно колдуны (см. выставку «Лукоморье», где богатырь сражается с колдуном, или «Сказку о том, как смелый богатырь Дохсун злого колдуна победил» Т. Пшеничновой). Возможно, присутствие колдовских сил как противников эпических героев коррелирует в некоторой степени с иррациональным началом русской культуры, столь широко обсуждаемым историками, культурологами, философами, поэтами («Умом Россию не понять...») [Примечание 3].

Если обратиться к русскому эпосу как источнику информации о национальных архетипах, то следует сказать, что русский былинный эпос, для которого характерны многие моменты гиперболизации возможностей его героических персонажей, роднящих их с силами волшебства («Как махнёт Илья прямо – проложит улицу, махнёт налево - переулочек»), насыщен героями-богатырями, сражающимися за родную землю. И это отличает русский эпос от западноевропейского. Скандинавские и германские героические эпосы, подарившие таких героев, как Беовульф или Зигфрид, акцентируют внимание прежде всего на силе и смелости героя, которая проявляется в борьбе с чудовищами и драконами (Беовульф — Грендель, Зигфрид — Фарнир), пожирающими людей или опустошающими страну, но им не присущ патриотический настрой героев русских были и сказок. Не вдаваясь в дискуссионные

Примечание 3. Ср.: «Основные архетипические образы в русской культуре женские. Это образ Земли-Матушки, Жены-Хранительницы, Жены-Матери, Богородицы. На уровне русского национального характера эти образы влияют на формирование таких качеств, как веру в возможность познания мира без помощи рационалистических, логических структур сознания. Русский культурный архетип - это культурная матрица, опираясь на которую современная массовая культура создаёт и успешно эксплуатирует иррациональные образы».

вопросы о поколениях русских богатырей, их классификации (Миллер, Веселовский и др.), ставшие предметом исследования известнейших русских фольклористов и этнографов, отметимих «неисчислимое» количество, разнящееся в разных источниках (от 5 до 20 и более), - это значит, что русская земля фиксируется в фольклорных источниках как земля богатырей [Примечание 4].

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в русских былинах и сказках имеет место национальная идентификация противника обязательное указание на этническую принадлежность богатыря – подчеркивается его русскость [5]. Илья Муромец сражается против Жидовина – всадника, приехавшего из чужой Жидовской земли (Хазарский каганат?), Алеша Попович и Добрыня Никитич борются против Тугарина, имя которого переключается с именем половецкого князя Тугаринова, против Змея Горыныча, представляющего опасность для Русской земли (его кровь не впитывается в землю, потому что русская земля не хочет ее принимать). Жидовин, Тугарин, царь Калин своими именами указывают на этническую чуждость русскому духу, воплощенному в богатырях, – автор не может припомнить подобных аналогий в европейском эпосе (в «Песне о Роланде» идет речь о противостоянии мавров и франков, но одним из отрицательных героев является франк Ганелон).

Нужно сказать, что современные политические страсти не обошли вопрос об этнической принадлежности богатырей на форуме: *А Господа, Илья Муромец был - русский или украинец?* (<http://otvet.mail.ru/question/6034923>; *Илья Муромец и евроатлантический выбор Киева* (<http://hi-hik.net/2009-08-24-17-42-41/3131-2012-01-02-16-33-48>).

Приведу небольшой отрывок из былины «Илья Муромец и Жидовин», в котором можно увидеть очень многое из традиционной интерпретации Руси, вошедшей видимо, в «генетическую структуру мозга»: *Были там, конечно, и другие богатыри. Стал Илья говорить своим товарищам: «Вот живем мы на Руси, богатыри, и не имеем своего заповедного луга, где без спросу атамана никто не смеет проехать». Выбрали тогда богатыри заповедный луг, где нельзя никому проехать без спросу атамана и без его разрешения. Там были: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Васька Долгополой*

Примечание 4. Интересно, что в других славянских языках это слово неизвестно, кроме польского, в котором оно является заимствованием из русского. Предполагается, что слово «богатырь» в русском языке восточного (тюркского) происхождения, хотя, возможно, самими тюрками заимствовано у азиатских арийцев.

и Гришка боярский сын. Выбрали они атаманом Илью Муромца, а есаулом — Добрыню Никитича и стали охранять свой заповедный луг.

Здесь и Русь как земля богатырей, и «заповедность» (неприкосновенность и одновременно сакральность) «своего» луга, и авторитарность атамана, и наличие вертикали власти: *атаман, есаул* — все это сегодня откликается эхом в современных дискурсах: военно-патриотический мюзикл «Не перевелись богатыри на земле Русской» (<http://festival.1september.ru/articles/613320/>), песня «Богатыри России со словами «Нам нельзя ни на шаг отступить: Надо Родину-мать защищать! Вся Россия, родная земля, доверяет Богатырям!» (Артем Кочарян), стилизация былины об Илье Муромце под названием «Илья Муромец и евроатлантический выбор», где Илья достаёт палицу и обращается к крестоносцам, собравшимся при дворе киевского князя, давая понять, что уничтожит их одним махом.

В фольклорных источниках можно усмотреть и еще один момент, характерный для национального сознания: русский богатырь освобождает другие народы. Так, в сказке «Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча» Добрыня по приказу князя Владимира едет на Сорочинскую гору (владения Змея Горыныча) освободить племянницу князя - в случае невыполнения задания князь грозитя отрубить Добрыне голову. Добрыня исполняет приказ, проникает в пещеры Змея Горыныча. «А там видит людей несметное число с сорока земель, с сорока стран, в два дня не сосчитать. Говорит им Добрынюшка: - Эй же вы, люди иноземные и воины чужестранные! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря. Без него вам бы век сидеть в змеином плену. Стали выходить они на волю, до земли Добрыне кланяться: - Век мы тебя помнить будем, русский богатырь!» [6].

Таким образом, былинный образ русского богатыря, аналога героев из греческих мифов, укоренен в национальном сознании, становясь инструментом интерпретации действительности как постоянно воспроизводимой борьбы между Россией и ее недругами. «Патриотизации» былинных героев во многом, на мой взгляд, способствовала картина Васнецова «Три богатыря», где Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович зорко высматривают, не движется ли враг на Русь. Возможно, история Киевской Руси, складывающаяся в непрерывном противостоянии с набегами прежде всего с востока, с необходимостью породила образ богатыря-защитника, чтобы вселить надежду на возможность успешного противостояния врагам. Но

не есть ли эта надежда на «богатыря» источником патерналистского начала в сознании русского общества? Вряд ли история других государств складывалась иначе, как не через противостояние и войны (правда, возможно, междоусобные), однако именно русский былинный эпос создает тип богатыря-защитника патриотических ценностей, и в рамках русской фольклорной культуры архетип Героя получает особое наполнение, сказывающееся на всей последующей интерпретации истории, обуславливая потребность в лидере-богатыре, обладающем неограниченными возможностями.

Идея постоянной угрозы, исходящей извне, и возможность противостояния ей благодаря «богатырям», поддерживается и сегодня в различных артефактах культуры: например, плакат-литография Александра Головки с картины Васнецова «Богатырский скак» с изображением русского былинного героя и подписью: *Илья Муромец - реальный герой своего времени. Ко Дню пограничника*. Здесь непоименованный герой с горящим взглядом, сидя на вздыбленном коне, зорко осматривается по сторонам, видимо, осуществляя дозор «заповедного луга». Илья Муромец высматривает «нарушителей границы». Правда, в одном из пересказов былины об Илье Муромце и Идолище Поганом указывается на весьма парадоксальную ситуацию: «Как-то раз поехал Муромец границы Руси проверять. А во время его отъезда напал на Киев Идолище поганое и захватил город» (<http://fb.ru/article/162292/kakie-podvigi-sovershil-ilya-muromets-perviy-boy-ili-muromtsa>). Возникает вопрос: какие границы проверял Илья Муромец, если во время его отъезда Идолище поганое, символизирующее «нехристей», «татарщину», напало на Киев? Очевидно, те, кто пересказывает былину, думают об опасности, идущей только от западных границ страны, но никак не от восточных. В оригинальных версиях Илья Муромец едет «в чистое поле, в широкое раздолье» пострелять там гусей, лебедей да серых уток. Как представляется, в пересказе былины сказывается характерная русская мыслительная традиция: видеть зло только на западных границах, что, с одной стороны, должно противоречить историческому опыту древней Руси, формировавшему национальные архетипы, а с другой – подтверждать влияние вектора «восточной политики», когда, говоря словам Александра Невского, «следует крепить оборону на Западе, а друзей искать на востоке». Патриотичность русского эпоса проявляется и в том, что «мировое зло», воплощаемое в европейской мифологии в образах драконов (Минотавр или Фарнир), здесь реализуется в

образе аналога драконов – ЧУДЕ-ЮДЕ, потенциальном разорителе русской земли. С ним борется сказочный герой Иван - крестьянский сын, младший из трех братьев, до поры до времени мирно живущих с родителями, неутомимыми тружениками. И «разнеслась вдруг в том царстве-государстве весть: собирается чудо-юдо поганое на их землю напасть, всех людей истребить». Тогда сыновья собираются в путь и говорят: «Пойдем мы на чудо-юдо, будем с ним биться насмерть» («Иван-крестьянский сын и чудо-юдо»). Отметим, сыновья реагируют не на реальный набег чудища, а только на известие об этом. Можно сказать, используя современную терминологию, что они решили вести «превентивную войну», или заняться «превентивной обороной». Некоторые высказывания современных политиков обосновывают предпринимаемые действия в духе решения сказочных братьев: ср. Дм.Медведев: «Мы защищаем народ России от угрозы терроризма. Потому что лучше это делать за границей, чем бороться с терроризмом внутри страны» (интервью Дмитрия Медведева телеканалу «Россия». 3 октября 2015 12:50).

Сказка или миф о борьбе героя и антигероя есть некий архетип коллективного бессознательного, не зависящий от этнической окраски культуры. Вместе с тем существуют собственно национальные архетипы – и фольклор позволяет предположить, что существует русский архетип Героя, осуществляющего превентивные действия по отношению к потенциальному антигерою – врагу родной земли, и, что важно, верно служащего своему «князю». Герой русской былины или сказки «огосударствлен», так как действует не в личных интересах (о них практически не говорится в «героических» сказках), а в интересах своей земли. Он верно служит князю, несмотря на то, что князь бывает к нему жестоко несправедлив. Так, в былине об Иване Муромце и Калине-царе «Владимир-князь да стольно-киевский/ Поразгневался на старого казака Илью Муромца,/ Засадил его во погреб во холодный /Да на три года поры-времени». Спасает Муромца от смерти дочь князя Апракса-королевична – по ее приказу слуги носят в погреб одеяла и яства. Когда же на Киев нападает Калин царь, Владимир, узнав от дочки, что Илья Муромец еще жив, «отмыкает ...скоренько погреб да холодный». И богатырь спасает своего князя, приведя к нему Калина-царя и заставив последнего платить дань. Сказанное выше коррелирует с исследованиями правовых архетипов русской культуры, оказывающих влияние на правовое сознание общества: «К основным архетипам русской национальной правовой культуры, определившим

развитие российской государственности и правовой системы, следует отнести: архетипы порядка, соборности, «Матери-Земли», «центра», «победы добра», «свой - чужой», «патриархальности», «симфонической личности», «героя»» (выд. Э.Л.). Тем не менее, в «официозных» дискурсах имеет место, скорее, опора на античные мифологические образы, возможно, с неосознаваемой целью вписать действия власти в общекультурный исторический контекст. Так, ко дню рождения Президента России группа художников поздравила его, изобразив в виде Геракла, побеждающего Лернейскую гидру (антисанкции), или укрощающего Критского быка – США) (<http://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/vladimir-putin-gerakl-13-11-2014.html>).

С точки зрения моральных принципов и правового сознания интерес представляет и другое действие Ивана-крестьянского сына - «разведывательная» деятельность. Победив «Чудо-Юдо», Иван хочет вызнать замыслы семьи чудища. «Рано утром Иван встал и отправился к чудо-юдовым каменным палатам. Сидят в тех палатах три чудо-юдовы жены да мать, старая змеиха, замышляют, как Ивану отомстить. Послушал их речи Иван - крестьянский сын и вернулся к братьям». Они отправляются в путь и по пути встречают колодец, манящий испить холодной воды, яблоню, искушающую своими плодами, и узорчатый ковер, приглашающий отдохнуть на нем. Все это Иван уничтожил, изрубив на мелкие кусочки, и сказал братьям: «И колодец, и яблоня, и ковер - все это чудо-юдовы жены были. Хотели они нас погубить, да не удалось им: сами погибли!». Какие возможны исторические аналоги с ликвидацией членов семей «врагов народа!» – автор бы с удовольствием привел их, если бы не опасался упреков в вульгаризации фольклорных источников.

Автор отдает себе отчет, что попытка привлечь русский фольклор как источник этнографических сведений и от него перейти к современному политическому мышлению (в нашем случае российскому) может показаться небесспорной. Автор хотел выявить те архетипические образы, которые мотивируют доминирующий тип политического мышления. Что же удалось спроецировать из прошлого в настоящее (или будущее?) с опорой на фольклорные источники? Представление о Руси как земле богатырей, освобождающих другие народы, следующее из него представление об обязательном существовании «драконов», ибо героическое начало может проявляться только в состязании с ними, патриотизм, понимаемый как борьба за родную землю и служение властителю, охрана западных границ при небрежении к опасности

с востока, «превентивная война» как естественный тип патриотического поведения, представление о необходимости уничтожить все, что «родственно» многоголовому чудовищу. И это наличие враждебных сил требует постоянного подвижничества от «земли богатырей».

Но не есть ли представление о земле богатырей, призванной спасти другие народы и проливать кровь, чтобы «дело было прочно», еще одной великой русской утопией, о которой в свое время писал Б.Ф.Егоров [7]? Попытка реализовать эту утопию побуждает вспомнить легенду о богатыре Дунае, который, в стремлении проявить богатырскую силу, вступает в единоборство со своей женой - «богатыркой» Настасьей и убивает ее, а затем, обнаружив, что она была беременна от него, кончает самоубийством.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Леви-Стросс К. Первобытное мышление. - М.: Республика, 1994. - 384 .
- [2] Юнг К. Душа и миф. Шесть архетипов. - Киев, 1996. - 384 с.
- [3] Гирц К. Интерпретация культур. - М.: Росспэ, 2004. - 560 с.
- [4] Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. - М.; СПб.: Университетская книга, 2002. - 380 с.
- [5] Хмелевская Е.Н. Иррациональное в массовой культуре современной России: аспекты исследования. - Режим доступа: URL:<http://cheloveknauka.com/irratsionalnoe-v-massovoy-kulture-sovremennoj-rossii-aspekty-issledovaniya#ixzz45u06gkTb> - (дата обращения 08.06.2016).
- [6] Былины. Режим доступа: URL:<http://lukoshko.net/storyList/byliny.htm> 05.04.2016. - (дата обращения - 02.06.2016).
- [7] Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. - СПб: Искусство-СПб, 2006. - 416 с.
- [8] Тюрин М.Г. Архетипы национальной правовой культуры. Ростов-на-Дону, 2008. - Режим доступа: URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1294683> (дата обращения 05.04.16).

REREFENCES

- [1] Levi-Stross K. Perwobytnoje myshlenije. M.: Respublica, 1994. 384 s. [in Russ.].
- [2] Jung C. Dusha I Mith. Shest' archetipow. Kijew, 1996. 384 s. [in Russ.].
- [3] Geertz K. Interpretacija kultur. M.: Rosspen, 2004. 560 s. [in Russ.].
- [4] Cassirer E. Philosophia simvolitsekich form. T.2. Mithologitseskoje myshlenije. M.:SPb.: Uniwersitetskaja kniga, 2002. 380 s. [in Russ.].
- [5] Chmelewskaja E.N. Irracionalnoje w massovoj culture sowremennoj Rossii. Access mode: URL: <http://cheloveknauka.com/irratsionalnoe-v-massovoy-kulture-sovremennoj-rossii-aspekty-issledovaniya#ixzz45u06gkTb>. Accessed 08.06.2016 [in Russ.].
- [6] Byliny. Access mode: URL: <http://lukoshko.net/storyList/byliny.htm> 05.04.2016. Accessed 02.06.2016 [in Russ.].
- [7] Jegorow B.F. Rossijskije utopii: istoritceskij putewoditel. SPb: Iskusstwo: SPB, 2006. 416 s. [in Russ.].
- [8] Thiurin M.G. Archetipy natsionalnoj kultury. Rostow-na-Donu, 2008. Access mode: URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1294683>. Accessed 05.04.16 [in Russ.].

**СИҚЫРШЫЛЫҚ ЖӘНЕ МИФОЛОГИЯЛЫҚ ҚАЗІРГІ САЯСИ ОЙ
(ОРЫС ДИСКУРС МАТЕРИАЛДАРЫНДА)**

Лассан Э.Р., гуманитарлық ғылымдарының докторы
/ Dr. Habilitation, орыс филология кафедрасының профессоры,
Вильнюс университеті, Вильнюс, Литва,
e-mail : eleonora.lassan@flf.vu.lt

Тірек сөздер: архетип, орыс дастаны, қазіргі саяси дискурс, сиқыршылық ой, мифологиялық ой.

Аңдатпа. Мақалада орыс дастаны мен ертегілерде қазіргі саяси дискурске арналған бейнелері қайталанып, проекцияланып қаралады. Автор сиқыршылық пен магиялық сананы ажыратады. Сиқыршылық сананы себепті-тергеу байланыс арасындағы құбылыстарды, ал мифологиялық сана белгілі бір әлемнің моделін құрайды. Автор көптеген ресейлік саяси сананы көрсетілген көне орыс элементтері ретінде (батырлар жырларында және ертегілерде), қазіргі қоғам ойының арқасында ара қатынаста болып жатқанын көрсетеді. Мәселен, автор ұлттық архетиптердің мәдениетсіз екенін көрсетеді. Әдетте, орыс балуаны Мемлекеттік қызмет пен әділетсіздікке қарамастан, соңғы князьға адал қалады. Ертегі кейіпкерлері «Алдын ала» соғыс жүргізіп, соның арқасында жеңімпаз болады. Қазіргі Ресейдің саяси құндылықтарын, дүниетанымдық аспектілерін және белгілі бір дәрежедегі орыс дастандары мұра болып жатыр.

Статья поступила 17.09.2016 г.

**PHYTONIMICAL CODE IN PLANT NAMES
(ON SLAVONIC MATERIAL)**

Kolosova V.B.,
Senior research fellow, PhD (Phylology),
Institute for Linguistic Studies RAS, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: chakra@eu.spb.ru

Keywords: ethnobotany, Slavonic studies, ethnolinguistics, phytonyms, word formation.

Abstract. The article concerns language processes resulting in phytonyms made of other phytonyms. Word-formation may be realized in various ways: meaning transferring; prefixal, suffixal, and prefixal-suffixal methods; forming compounds and word-combinations. At that, the same plant may have a number of cognates formed according to different models. Two plants may be compared on various bases – external resemblance, the same petals colour, the same habitat. The idea of likeness (but not identity) of plants may be showed via using a number of prefixes, as well as adjectives often having negative cultural connotations.

УДК 811.16, 581

ФИТОНИМИЧЕСКИЙ КОД В НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЙ (НА СЛАВЯНСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Колосова В.Б.,

с.н.с., к.филол.н., ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: chakra@eu.spb.ru

Ключевые слова: этноботаника, славистика, этнолингвистика, фитонимы, словообразование.

Аннотация. В статье рассматриваются языковые процессы, в результате которых растения получают названия, образованные от названий других растений. Словообразование может осуществляться с помощью разных методов: переноса значения, приставочного, суффиксального и приставочно-суффиксального методов, образования сложных слов и словосочетаний. При этом одно и то же растение может иметь ряд однокоренных фитонимов, образованных по разным словообразовательным моделям. Сопоставление двух растений может иметь разные основания – внешнее сходство, одинаковая окраска лепестков, обитание в одном и том же локусе. Идея сходства, но при этом не окончательной идентичности растений может подчеркиваться с помощью как целого ряда приставок, так и прилагательных, часто имеющих негативные культурные коннотации. В статье рассматриваются такие фитонимы, которые тем или иным способом образованы от других фитонимов, что может быть мотивировано внешним сходством растений, местом их обитания или другими причинами.

Растение может получить имя другого растения способом переноса значения. Так, например, вероника длиннолистная *Veronica longifolia* L. в Среднем Приобье получила название *сирень* – очевидно, в результате переноса по признаку цвета, а также по некоторому сходству формы соцветий [1, с. 79]. Также по цвету лепестков тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L. получил названия *ромашка* (Смол.), *романина* (Волог.) [2, с.5]. На Урале лексема *рябина* (Режев. Свердлов.) может означать пижму обыкновенную *Tanacetum vulgare* L. [3, с. 331], как и укр. *rabynnyk*, *řabyна dyka*, *řabyнка dyka* [4, с. 366] – благодаря сильному сходству гроздей ягод и листьев пижмы и рябины по форме. Еще одним примером может служить укр. *гречка* ‘горец змеиный *Polygonum bistorta* L.’ [5, с. 24]. По острому запаху и горькому вкусу пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare* L. получила названия, перенесенные с других растений, обладающих такими же признаками: полыни – *полынь* (Пск.) [2, с. 348], пол. *cytfar*, *cytfarńik* (подляско-сувальские говоры) [6, с. 320], словен. *abrača*, *abarat*, *aborat*, *abratica*, *abrotnica* [7, с. 190] и др., чемерицы – бел. *чамярыца* (Минск. диал. рег.), дурмана – бел. *дурман* (Речиц. Гомел.) [8, с. 105]. Поскольку

желтые цветки пижмы напоминают серединки ромашек, она названа *ромашка* (Арх., Тамб.) [2, с. 349; 9, с. 121], *ромешек* (Лубны) [2, с. 349], *романник* (Арх., Ярослав.) [3, с. 172]. По форме листьев также образовано укр. *raporotnyk* [4, с. 366]. Пижма также получила целый ряд названий, перенесенных с руты, пиона, конопли и других растений [10].

Похожий случай представляет собой наделение растения названием, означающим другое растение, в уменьшительно-ласкательной форме. Примером может служить та же пижма, которая во многих губерниях носила название *рябинка, полевая рябинка, желтая рябинка* (мног. губ.) ‘пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare* L.’ [2, с. 349]. Лексема имеет давнюю фиксацию – 1674 г.: «Трава имя ей рябинка; а годна та трава: бывает у человека в гортани жабная болезнь, и тое траву парити въ горячемъ вине или въ ренскомъ укусе, и тою травую теплою парить около гортани» [11, с. 363; 12, с. 106]. К фитонимам, образованным таким способом, относится и *кративка* ‘вероника длиннолистная *Veronica longifolia* L.’ (Ср. Приоб.) [1, с. 78; 13, с. 49, 66], укр. *гречичка* ‘ярутка полевая *Thlapsi arvense* L.’, *грешичка* ‘горец вьюнковый *Polygonum convulvulus* L.’ [5, с. 24].

Более десятка растений носят в диалектах русского языка название *берёзка*, среди них вьюнок полевой (Курск.), повой круглолистный (Нижегор., Пенз.), грушанка круглолистная (Курск., Вят.), фиалка собачья (Казан.), осока дернистая (Петерб.) и др. [3, с. 252], гречиха вьющаяся *Polygonum convulvulus* L. (Шегар. Том.) [13, с. 490]. Сходным образом, бел. *бярэзка* может означать вьюнок и горец, укр. *берізка* – вьюнок полевой *Convolvulus arvensis* L., горец вьюнковый *Polygonum convulvulus* L. и повилику *Cuscuta* L. [5, с. 22]. Многие из них, вероятно, получили это название по сходству своих листьев с листьями березы. Однако в случае с вьюнком полевым *Convolvulus arvensis* L., повоем заборным *Convolvulus sepium* и другими вьющимися растениями, имеющими названия типа *берёзка*, укр. *березка*, бел. *бярэзка* ситуация может оказаться сложнее. Некоторые этимологи возводят названия с таким корнем к фитонимам *берлозга*, укр. *берлозга*, бел. *бералёзка* ‘горец вьюнковый’, родственным словам с семой ‘вертеться, крутиться, вращать, виться’, и восходящим к прасл. **bьrlo* или **ob-verz-/vьrz-* ‘обвязать’, что подкрепляется длинным рядом других названий, мотивированных формой стебля, для вьющихся растений [14, с. 85; 5, с. 22; 15, с. 203]. Наконец, укр. *берізка* ‘карагана кустарниковая *Saragana frutescens* DC.’ является искажением лексемы *дереза* – украинского названия караганы – сближенной со словом *береза* [16,

с. 174]. Возможно, также «в результате затемнения внутренней формы слова» растение вереск *Erica L.* (укр. *верес*) в украинских говорах называется *берест* (при укр. *берест* ‘вяз малый *Ulmus minor* (*Ulmus carpinifolia*)’). Причиной такого явления может быть как фонетическое сходство слов, так и неточное знание реалий респондентами [5, с. 23].

Интересный случай представляет собой история слова *бурак* (многие южные и западные губернии России), *буряк* (Курск., Южн., Краснодар., Куйбыш., Яросл.) ‘свекла *Beta vulgaris L.*’ [3, с. 279, 301], бел. *бурак* ‘то же’ [8, с. 215], укр. *бурак*, *буряк* ‘то же’ [17, с. 82], србх. *борач*, чеш. *borák*, *borág*, чеш. диал. *burak*, пол. *borak*, *borag*, *burak* ‘то же’, возводимых к ср.-лат. *borágo* или ит. *borragine* ‘огуречник лекарственный *Borago officinalis L.*’ [18, с. 243]. Брюкнер отмечает в польском уже в 1472 г. *borak*, *borag*, *burak*; в XVI в. – форму *boracz* (нем. *Boretsch*), которая и была заимствована в русский язык [19, с. 49]. При этом существует версия, что заимствованное из араб. *abū-araq* через западноевропейские языки слово *буряк* касалось первоначально огуречника, который использовался в народной медицине, и лишь позже было перенесено на свеклу, поскольку листья обоих растений употреблялись в пищу в качестве салата [5, с. 20]. В дальнейшем названия свеклы были перенесены на другие растения, что было обусловлено сходством некоторых признаков обозначенных ими растений со свеклой обыкновенной – красноватым цветом листьев у щирицы и среза корневища у гореца восточного: укр. *бурачки* ‘щирица *Amaranthus caudatus L.*’, *бурячки* ‘горец восточный *Polygonum orientale L.*’; ср. тж. укр. *бурячки* ‘повилика льняная *Cuscuta epilinum Weihe*’, ‘очиток едкий *Sedum acre L.*’; *бурачки* ‘марь *Chenopodium L.*’, ‘повилика европейская *Cuscuta europaea L.*’; *бураки*, *бурачок* ‘повилика *Cuscuta*’ [5, с. 20].

Фитоним может быть образован от другого фитонима суффиксальным способом. Примером может служить *бобовник*, в разных русских говорах означающий клевер *Trifolium*, вахту *Menyanthes* или белокрыльник болотный *Calla palustris*; подобные образования отмечены в белорусском, украинском и польском, а также в восточных говорах Чехии, что говорит о древности модели [12, с. 36]. Вероятно, давностью образования отличаются и *мшанка*, болг. *máshovka*, укр. *тошовупка* ‘мшанка лежащая *Sagina procumbens*’ от *мъх* ‘мох’ – по мелким листьям, собранным в подушечку, похожую на мох [20, с. 129]. Рус. и укр. *дербенник* ‘дербенник иволистный *Lythrum salicaria L.*’ образованы от *дерба* ‘кизил’ [5, с. 22]; мотивация номинации

неизвестна, можно предположить, что основой послужило сходство листьев. По сходству формы листьев назван и *морковник* ‘купырь лесной *Anthriscus sylvestris* (L.) Hoffm.’: «Морковник — травка как у морковки» (Том. Том.) [13, с. 66, 141]. Ту же основу номинации можно предполагать и в болг. *вѣрбовка* ‘кипрей мелкоцветковый *Epilobium parviflorum*’ [21, с. 40], болг. *копорка* ‘льнянка обыкновенная *Linaria vulgaris*’ от *коноп* ‘конопля’ [20, с. 125]. Перистые листья, а также гроздь, в которые собраны цветки, послужили основанием сравнения пижмы с рябиной: *рябинник* (Моск., Яросл., Кемер., Калуж.) [3, с. 333; 22, с. 83], *рябинник жёлтый* (Вят.) [2, с. 348-349]. По резкому вкусу образованы фитонимы укр. *хрінниця* ‘клоповник широколистный *Lepidium latifolium* L.’; ‘редька полевая *Raphanus raphanistrum* L.’ [5, с. 20]. По сходству запаха с запахом лимона образован фитоним болг. *limonika* ‘пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare* L.’ [20, с. 58, 109]. В Польше (Тешинская Силезия) ромашка аптечная называется *jablownik* – по сходству с запахом яблони [23]. По использованию пижмы при кипячения кадок для засолки огурцов образовалось название *гурешник* (Солотч. Ряз.) [3, с. 304]. По месту обитания назван укр. *трепетивець*, *трепетюк*, *трепетенник* ‘подосиновик’ от *трепета* ‘осина’ [5, с. 22, 24]. Неясны, однако, основы сравнения для фитонимов болг. *тополка* ‘штокроза обыкновенная *Althea rosea*’, *грашица* ‘коровяк мучнистый *Verbascum lychnitis*’ [21, с. 40].

Показательно, что одно и то же растение может иметь ряд однокоренных фитонимов, образованных по разным словообразовательным моделям. Так, растения из семейства бобовых сравниваются с горохом и фасолью, поскольку имеют похожие цветки и общее строение: болг. *grašica*, *divi grach*, србх. *grahorka*, *grašor* ‘эспарцет *Onobrychis*’ от *грах* ‘горох’; *fasulica*, *fasul’aviče*, *fasuliče* ‘лядвенец рогатый *Lotus corniculatus*’, а также *fasul’avče* ‘горец птичий *Polygonum aviculare*’ – от *фасул* ‘фасоль’ [20, с. 114, 117, 148]. По сходству листьев от слова *врба* ‘верба’ образованы болг. *vărbovka*, словац. *vrбica*, *vrбka*, *vrbovka*, укр. *verbyčka* ‘кипрей узколистный *Epilobium angustifolium*’ [20, с. 129].

Очень схожие фитонимы могут быть образованы от одного и того же корня, однако иметь разные основания мотивации. Так, ягоды, растущие в основном среди сосен, носят названия болг. *borovina*, *borovinki*, *borovica*, *boriče*, србх. *borovača*, *borov(n)ica*, *borovnjača*, укр. *borovyna*, *borov(n)yc’a*, *borivka* ‘черника обыкновенная *Vaccinium myrtillus*’, болг. *borovinki* ‘черника обыкновенная *Vaccinium myrtillus*’,

‘брусника *Vaccinium vitis-idaea* L.’ [20, с. 150, 151], а растения, что формой листьев и веточек похожи на ветви хвойных деревьев – болг. *borika* ‘пастушья сумка обыкновенная *Capsella bursa pastoris*’; ‘хвощ полевой *Equisetum arvense*’; ‘хвостник обыкновенный *Hippuris vulgaris*’ от *бор(ика)* ‘сосна’. Для различных видов хвощей также отмечены болг. *borina*, србх. *borić, borak*, укр. *sosanka, sosenka*, для хвостника – србх. *borić, borak*, укр. *sosenka, sosenka*; однако для хвостника существует немецкая параллель *Tannenwedel* [19, с. 108].

Значительно менее распространены фитонимы, образованные с помощью приставок. Примером могут служить такие лексемы, как *наклен* (Ворон.) ‘клен остролистный *Acer platanoides* L.’; *неклен* (разн. губ.), *наклинок* (Самар., Саратов.), укр. *наклен*, пол. *poklon, nieklon*, чеш. *praklen, praklenek, neklen* ‘клен татарский *Acer tataricum* L.’; *накленок*, *наклен* (в бол. части Рос.), *наклина* (Сред.), укр. *неклен* (Киев.) ‘клен полевой *Acer campestre* L.’ [2, с. 3, 4]; *накленок* (Чулым. Новосибир.) ‘то же’, *накленка* (Сталингр.) ‘?’ [3, с. 157] или *падуб* ‘ясень обыкновенный *Fraxinus excelsior* L.’, ‘остролист *Ilex aquifolium* L.’ [2, с. 147, 174]. Здесь приставка *на-* реализует семантический комплекс «как бы, вроде, внешне похожий на то, что указано в корне» [24]. Подобным же значением обладает приставка *полу-*: *полуадамье* ‘растение, похожее на адам-траву’ «Как есь Адам, но в силе половинной» (Североур.); «это не настояща адамова трава, схожа толькё» (Шалинск.) [25, с. 162]; ср. *полуклевер* ‘люцерна хмелевидная *Medicago lupulina* L.’, *полумарена* ‘подмаренник членистый *Galium rubioides* L.’, *полуолба* ‘пшеница однозернянка *Triticum monococcum* L.’ [2, с. 152, 210, 362]. Добавим сюда же дендронимы *неклен* (Киев.) ‘клен полевой *Acer campestre* L.’, *неклен* (разные губ.), пол. *nieklon*, чеш. *neklen* ‘клен татарский *Acer tataricum* L.’ [2, с. 3, 4].

Приставка *под-* в фитонимах в подавляющем большинстве случаев встречается в словах, образованных приставочно-суффиксальным способом и либо выражает все ту же идею ненастоящести, сходства с оригиналом, худшего качества, либо указывает на пространственное положение денотата. В первом случае ярким примером могут служить фитонимы *подмарица* ‘подмаренник *Galium*’, *полумарена*, *маренник* ‘подмаренник членистый *Galium rubeoides* L.’ [2, с. 151, 152] – скорее всего, эти и прочие названия различных видов подмаренников образовались вследствие того, что подмаренник, как и марена, является красильным растением [26, с. 49]. Отметим, что этимология самого слова *марена* не вполне ясна; наиболее вероятной кажется версия,

что оно родственно слову *марать* [15, с. 211]. С большой степенью вероятности можно предположить, что название *подсвекольник* (Курск.) ‘амарант метельчатый *Amaranthus paniculatus* L.; ширица запрокинутая *Amaranthus retroflexus* L.’ [2, с. 27] дано по бурокрасному цвету листьев, *подхренник* (Курск.), укр. *хренина*, *хрiниця*, *хрiнок*, *собачий хрен* (Харьк.) ‘клоповник широколистный *Lepidium latifolium* L.’ [2, с. 191] – по острому вкусу и использованию в качестве приправы, *подбрусничник* (Ворон.) ‘вереск обыкновенный *Calluna vulgaris* Salisb.’ – по сходству листьев [2, с. 78].

Во втором случае денотатами зачастую являются грибы, обитающие вблизи своего дерева-симбионта. Поскольку миконимы не являются предметом рассмотрения в данной диссертации, упомянем вкратце лишь несколько случаев: так, подберезовик получил названия *подберёзоватик*, *подберёзник* (и *приберёзовик*) (подробнее см. [27]); см. тж. *подорешник* ‘опенок летний *Agaricus mutabilis* Schaeff.’; ‘дубовик оливково-бурый *Boletus luridus* Schaeff.’, чеш. *podborownik* ‘груздь перечный *Agaricus piperatus* Scop.’ [2, с. 14, 15, 67]. Однако *подгруздень*, *подгруздь* ‘груздь желтый *Agaricus serobiculatus* Scop.’ [2, с. 15] назван так, вероятно, по сходству с настоящим груздем.

Что касается названий травянистых растений, крайне сложно принять решение о мотивации в случае, когда она не указана в источнике. Так, если *подъукропник* (Самар.) ‘горичник эльзасский *Peucedanum alsaticum* L.’ [2, с. 246] можно истолковать как «похожий на укроп» (поскольку это зонтичное растение), то с такими названиями, как *подгорошник* (Ворон.) ‘вероника колосистая *Veronica spicata* L.’, *подкленник* (Тул.) ‘лопух большой *Lappa minor* Dc.’, *подсосенник* (Ворон.) ‘подмаренник настоящий *Galium verum* L.’, *подъясминок пахучий* ‘чубушник венечный *Philadelphus coronarius* L.’ [2, с. 152, 185, 248, 378]. Вопрос о мотивации становится еще сложнее, если одно растение имеет несколько названий, образованных от разных фитонимов, как, например, в случае с укр. *пiдберезовик*, *пiдвишень*, *пiдосичник* ‘горец змеиный *Polygonum bistorta* L.’ [5, с. 22, 24], или *подъясенник* (Ворон.), *рябинка* (Смол.), *дикая рябина* (Нижег., Вят.), *лесная рябинка* (Влад.), *святая рябина* (Тобол., Перм.) ‘синюха голубая *Polemonium coeruleum* L.’ [2, с. 262], либо же, напротив, один фитоним означает целый ряд ничем не схожих растений: *подкрапивница* ‘повилика тимьянная *Cuscuta epithimum* Sm.’ и русин. *пiдкропивниця* ‘земляника зеленая *Fragaria collina* Ehrh.’ [2, с. 397, 400] или *подъорешная трава* (Калуж.), укр. *пiдъорiшник* (Полт.),

подорішник ‘копытень европейский *Asarum europaeum* L.’ [2, с. 52, 391], см. тж. фитоним *подорешник*, означающий медуницу лекарственную *Pulmonaria officinalis* L. (Калуж., Смол.), манжетку обыкновенную *Alchemilla vulgaris* L. (Могил.), герань луговую *Geranium pratense* L. (Курск.) и фиалку удивительную *Viola mirabilis* L. (Ворон.) [2, с. 20, 156, 279, 381].

Редкой моделью является соединение двух корней в сложных словах, когда первым является корень прилагательного, вторым – существительного, обозначающего растение, например, *черноклен* (Могил., Ворон.), *чернокленина*, чеш. *cernoklen*, *černý klen*, пол. *czarnoklon* ‘клен полевой *Acer campestre* L.’, *черноклен* (Киев., Екатеринослав., Курск. и др.), *черноклина* (Укр., Черн.), *чернокленник* (Тамб.), ‘клен татарский *Acer tataricum* L.’ [2, с. 3, 4]. В рамках этой модели чаще встречаются сочетания подобных корней с названиями не собственно растений, а их частей – *златоглав*, *красноцвет*, *первоцвет*, *синеглазка*, *чернокорень* и мн. др.

Интересным является фитоним *стародуб(ка)*, относящийся к необычно длинному ряду растений: *стародуб* – дудник лесной *Angelica sylvestris* L. (Гродн.), полынь понтийская *Artemisia pontica* L., чистотел большой *Chelidonium majus* L. (Волын.), горичник настурциевидный *Imperatoria ostruthium* L. (Волын., с пол. *starodub*), гладыш широколистный *Laserpitium latifolium* L. (Полт., Малор.), горичник широколистный *Peucedanum latifolium* Dc., адонис весенний *Adonis vernalis* L. (Кышт. Перм.), адонис апеннинский *Adonis apennina* L. β. *sibirica* Led. (Кунгур. Перм.), цетрария исландская *Cetraria islandica* Ach. (Гродн.) [2, с.36, 49, 94, 175, 186, 246, 388, 395]; *стародубка* – адонис весенний *Adonis vernalis* L. (Оренб., Курск., Орл., Тул., Калуж., Перм.), *Adonis apennina* L. β. *sibirica* Led. (Кунгур. Перм.), горечавка горьковатая *Gentiana amarella* L. (Моск., Орл., Пенз., Перм. и др.), горечавка полевая *Gentiana campestris* L., горечавка легочная *Gentiana pneumonanthe* L., зимовник черный *Helleborus niger* L. (Малор.) [2, с. 10, 154, 155, 164, 400]. Хотя при ближайшем рассмотрении оказывается, что подавляющее большинство растений в этой группе относится к адонисам, горечавкам или зонтичным, тем не менее, никаких общих черт во внешнем виде либо применении всех или хотя бы большинства этих растений найти не удалось. Неясна и мотивация названия. Интересно, что та же ситуация сложилась с целым рядом инославянских фитонимов, также восходящих к названию дуба, обозначающих другие травянистые растения, и также не имеющих

надежного объяснения: болг. *podābec* ‘лапчатка серебристая *Potentilla argentea*’, болг. *podābica*, *podābiče*, *dābče*, *dubče*, *po(d)dābniče*, *podābniče*, *podubniče*, србх. *dubac*, *dubačas*, *podābica*, укр. *dubrivka*, *dubrivnyk* ‘дубровник обыкновенный *Teucrium chamaedrys*’ [20, с. 152, 153, 154, 157].

Наконец, наиболее распространенной моделью следует признать сложный фитоним: словосочетание, состоящее из двух слов, в котором первую позицию занимает прилагательное, называющее какой-либо признак, а вторую – название какого-либо растения, нередко разводимого. При этом первый компонент демонстрирует огромное разнообразие.

Так, прилагательное может называть цвет и, таким образом, постулировать различие в окраске лепестков (при общем сходстве) двух растений, например: *ромашика голубая* (Ворон.) ‘астра ромашковая *Aster amellus* L.’, *лютик голубой* (б.м.) ‘аконит клобучковый *Aconitum napellus*’ [2, с. 6, 7, 56]. Пижма получила названия *красная ромашка* (Соликам. Перм.) [28 (2), с. 298], *желтая рябинка* (мног. губ.), *рябинник желтый* (Вят.), *деревей желтый* (Тавр.) (по сравнению с тысячелистником) [2, с. 348-349], в.-луж. *żolta rutwica* [29, с. 142], *złota wowśa rutej* [30, с. 76], *żłota rutej* [31, с.233] (по сравнению с рутой). Розовые экземпляры тысячелистника называют *рябинка лиловая* (Вят.) [2, с. 5], белые – с рутой: в.-луж. *běła wowśa rutwica (rutej)* [29, с. 133].

Укр. *будяк* (означающее ряд колючих растений) послужило базой для создания фитонима укр. *будяк жовтоцвітний* ‘коровяк мучнистый *Verbascum lychnitis* L.’ – очевидно, потому что на высохшем стебле коровяка в конце лета остаются колючие плодовые коробочки [5, с. 22].

Блестящая поверхность лепестков вызвала ассоциации с маслом: луж. *бутрове рожички* (букв. «масляные розочки») ‘лютик едкий *Ranunculus acris* L.’ [32, с. 156]. Своему запаху тысячелистник обязан названием *духовистая мята* (Петрозав. Олон.) [3, с. 278].

Прилагательные, называющие локус, указывают на место обитания растения, тем самым противопоставляя его культурным растениям. Так, по сходству цвета (и формы) цветков борец высокий *Aconitum excelsum* Rchb. получил названия *люпин*, *полевой люпин* (Том. Том.) [13, с. 37], нивяник обыкновенный *Chrysanthemum leucanthemum* L.’ – *полевая астра* (Олон.) [2, с. 96]. Уже упоминавшееся выше сходство листьев пижмы и рябины обусловило фитонимы *полевая рябина*, *дикая рябина* ‘пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare*’: «У ей грозди, как

у ребинки, а растет в поле, вот так и зовут» (Североур.) [25, с. 162]. По использованию пижмы вместо хмеля она названа бел. *паявы хмель* (Стародор. Минск.) [8, с. 105]. Та же идея различия между разводимыми и дикими растениями может быть выражено более прямо: *дикий подсолнечник* (Алт.), *дикий подсолнок* (Харьк.) ‘девясил высокий *Inula helenium* L.’ [2, с. 176]; *греча дикая* (Волог.) [3, с. 136], болг. *дивъ пелинь* (букв. «дикая полынь») [21, с. 87] ‘тысячелистник’, србх. *дивља салата* (букв. «дикий салат») ‘цикорий’ [21, с. 135].

Указать на дикое, отдаленное от человеческого жилья место можно с помощью зоонимов: так, в болгарских диалектах название *мечи ягоди* (букв. «медвежья клубника») относится к дикой землянике *Fragaria vesca* L. (Ихтиманско); *меча ойна* (Чепино), *меча хвойна* (Софийско) (букв. «медвежий можжевельник») ‘можжевельник карликовый *Juniperus nana* Willd.’, обитающий высоко в горах, подчеркивает отличие от более крупного долинного вида можжевельник обыкновенный *Juniperus communis* L. (болг. *хвойна*); хвощ обыкновенный *Equisetum arvense* L. носит название болг. *мече вретено* [21, с. 159, 167, 190-191]. Груша лесная *Rugus piraster* получила имя словен. *medvedova hruščica* [33, с. 727]. Признак обитания растения в водном или болотистом локусе может быть выражен не только прилагательным *водный*, но и через использование названия животного, обитающего в таком же локусе, как, например, в укр. *півники жаб’ячі* (букв. «лягушачий/жабий ирис») [17, с. 38].

Однако гораздо чаще териоморфный код используется для того, чтобы указать на другие свойства растений, например, на поедание их животными (по крайней мере, согласно представлениям): србх. *зечја лубеница* (букв. «заячий арбуз») ‘кирказон ломоносовидный *Aristolochia clematitis*’, *зечја салата* ‘горицвет летний *Adonis aestivalis*’ [33, с. 568]. Как видно, в этом случае вторая часть составного фитонима зачастую представляет собой название какой-либо сельскохозяйственной культуры, которой и противопоставляется ее «заячий» аналог: овес и *заячий овес* ‘овсец луговой *Avena stramonium* (L.) Jess.’ (Тамб.) [3, с. 205], бел. *авёс заячы* ‘костер ржаной *Bromus secalinus*’ [34, с. 177]; бел. *зайчы кроп*, пол. *zajczy korär* (Пушча Ружаньска) (букв. «заячий укроп») ‘дягиль лесной *Angelica sylvestris* L.’ [35, с. 162-163]; укр. *заячий горох/горошок* ‘астрагал сладколистный *Astragalus glycyphyllos*; сочевичник весенний *Lathyrus vernus*; эспарцет виколистный *Onobrychis viciifolia*’ [17, с. 510, 512]; укр. *заяча кукурудзка* (Лялич.) ‘купена аптечная *Polygonatum officinale* All.’, *заяча петрушка* (Чаплин.) ‘василистник

малый *Thalictrum minus* L.’ [36, с. 54, 66]; чеш. *zajecí řepka* (букв. «заячья сурепка») ‘колючник бесстебельный *Carlina acaulis*’, который «из-за своей бесполезности оставлен на питание животным» [37, с. 259; 38, с. 199].

Зоонимический код крайне разнообразен сам по себе; так, не менее многочисленны «медвежьи» названия: словен. *medvedova hruš(i)ca, medvedove hruške* (букв. «медвежья груша») ‘боярышник обыкновенный *Crataegus oxyacantha*’ [39, с. 175; 33, с. 727; 40, с. 44], болг. *мечи ябълки* ‘боярышник однопестичный *Crataegus monogyna* Jacq.’ [21, с. 449], *мече зеле, мечешко зеле* (букв. «медвежья капуста») ‘петров крест чешуйчатый *Lathrea squamaria* L.’, *мечо зеле* ‘вяжечка гладкая *Turritis glabra* L.’ (Враца), *мечи копър* (букв. «медвежий укроп») ‘лигустикум мутеллиновый *Meum mutellina* Gaertn.’, *мечкино грозье* (букв. «медвежий виноград») ‘очиток *Sedum* L.’, *мечкина пченка* (букв. «медвежья кукуруза») ‘аронник пятнистый *Arum maculatum* All.’ (Кичевско) [21, с. 107, 278, 449, 450], србх. *медведова трешња* (букв. «медвежья черешня») ‘рябина обыкновенная *Sorbus aucuparia*’, србх. *медвеђе / мечје грозђе* ‘брусника *Vaccinium vitis idaea*’ [33, с. 610, 614].

Эта группа тесно примыкает к следующей: входящие в нее растения противопоставляются своим «культурным аналогам» по пищевой, хозяйственной либо культурной ценности – как, например, *капуста* и *зайчиная капуста* ‘трава с продолговатыми листьями и лиловыми цветами, имеющими форму колокольчика’: «дети едят стебель этой травы, очистив его от верхней кожицы» (Судж. Курск.) [3, с. 110]; *щавель* и *заячий щавель* ‘кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.’ (Ельн. Смол., Курск., Екатеринослав.) [3, с. 206]; русин. Воев. *заяча шалата* ‘кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.’ [41, с. 277]. То же касается растения чистяк весенний *Ranunculus ficaria* L., листья и корневые клубеньки которого употреблялись в пищу и которое вследствие этого получило названия *заячий салат* (Курск.), *заячья салатка* (Тавр.), укр. *заяча салата/шалата, заячий щавель* [2, с. 144; 17, с. 717, 783, 790]. На салат собирали и осот огородный *Sonchus oleraceus* L. с диалектным названием укр. *заяча капуста* [17, с. 567]. Как видим, растения, входящие в эту группу, в принципе съедобны, но употребляются в пищу либо во времена голода, либо в качестве дополнительного пищевого ресурса, например, *лук* и *медвежий лук* ‘черемша *Allium ursinum*’: «в лесу весной собираю» (Ачитс. Свердлов.) [25, с. 132]; *медвежий чеснок* ‘черемша *Allium ursinum*’: «Медвежий чеснок пахнет, как чеснок, а несхожей так-ту» (Тугул. Свердлов.) [25, с. 133].

Сочетания фитонимов, обозначающих красивые, высоко ценимые цветы с прилагательным *заячий*, также означают декоративные растения более низкого статуса или просто дикие, полевые цветы: укр. *рожа* ‘роза’ и *заяча рож* (Подол.) ‘мальва шток-розовая *Malva alcea*’ [17, с. 268]; болг. *крем* ‘лилия’ и *зайчи крем* ‘ирис болотный *Iris pseudoacorus* L.’ [21, с. 390]; србх. *ружица* ‘розочка’ и *зеџа ружица* ‘ирис *Iris*’ [33, с. 568]. У многих славян встречается наименование адониса с помощью составного фитонима, имеющего внутреннюю форму «заячий мак»: *заячий мак* (Оренб.) ‘адонис весенний, горичвет *Adonis vernalis* L.’ [3, с. 205]; укр. *заячий мак* ‘то же’ [17, с. 621]; русин. Воев. *заячи мак* ‘горичвет летний *Adonis aestivalis* L.’ [41, с. 277]; словен. *zajčji mak* ‘то же’ [40, с. 62]; ст.-пол. *zajęczy mak* ‘то же’ [37, с. 51].

Среди составных «заячьих» фитонимов исключительно часто повторяется словосочетание с внутренней формой «заячья капуста». Так, в русских говорах отмечено пять таких названий (*зайчи́кова капуста*, *зайчи́ная капустка*, *заячьа капуста* (наиболее распространенное), *заячьа капустка*, *ушканья капуста*), относящиеся к двадцати ботаническим видам, четыре из которых не определены; чаще других встречается кислица обыкновенная [3, с. 110; 3 / 11, с. 204]. В белорусских говорах таких названий восемь, а обозначаемых ими растений – семь [8, с. 58, 136, 150, 152, 153, 167]; в украинских говорах это соотношение составляет шесть к двенадцати [17, с. 549-550, 567]. Достаточно разнообразны вариации на тему заячьей капусты в западнославянских диалектах: чеш. *zaječji/zajičji/zajičji/zajčji zeli/zelé* ‘жарновец *Sarothamnus*’, словац. *zajačia kapustička* ‘кислица обыкновенная *Oxalis acetosella* L.’, кашуб. *złajičã kapusta* ‘щавель кислый *Rumex acetosa*’, пол. *kapusta zajęcza* ‘очиток заячьа капуста *Sedum telephium* L.’, луж. *wuchačowy kał* ‘очиток едкий *Sedum acre* L.’ и мн. др. (подробнее см. [2, с. 324; 38, с. 191, 203; 42, с. 174; 35, с. 288; 30, с. 63]). Однако у южных славян это словосочетание практически отсутствует: србх. *зеџи купус* относится к четырем растениям – кислице обыкновенной *Oxalis acetosella*, двум видам молодила *Sempervivum patens* и *Sempervivum tectorum* и осоту *Sonchus* [33, с. 569], а в болгарских, македонских и словенских диалектах его обнаружить не удалось. Что касается денотатов, чаще всего фитонимы этой группы относятся к кислице обыкновенной у восточных славян и к разным видам очитка – у западных [43].

Еще один крайне популярный у всех славян способ называния ядовитых, малоценных или просто чужих, необычных растений –

ксенономинация. В этом случае первое прилагательное образуется от названия какой-либо народности, которая либо служит источником заимствования соответствующего растения, либо же просто негативно оценивается этносом-номинатором. Примером может служить ряд названий новых, необычных растений: *турская пшеница*, *турское пшено* [2, с. 385], словац. *turecká pšenica*, *indická pšenica*, *turecké žito* [44, с. 85-86], пол. *turska pszenica* [45, с. 222] ‘кукуруза *Zea mays* L.’; *сараценское пшено*, србх. *сараценско пшено* ‘рис посевной *Oryza sativa*’ [46, с. 191]; словац. *turecké lilium* ‘тюльпан Геснера *Tulipa gesneriana* L.’ [44, с. 85].

Через образ инородца могут осмысляться суррогатные свойства растений: *калмыцкий чай* ‘солодка шиповатая *Glycyrrhiza asperitima* L.’ [2, с. 159]; *монгольский/сибирский чай* ‘камнеломка *Saxifraga crassifolia* L.’: «листья старые, пролежавшие зиму под снегом, собирают и употребляют калмыками вместо чая» [2, с. 317]; *мансийский чай* ‘лабазник вязолистный *Spiraea ulmaria* L.’ [47, с. 65].

С помощью этнонима может выражаться признак «мелкий», то есть тоже не до конца настоящий, неполноценный: болг. *влашко кокиче* ‘подснежник снеговой *Galanthus nivalis* с мелкими цветками’ (букв. «валашский подснежник»); болг. *турски карамфил* ‘гвоздика с очень мелкими цветками’ (букв. «турская гвоздика») [48, с. 47, 49, 54].

Кашубское название чеснока *žėdovsk’è jabłka* [42 (6), с. 300] (букв. «еврейские яблоки») связано со стереотипным представлением о чесноке как о любимом компоненте пищи евреев [49, с. 45].

В славянской – и, шире, европейской – фитонимии с точки зрения ксеномотивации внимание привлекает физалис – растение, чашечка которого после отцветания разрастается, принимает вид оранжевого фонарика и окружает собой оранжевый или красный плод размером с крупную вишню. В южных районах плоды физалиса обыкновенного употребляются в кулинарии; однако в умеренном климате плоды не созревают и могут вызвать отравление, что и обусловило ряд следующих названий: *вишня жидовская*, *яблоко жидовское*, укр. *груши жидівські*, *жидовски ягоди* (Херс.) ‘песья вишня обыкновенная (физалис обыкновенный) *Physalis alkekengi*’ [2, с. 250, 407]; хорв. *židovska kapa* [букв. «еврейский колпак»] [50, с. 154]; чеш. *židovská jahoda*, *židovská čerešňa*, *židoviny* ‘песья вишня *Physalis*’ [37, с. 206]; *židovská třešeň*, *židovská višeň*, *židovské jahody* ‘то же’ [51, с. 339]; пол. *židovska wisznia* ‘то же’ [52, с. 184]; в.-луж. *Judašówa móšen* [31, с. 205]; ст.-кайк. *židovska črešnja*, *židovska višnja* [50, с. 157-158]; словен.

judovska češnja [53, с. 134]; словац. *židovská čerešňa* [37, с. 206]. Н. Вайс, специально занимавшаяся названиями физалиса в европейских языках, приводит такой ряд фитонимов, как нем. *Judenkirsche, Judaskirsche, Judenkraut*, дат. *Jodenkers, jødekirsebær, jødiske kirsebær*, фр. *cerise de juif*, фриул. *zariése-di-zugiò*, рум. *cireașia jidovului*; автор делает вывод, что прилагательное 'еврейский' в данном случае подчеркивает отличие физалиса от настоящей вишни/черешни/яблока [50, с. 158; 54].

Отметим, что от рассмотренных выше фитонимов, перенесенных с других растений (или образованных от названий растений), следует отличать одинаковые фитонимы для разных растений в том случае, когда они являются следствием неразличения, как, например, названия различных видов и даже родов зонтичных, похожих внешне [55], или же когда разные растения получили одинаковые или очень похожие названия вследствие мотивированности одним и тем же признаком, напр., *подорожник* в русских говорах может означать горец песчаный, горец птичий, одуванчик аптечный, клевер мясо-красный, клевер луговой, гриб сыроежку или же любую траву, растущую вдоль дороги [3, с. 121–122] – по локусу обитания; *медуница* – клевер луговой, лабазник вязолистный, мята полевая, донник аптечный, пикульник красивый, подмаренник настоящий, мытник болотный и др. [3, с. 73] – по медоносности; *молочай* – осот, одуванчик аптечный, прозанник пятнистый, ястребинка волосистая, латук лесной, кульбаба копьелистная и др. [3, с. 243] – по млечному соку; *подснежник* – ветреница лесная, ветреница дубравная, прострел, адонис весенний, фиалка холмовая, печеночница обыкновенная и др. [3, с. 186] – по раннему появлению весной. Для подобных случаев «неразличения видов внутри совокупностей и объединения видов в совокупности по одному признаку» Н.Д. Голев ввел термин понятия-«губки» [56, с. 80]. Точно так же фитоним укр. *блекіт* 'цикута *Cicuta* L.'; 'болиголов пятнистый *Conium maculatum* L.'; 'кокорыш обыкновенный *Aethusa suparium* L.' – относится к ядовитым растениям и связывается с укр. диал. *блекотати* 'нечленораздельно говорить' [5, с. 21]. Подобные явления возможны и на общеславянском уровне, ср. названия типа *чемерика/чемерица* для горьких и ядовитых растений при словац. *čemerice, čemerka* 'лютик ядовитый *Ranunculus sceleratus* L.' [2, с. 291].

В таких случаях крайне трудно решить, восходит ли название каждого растения по отдельности к общему корню, или же название одного растения было перенесено на другое. Разбор каждого индивидуального случая требует тщательного анализа с привлечением

диахронных и лингвогеографических данных. Уверенно судить о направлении переноса можно лишь в таких случаях, когда достоверно известно, что растение проникло на соответствующую территорию позже других, носящих то же название. Ярким примером может служить аир, попавший на Русь в XI-XIII в. и получивший названия других водных растений: *сита*, *треста*, *камыш*, *осока*, *куга* [2, с. 8; 12, с. 44; 3, с. 394], бел. *рагожнік*, *асака* [8, с. 175], укр. *кувшинки*, *рогіз*, *осока*, *тросник* [17, с. 38], србх. *mirisna trstika* (при србх. *трска* ‘камыш, тростник’) [53, с. 492; 27].

Наконец, сравнение растений может быть заложено еще в латинской номенклатуре, которая послужила базой для создания многих национальных таксономий, часто проникающих в народные названия. Так, лат. *Linaria* образовано от *Linum*, что отразилось в парах льянка – лен, укр. *ленник*, *ленок* – льон [17, с. 255-256], болг. *линянка* – *лен*, *льн* [21, с. 199] и под.

Итак, словообразование в рамках использования фитонимического кода традиционной культуры может осуществляться с помощью разных методов: переноса значения, приставочного, суффиксального и приставочно-суффиксального методов, образования сложных слов и словосочетаний. При этом одно и то же растение может иметь ряд однокоренных фитонимов, образованных по разным словообразовательным моделям.

Связь двух растений может иметь разные основания – внешнее сходство, одинаковая окраска лепестков, обитание в одном и том же локусе и др. Идея сходства, но при этом не окончательной идентичности растений может подчеркиваться с помощью как целого ряда приставок, так и прилагательных, часто имеющих негативные культурные коннотации.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Арьянова В.Г. О словообразовании имен существительных в говорах Среднего Приобья (на материале лексики флоры) // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии / Ученые записки ТГУ им. В.В. Куйбышева. – 1971. - Вып. 2. №. 74. - С. 75-90.

[2] Анненков Н.И. Простонародные названия русских растений / Собрал Н. Анненков, дир. Ком. лесоводства и акклиматизации растений, учреждённого при Имп. Моск. о-ве сельск. хоз. - М.: Университет. тип., 1858.

[3] Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–46), С.А. Мызников (вып. 47–). - М.; Л.; СПб.: Наука, 1965. – Вып.1.

[4] Makowiecki S. Słownik botaniczny łaćińsko-mańoruski, zebrań i ułóżył w latach 1877-1932. - Kraków, 1936.

- [5] Коломієць В.П., Шамота А.М. Семантична мотивація українських назв рослин // Мовознавство. - 1979. - № 4. - С. 20-25.
- [6] Zdancewicz T. Nazwy *wroticzu pospolitego* (Tanacetum vulgare) w gwarach podlasko-suwałskich i przyległych // *Slavia Occidentalis*. - 1968. - Т. XXVII. - S. 319-331.
- [7] Havlová E. Několik slovinských názvů rostlin // *Slavia*. - 1982. - Ročník 51. Sešit 2. - S. 188-191.
- [8] Раслінны свет: Тэматычны слоўнік / Складальнікі: В.Дз. Астрэйка, М.А. Ісачанкова, А.А. Крывіцкі і др.; навук. рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. - Мінск: Беларуская навука, 2001.
- [9] Протапопова О.В. Лексика природы в системе языковой культуры (На материале тамбовских говоров и произведений писателей XIX-XXI вв., связанных с Тамбовским краем): автореф. дисс. ... к.ф.н. - Тамбов, 2004.
- [10] Колосова В.Б. Этноботанические заметки. VI. Пижма // Антропологический форум. - 2011. - № 15. - С. 171-186.
- [11] Акты, относящиеся до сбора лекарственных трав и корней около Якутска // Дополнения к Актам историческим. Т. 6. - СПб., 1857. - С. 360-364.
- [12] Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. - М., 1967.
- [13] Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1. А-К, Т. 2. Л-Т, Т. 3. У-Я. - Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. -
- [14] Кравчук Р.В. Беларуская лексікалогія і этымалогія. - Мінск, 1968.
- [15] Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1. - М., 1974.
- [16] Етимологічний словник української мови. В 7 т. / Голов. ред. О.С. Мельничук. - Київ, 1982.
- [17] Кобів Ю. Словник українських наукових і народних назв судинних рослин. - Київ, 2004.
- [18] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. - СПб.; М., 1996.
- [19] Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. - Warszawa, 1985.
- [20] Choliolčev Ch. Onomasiologische und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme (Beitrag zur bulgarischen volkstümlichen Phytonymie). - Wien, 1990.
- [21] Ахтаров Б. Материал за български ботаничен речник. - София, 1939.
- [22] Иванов В.А. Названия растений средней полосы России (На материале калужских говоров): дисс. ... к.ф.н. - М., 1985.
- [23] Kujawska M., Łuczaj Ł., Sosnowska J., Klepacki P. Rośliny w wierzeniach i zwyczajach ludowych. Słownik Adama Fischera (in print).
- [24] Александрова А.Е. Структурно-семантические особенности лексем с малопродуктивными архаичными именными приставками па-, пра-, су- в русском языке: автореф. дисс. ... к.ф.н. - Псков, 2003. - 26 с.
- [25] Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. - Екатеринбург, 2000.
- [26] Полевые цветы. Иллюстрированный справочник. - Вильнюс: BESTIARY, 2012.
- [27] Колосова В.Б. Этноботанические заметки. VIII. Аир // Филологическая регионалистика. - 2015. - № 1-2 (13-14). - С. 31-37.
- [28] Словарь пермских говоров. В 2-х вып. - Пермь: Книжный мир, 2000-2002.
- [29] Wjela J. Naše rostlinske mjena z přimjenami // Časopis mačicy serbskeje. - 1896. - Lětnik IXL. Zešiwk 93-94. - S. 133-142.

[30] Radyserb-Wjela J. Serbske rostlinske mjena w dvěmaj dželomaj a sedmjoch stawach po abejejskim rjedže. Čestny pomnik za serbskeho přirodospytnika njeboh Michała Rostoka, zestajał njeboh Jan Radyserb-Wjela, zřadował a za čišeć přihotował Matej Urban. - Budyšin, 1909. - 117 s.

[31] Militzer M., Schütze T. Die Farn- und Blütenpflanzen im Kreise Bautzen // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. - 1952. Číslo 1. I. džělba, 1953. Číslo 1. II. džělba. Nimorjadny zešiwk. - 319 s.

[32] Софрић П. Главније биље у народном веровању и предању код нас Срба. - Београд: БИГЗ, 1990.

[33] Симоновић Д. Ботанички речник. Имена биљака са именима на руском, англеском, немачком и француском језику. Српска академија наука. Посебна издања. Књ. СССХVIII. Институт за српскохрватски језик. Књ. 3. - Београд, 1959. 890 с.

[34] Szcześniak K. Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny. - Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008. - 410 s.

[35] Pastusiak K. Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie w świetle danych językowych i etnograficznych na podstawie nazw roślin. - Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2007. - 417 s.

[36] Осадча-Яната Н. Українські народні назви рослин. - Нью-Йорк, 1973.

[37] Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. - Praha, 1954.

[38] Hladká Z. Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. - Brno, 2000.

[39] Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1.- Ljubljana, 1977.

[40] Karlin M. Slovenska imena naših zdravilnih rastlin. - Ljubljana, 1964.

[41] Шовљански Р. Речник заштите биља и животне средине српско-русинско-латинско-енглески // Словник заштите рошљинох и животног стредку сербско-руско-латинско-англијски. - Нови Сад: FB Print, 2010. - 436 с.

[42] Sychta V. Słownik gwar kaszubskich. T. 1-7. - Wrocław-Warszawa-Kraków, 1967-1976.

[43] Колосова В.Б. «Заячьи» травы в народной ботанике славян // Славянский альманах (в печати).

[44] Majtánová M. Prídavné meno *turecký* v staršej slovenskej botanickej terminológii // Slovenská reč. - 1979. Ročník 44. Číslo 2. - S. 82-87.

[45] Kalinowska Z. Polskie nazwy roślin dopisane w niemieckim Zielniku H. Bocka z r. 1587 // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. - 1949. - Vol. IV, 5. Sectio E. - S. 153-239.

[46] Чајкановић В. Речник српских народних веровања о биљкама. - Београд, 1985.

[47] Слинкина Т.Д. Народная медицина манси, основанная на традиционном мировосприятии // Вестник угроведения. - 2006. - № 2. - С. 61-66.

[48] Бизеранова С. За някои фитоними в говора на Ново Село, Видинско // Растителният и животинският свят в традиционната култура на българите. - София, 2003. - С. 42-55.

[49] Rogowska E. Kaszubskie nazwy roślin uprawnych. - Gdańsk, 1998.

[50] Vajs N. Denominacijski rezultati semičkih podudaranja u nazivima za biljku *Physalis alkekengi* // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. - 1996. - Knj. XXII. - S. 153-163.

[51] Rystonová I. Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů. - Praha, 2007.

[52] Rokossowska Z. O świecie roślinnym wyobrażenia, wierzenia i podania ludu ruskiego na Wołyniu we wsi Jurkowszczyźnie pow. Zwiąhelskim // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. - 1889. - T. XIII. - S. 163-199.

[53] Šulek B. Jugoslavenski imenik bilja.- Zagreb, 1879.

[54] Колосова В.Б. Образ еврея сквозь призму народной ботаники // Сборник МАЭ (в печати).

[55] Гайдамашко Р.В. К этимологии и лингвогеографии названий зонтичных растений в русских говорах Прикамья: *пучка, умра* // Acta linguistica Petropolitana (в печати)

[56] Голев Н.Д. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (Наблюдения над ролью прагматического фактора) // Говоры русского населения Сибири / Отв. ред. В. В. Палагина. - Томск: Изд. Том. ун-та, 1983. – С. 76-87.

REREFENCES

[1] Ar'yanova V.G. O slovoobrazovanii imen sushchestvitel'nyh v govorah Srednego Priob'ya (na materiale leksiki flory). *Voprosy yazykoznaniiya i sibirskoj dialektologii. Uchenye zapiski TGU im. V.V. Kujbysheva*. 1971. Vyp. 2. №. 74. S. 75-90 [in Russ.].

[2] Annenkov N.I. Prostonarodnye nazvaniya russkih rastenij. Sobral N. Annenkov, dir. Kom. lesovodstva i akklimatizacii rastenij, uchrezhdyonnogo pri Imp. Mosk. o-ve sel'sk. hoz. M.: Universitet. tip., 1858 [in Russ.].

[3] Slovar' russkih narodnyh govorov / Gl. red. F.P. Filin (vyp. 1–23), F.P. Sorokoletov (vyp. 24–46), S.A. Myznikov (vyp. 47–). M.; L.; SPb.: Nauka, 1965 [in Russ.].

[4] Makowiecki S. Słownik botaniczny łaćińsko-małoruski, zebrał i ułożył w latach 1877-1932. Kraków, 1936 [in Pol.].

[5] Kolomicz' V.P., Shamota A.M. Semantichna motivaciya ukrains'kih nazv roslin. *Movoznavstvo*. 1979. № 4. S. 20-25 [in Ukr.].

[6] Zdancewicz T. Nazwy wrotliczu pospolitego (Tanacetum vulgare) w gwarach podlasko-suwalskich i przyległych. *Slavia Occidentalis*. 1968. T. XXVII. S. 319-331 [in Pol.].

[7] Havlová E. Několik slovinských názvů rostlin. *Slavia*. 1982. Ročník 51. Sešit 2. S. 188-191 [in Slov.].

[8] Raslinny svet: Tehmatychny slownik.Skladal'niki: V.Dz. Astrehjka, M.A. Isachankova, A.A. Kryvicki i dr.; navuk. rehd. L.P. Kuncchvich, A.A. Kryvicki. Minsk: Belaruskaya navuka, 2001 [in Bel.].

[9] Protapopova O.V. Leksika prirody v sisteme yazykovoj kul'tury (Na materiale tambovskih govorov i proizvedenij pisatelej XIX-XXI vv., svyazannyh s Tambovskim kraem): avtoref. diss. ... k.f.n. Tambov, 2004 [in Russ.].

[10] Kolosova V.B. Etnobotanicheskie zametki. VI. Pizhma. *Antropologicheskij forum*. 2011. № 15. S. 171-186 [in Russ.].

[11] Akty, otnosyashchiesya do sbora lekarstvennyh trav i koren'ev okolo Yakutska. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim*. T. 6. SPb., 1857. S. 360-364 [in Russ.].

[12] Merkulova V.A. Ocherki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij. M., 1967 [in Russ.].

[13] Ar'yanova V.G. Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 2006-. T. 1. A-K; T. 2. L-T; T. 3. U-YA. Slovník. 192 s. [in Russ.].

[14] Kravchuk R.V. Belaruskaya leksikologiya i etymologiya. Minsk, 1968 [in Russ.].

- [15] Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov / Pod red. O.N. Trubacheva. Vyp. 1 – M., 1974 [in Russ.].
- [16] Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi. V 7 t. / Golov. red. O.S. Mel'nichuk. Kiïv, 1982 [In Ukr.].
- [17] Kobiv Yu. Slovník ukraïns'kih naukovih i narodnih nazv sudinnih roslin. Kiïv, 2004 [in Ukr.].
- [18] Vasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t. SPb.; M., 1996 [in Russ.].
- [19] Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.
- [20] Choliolčev Ch. Onomasiologische und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme (Beitrag zur bulgarischen volkstümlichen Phytonymie). Wien, 1990.
- [21] Ahtarov B. Material za b'lgarski botanichen rechnik. Sofiya, 1939.
- [22] Ivanov V.A. Nazvaniya rastenij srednej polosy Rossii (Na materiale kaluzhskih govorov): diss. ... k.f.n. M., 1985 [in Russ.].
- [23] Kujawska M., Łuczaj Ł., Sosnowska J., Klepacki P. Rośliny w wierzeniach i zwyczajach ludowych. Słownik Adama Fischera (in print).
- [24] Aleksandrova A.E. Strukturno-semanticzeskie osobennosti leksem s maloproduktivnymi arhaïchnymi imennymi pristavkami *pa-*, *pra-*, *su-* v russkom yazyke; avtoref. diss. ... k.f.n. Russkij yazyk. Pskov, 2003 [in Russ.].
- [25] Konovalova N.I. Slovar' narodnyh nazvanij rastenij Urala. Ekaterinburg: b.i., 2000 [in Russ.].
- [26] Polevye cvety. Illyustrirovannyj spravochnik. Vil'nyus: BESTIARY, 2012 [in Russ.].
- [27] Kolosova V.B. Etnobotanicheskie zametki. VIII. Air. *Filologicheskaya regionalistika*. 2015. № 1-2 (13-14). S. 31-37 [in Russ.].
- [28] Slovar' permskih govorov. V 2-h vyp. Perm': Knizhnyj mir, 2000-2002 [in Russ.].
- [29] Wjela J. Naše rostlinske mjena z p'rimjenami. *Časopis maćicy serbskeje*. 1896. LětnikIXL. Zešiwk 93-94. S. 133-142.
- [30] Radyserb-Wjela J. Serbske rostlinske mjena w dwěmaj dźělomaj a sedmjoch stawach po abejcejskim rjedže. Čestny pomnik za serbskeho p'rirodospytnika njeboh Michała Rostoka, zestajał njeboh Jan Radyserb-Wjela, zrzadował a za čišć p'rihotował Matej Urban. Budyšin, 1909. 117 s.
- [31] Militzer M., Schütze T. Die Farn- und Blütenpflanzen im Kreise Bautzen. *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*. 1952. Čislo 1. I. dźělba. 1953. Čislo 1. II. dźělba. Nimorjadny zešiwk. 319 s.
- [32] Sofrić P. Glavnije bilje u narodnom verovanju i predanju kod nas Srba. Beograd: BIGZ, 1990.
- [33] Simonović D. Botanički rečnik. Imena biljaka sa imenima na ruskom, angleskom, nemačkom i francuskom jeziku. Srpska akademija nauka. Posebna izdanja. Knj. CCCXVIII. Institut za srpskohrvatski jezik. Knj. 3. Beograd, 1959. 890 s.
- [34] Szcześniak K. Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008. 410 s.
- [35] Pastusiak K. Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie w świetle danych językowych i etnograficznych na podstawie nazw roślin. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2007. 417 s.
- [36] Osadcha-Yanata N. Ukraïns'ki narodni nazvi roslin. New-York, 1973.
- [37] Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.

- [38] Hladká Z. Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. Brno, 2000.
- [39] Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1. Ljubljana, 1977.
- [40] Karlin M. Slovenskaimenanašihzdravilnihrastlin. Ljubljana, 1964.
- [41]. Šovljanski R. Rečnik zaštite bilja i životne sredine srpsko-rusinsko-latinsko-ingleski / Šovljanski, Radmila. Slovník zashchiti roshlinoh i zhivotnogo sredku serbsko-rusko-latinsko-anrlijski. Novi Sad: FB Print, 2010. 436 s.
- [42] Sychta B. Słownik gwar kaszubskich. T. 1-7. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1967-1976.
- [43] Kolosova V.B. «Zayach'i» travy v narodnoj botanike slavyan. *Slavyanskij al'manah* (v pechati) [in Russ.].
- [44] Majtánová M. Prídavné meno *turecký* v staršej slovenskej botanickej terminológii. *Slovenská reč*. 1979. Ročník 44. Číslo 2. S. 82-87.
- [45] Kalinowska Z. Polskie nazwy roślin dopisane w niemieckim Zielniku H. Bocka z r. 1587. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. 1949. Vol. IV, 5. Sectio E. S. 153-239.
- [46] Čajkanović V. Rečnik srpskih narodnih verovanja o biljkama. Beograd, 1985.
- [47] Slinkina T.D. Narodnaya medicina mansi, osnovannaya na traditsionnom mirovospriyatii. *Vestnik ugrovedeniya*. 2006. № 2. S. 61-66 [in Russ.].
- [48] Bizeranova S. Za nyakoi fitonimi v govora na Novo Selo, Vidinsko. In: *Rastitelniyat i zhivotinskiyat svyat v tradicionnata kultura na b'lgarite*. Sofiya, 2003. S. 42-55.
- [49] Rogowska E. Kaszubskie nazwy roślin uprawnych. Gdańsk, 1998.
- [50] Vajs N. Denominacijski rezultati semičkih podudaranja u nazivima za biljku *Physalis alkekengi*. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. 1996. Knj. XXII. S. 153-163.
- [51] Rystonová I. Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů. Praha, 2007.
- [52] Rokossowska Z. O świcie roślinnym wyobrażenia, wierzenia i podania ludu ruskiego na Wołyniu we wsi Jurkowszczyźnie pow. Zwiahelskim. *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej*. 1889. T. XIII. S. 163-199.
- [53] Šulek B. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879.
- [54] Kolosova 2017 – Obraz evreya skvoz' prizmu narodnoj botaniki. *Sbornik MAE* (v pechati) [in Russ.].
- [55] Gajdamashko R.V. K etimologii i lingvogeografii nazvanij zontichnyh rastenij v russkih govorah Prikam'ya: puchka, umra. *Acta linguistica Petropolitana* (v pechati) [in Russ.].
- [56] Golev N.D. Voprosy otozhdestvleniya, klassifikatsii i nominatsii v russkoj narodnoj leksike flory i fauny (Nablyudeniya nad rol'yu pragmaticheskogo faktora). In: *Govory russkogo naseleniya Sibiri*. Otv. red. V. V. Palagina. Tomsk: Izd. Tom. un-ta, 1983. S. 76-87 [in Russ.].

**ӨСІМДІКДЕР АТАУЛАРЫНДАҒЫ ФИТОНИМИКАЛЫҚ КОДТАР
(СЛАВЯН МАТЕРИАЛДАРЫНДА)**

Колосова В.Б., аға ғ.к., ф.ғ.к.,
ЛЗИ РҒА, Санкт-Петербург, Ресей
e-mail: chakra@eu.spb.ru

Тірек сөздер: этноботаника, славистика, этнолингвистика, фитонимдар, сөзжасам.

Аңдатпа. Бұл мақалада басқа бір өсімдіктің атауынан туындаған өсімдік атауының тілдік үдерісі қарастырылаған. Сөзжасам әртүрлі тәсілдер арқылы жүзеге асуы мүмкін: күрделі сөздер мен сөз тіркестерінен құрылу, мағынасының ауысуы, сөз алды қосымшасы, жұрнақ және сөз алды қосымшалы-жұрнақты әдістер. Сондай-ақ, әртүрлі сөзжасам әдісімен жасалған бір өсімдік бірнеше түбірлес фитонимдер қатарын түзуі мүмкін. Екі өсімдікті салыстыру әртүрлі негізде болуы мүмкін – сыртқы ұқсастық, гүл жапырақтарының бір түсті болуы, бір ортада өмір сүруіне де байланысты боуы мүмкін. Көп жағдайда мәдени жағымсыз коннотация бар сын есімдерде де ұқсастық идеясы болады, бір-ақ көптеген сөз алды қосымшалардың көмегімен өсімдіктердің нақты ұқсамайтын түрлері де кездесіп жатады. Мақалада өсімдіктердің сыртқы ұқсастығын, олардың өмір сүретін ортасы немесе басқа себептерге негізделген басқа фитонимдерден осы немесе басқа да тәсілдер арқылы туындаған фитонимдер қарастырылған.

Статья поступила 12.09.2016 г.

**PSYCHOLOGICAL AND DIDACTIC PRE-CONDITIONS OF FORMING
OF LEXICAL AND STYLISTIC COMPETENCE OF BILINGUAL STUDENTS
IN THE PRACTICAL COURSE OF RUSSIAN LANGUAGE**

Saparbaeva A.M., candidate of pedagogy, an associate professor,
Altybayeva S.M., Dr. of Philology, an associate professor,
Akysh B.O., candidate of philology, an associate professor,
Chair of oral professional translation of the Kazakh-Russian languages,
Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages
Almaty, Kazakhstan, e-mail: altynsaparbaeva@gmail.com

Keywords: jurisdiction, competence, linguadidaktika, teaching method, linguistic ability, vocal practice, lexical and stylistic jurisdiction.

Abstract. Linguistic ability served as a basis of psychological and linguadidactic comprehensions of jurisdiction in the aspect of specifics in mastering of non-native languages.

In spite of circumstance that a decision role in a capture of non-native (Russian) language is played by oral practice, by a necessary condition and mean of this capture, the instrument of the faithful use of language in any vital situations is a linguistic theory. Therefore teaching of Russian speech for the non-Russian students must consist of two components: speech practice and linguistic theory.

**ПСИХОЛОГО-ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-
БИЛИНГВОВ В ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Сапарбаева А.М., к.п.н., доцент,

Алтыбаева С.М., д.филол.н., доцент,

Акыш Б.О., к.филол.н., доцент,

кафедра устного профессионального перевода казахско-русского языков

КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

e-mail: altynsaparbaeva@gmail.com

Ключевые слова: компетенция, компетентность, лингводидактика, методика преподавания, языковая способность, речевая практика, лексико-стилистическая компетенция.

Аннотация. Языковая способность послужила основой психологического и лингводидактического осмысления компетенции в аспекте специфики освоения неродных языков. Несмотря на тот факт, что решающую роль в овладении неродным (русским) языком играет речевая практика, необходимым условием и средством этого овладения, своего рода инструментом верного использования языка в любых жизненных ситуациях является языковая теория. Поэтому обучение русской речи нерусских учащихся должно состоять из двух компонентов: речевой практики и языковой теории, которые неразрывно связаны между собой.

Понятие «компетенция/компетентность» на современном этапе являются главными понятиями, определяющими цели и содержание обучения, в том числе языку. Первоначально они появились в методиках преподавания неродных (в том числе иностранных) языков. Их применение к обучению языкам означало осознание важности практико-ориентированного овладения языковыми знаниями, навыками и речевыми умениями. Рассмотрим каждое из них и проследим, как изменялось их содержание и структура.

Появление и введение в лингводидактическую терминологическую систему понятия «компетенция» связано с исследованиями Н.Хомского. Анализируя процессы усвоения грамматического строя родного языка, Н.Хомский пришел к выводу, что в основе речевого поведения и коммуникативной деятельности человека лежат знания основных лингвистических категорий (универсалий) и способность конструировать для себя грамматику – правила описания предложений, воспринимаемых в языковой среде. Эти знания носят эмпирический характер, имплицитны, формируются в онтогенезе и часто не осознаются носителями языка и функционируют у них в виде

лингвистической интуиции и языковой интроспекции, но именно они позволяют человеку понимать неограниченное число предложений и высказываний. Эти знания и способность он назвал компетенцией (языковой). В своей работе «Язык и мышление» Н. Хомский писал: «Мы должны рассматривать языковую компетенцию – знание языка – как абстрактную систему, лежащую в основе поведения, систему, состоящую из правил, которые взаимодействуют с целью задания формы и внутреннего значения потенциально бесконечного числа предложений». Позже это знание рядом ученых, в том числе самим Н.Хомским, было названо языковой способностью.

Данная концепция послужила основой психологического и лингводидактического осмысления компетенции в аспекте специфики освоения неродных языков. В 70-80-е гг. компетенция понималась как «сознательное или интуитивное знание системы языка для построения грамматически и семантически правильных предложений». Однако уже тогда учеными поднимается вопрос о рассмотрении компетенции в психологическом и социокультурном аспектах и включении в ее структуру новых компонентов. Так, впоследствии в компетенцию были включены умения и навыки (А.П.Василевич, А.Е.Иванова, А.И.Сурыгин и другие), а также опыт деятельности. Компетенция начинает определяться исследователями как психологическая система, состоящая из нескольких взаимосвязанных компонентов. В частности, у В.Г.Костомарова и О.Д.Митрофановой, К.А.Глухова и А.Н.Щукина компетенция представлена совокупностью знаний, навыков и умений, формируемых в процессе обучения той или иной конкретной дисциплине, а также способностью к выполнению какой-либо деятельности. Таким образом, уже на первом этапе осмысления компетенции она представляется как многокомпонентная система, включающая в себя знания и умения, полученные как эмпирическим путем, так и в результате специально организованного обучения.

По мнению И.А.Зимней компетенция понимается как цель и одновременно результат, итог обучения иностранному языку – способность выступать субъектом деятельности. С точки зрения А.И.Сурыгина компетенция определяется как «содержание образования» (знания, умения, навыки и опыт), которое будет усвоено учащимся и формирует его компетентность в какой-либо области деятельности», то есть средство достижения цели – получения компетентности. Таким образом, на современного этапе понятие компетенция в методиках преподавания неродных языков служит

для обозначения цели обучения, содержания обучения и результата обучения - способности и готовности.

Понятие «компетентность» впервые как методическое понятие (об этом свидетельствует факт помещения его в алфавитный указатель методических понятий ввел М.Т.Баранов. В «Методике преподавания русского языка», вышедшей в 1990 году, описывая содержание работы по вооружению учащихся основами знаний о языке и речи, он заметил, что «знания о языке (его устройстве и функционировании в речи) выполняют две функции; они обеспечивают компетентность учащихся в пользовании языком, а также служат базой формирования языковых и речевых умений и навыков». Такое утверждение автора «Методики» позволяет утверждать, что компетентность им понималась как осведомленность в языке, сформированная на основе знаний. В следующей работе он расширил содержание понятия: «компетентность, – пишет он в одной из своих работ, – это осведомленность кого-либо в той или иной области знаний, а также в практической деятельности. Таким образом, компетентность приобретается, по мнению ученого, не только в результате освоения знаний, но и получения на основе освоенных знаний опыта.

Обращение к толковым словарям, в частности «Словарю русского языка» под редакцией А.П.Евгеньевой, «Академическому словарю русского литературного языка» под редакцией Л.М.Бабкина и Ю.С.Сорокина, «Толковому словарю русского языка» С.И.Ожегова, «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова, «Толковому словарю русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю. Шведовой и «Словарю иностранных слов» под ред. Д.Г.Спиркина, И.Л.Акчурина и И.С.Карпинской с целью выяснения лексического значения этих слов, выявления факта их разграничения или неразграничения показало:

1) компетенция во всех словарях, кроме словарей под ред. Д.К.Ушакова, А.М.Бабкина и Ю.С.Сорокина и «Словаря иностранных слов» под ред. А.Х.Спиркина, И.А.Акчурина и И.С.Карпинской, определяется как круг вопросов, в котором кто-либо хорошо осведомлен;

2) в «Академическом словаре русского литературного языка» под редакцией А.М.Бабкина и Ю.С.Сорокина компетенция определяется как осведомленность в чем-либо, а компетентности – свойство компетентного;

3) в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова и «Словаре иностранных слои» под ред. Л.П.Спиркина, И.А.Акчурина

и И.С.Карпинской компетенция трактуется как круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом;

4) компетентность во всех словарях, кроме толкового словаря С.И.Ожегова и П.Ю. Шведовой, определяется как свойство личности, состоящее в осведомленности кого-либо в чем-либо, способности судить о чем-либо на основе компетенции;

5) в «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой понятие компетентность отсутствует.

Таким образом, данные толковых словарей дают возможность считать, что компетенция и компетентность - слова, обладающие разным лексическим значением и их употребление в качестве синонимов вряд ли правомерно.

Очевидно, что данные понятия находятся в определенных парадигматических отношениях: компетентность – результат обучения, заключающийся в появлении у учащегося особого свойства (качества), позволяющего ему осуществлять разные виды (познавательную, коммуникативную и др.) на основе полученных знаний, умений, навыков и способов деятельности, то есть опыта деятельности, что составляет компетенцию. Таким образом, компетенция и компетентность соотносятся как цель и содержание обучения, реализующее цель, и его результат.

Соотношение этих понятий схематично можно представить в виде следующей схемы:

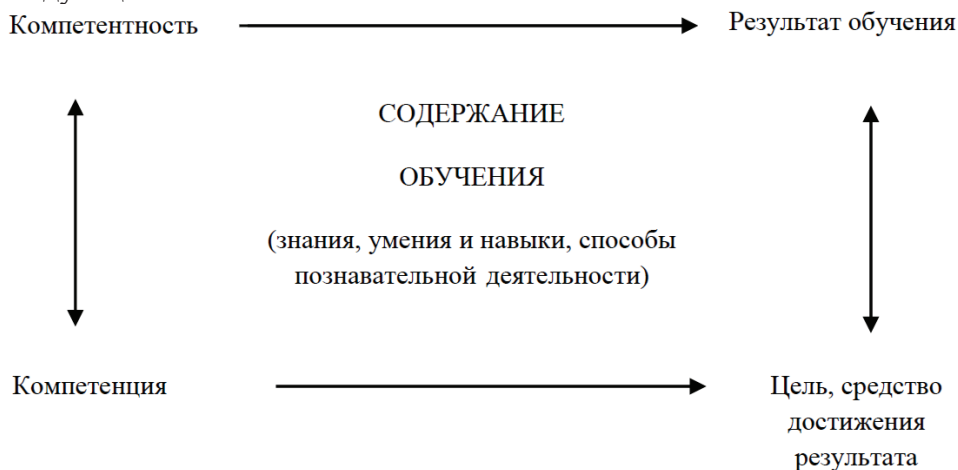

Схема 1 – Связь содержания обучения и компетенции

Поэтому компетенцию в аспекте специфики преподавания русского языка как неродного определяем как «совокупность знаний,

умений и навыков и способов деятельности, которые формируются в процессе обучения русскому языку как учебному предмету и которые обеспечивают владение им». Компетентность нами понимается как способность к какой-либо деятельности, действиям в жизни, сформированная в результате на основе полученных знаний, умений, навыков и способов деятельности, для решения теоретических и практических задач.

Обратимся теперь к дидактическим предпосылкам формирования ЛСК студентов-билингвов в практическом курсе русского языка. Несмотря на тот факт, что решающую роль в овладении неродным (русским) языком играет речевая практика, необходимым условием и средством этого овладения, своего рода инструментом верного использования языка в любых жизненных ситуациях является языковая теория. Поэтому обучение русской речи нерусских учащихся должно состоять из двух компонентов: 1) речевой практики и 2) языковой теории, которые неразрывно связаны между собой [1, с. 217].

Общеизвестно, что, как и любые другие, речевые навыки вырабатываются в процессе речевой тренировки. Этим обуславливается необходимость усиленной речевой практики на занятиях русского языка в национальной аудитории. Отсюда становится очевидным тот факт, что учебники русского языка отличаются, в первую очередь, характером и системой тренировочного материала, т.е. системой и содержанием упражнений.

При построении системы работы по формированию лексико-стилистической компетенции студентов-билингвов мы опираемся на исследования виднейших лингвистов, в которых стилистика рассматривается обстоятельно на всех уровнях языковой системы.

Заслуживают особого внимания лингвистические обоснования Т.И. Чижовой, заложенные в методику обучения стилистике: разграничение стилей языка и речи, перенесение стилистической работы с анализа предложений и элементов стиля на текст, функционирующий в качестве целостной системы и получивший в настоящее время статус единицы обучения. Именно это позволило осуществить принципиально новый подход к работе по формированию связной речи учащихся с учетом экстралингвистических (внеязыковых) и лингвистических факторов. При этом очень важно решение такой задачи, как разграничение лингвистического и стилистического анализа текстов, что позволяет говорить о разных объектах: лингвистике текста и стилистике текста [2, с. 121].

Вопросам формирования стилистических понятий как основы для развития речевых умений посвящено исследование Л.М.Кузнецовой «Формирование стилистических понятий как основа развития речевых умений и навыков учащихся» и ряд ее публикаций [3, с. 65]. В ее работах обосновано выделение стилистики в самостоятельный школьный предмет, даны определения стилистических умений и речевых навыков, выявлены приемы отбора стилистических средств лексики.

Создание системы работы по развитию речи связано с вопросами стилистики в работах В.И.Капинос. Придавая особую значимость ситуативным заданиям, способствующим приближению условий обучения к естественным условиям общения, она предлагает с помощью данных функциональной стилистики ввести учащегося в речевую ситуацию и научить ориентироваться в ней, то есть ясно представлять себе собеседника, условия речи и задачи общения [4, с. 77].

Вопросы обучения стилистике привлекают внимание ученых А.Н.Ким, Д.Х.Вагапову, М.Н.Сафарову, Н.С. Джамбинову и др.

Представляют интерес рекомендации Л.А.Андреевой по повышению стилистической грамотности учащихся. Автор приводит типы упражнений по теме «Стилистическое использование синонимов, антонимов», возможные задания на употребление в разных стилях речи устаревших слов, фразеологизмов.

Функционированию глаголов различных лексико-семантических групп в текстах разных стилей посвящены работы ряда исследователей (М.А.Кормилицына, Т.В. Кочеткова, О.Г.Сиротинина, М.Н.Кожина, Н.М. Капустина, Г.П.Прудникова, Т.А.Василенко, Т.И.Кольцова). Так, М.А.Кормилицына объектом наблюдений избрала функционирование в разговорной, научной и художественной речи сочетаний с глаголами самых разных ЛСГ: конкретного физического действия, движения, передачи, умственной деятельности, речи, эмоций и т.д. – и обнаружила, что «наиболее распространенными во всех трех стилях являются словосочетания с глаголами физического действия, словосочетания с глаголами психической деятельности, которые в разговорной речи встречаются значительно чаще, чем в других стилях.... Реже всего во всех трех стилях наблюдаются словосочетания с глаголами, не выражающими действия».

Многие исследователи не раз отмечали, что самый многочисленный и разнообразный по оттенкам значений семантический класс глаголов в русском языке – глаголы говорения. Они активно употребляются

в речи, занимают важнейшее место в русской глагольной лексике. Очень интересны в этом плане работы Т.В.Кочетковой. Она отмечает, что глаголы говорения имеют близкую степень употребительности в разговорной речи и художественном стиле. На 1000 различных глаголов в разговорной речи приходится в среднем 124 глагола говорения, в художественном стиле – 125, тогда как в научном стиле глаголов говорения значительно меньше – около 50.

Как показали результаты исследований Т.А.Василенко и Т.И.Кольцовой, в разговорной речи широко представлены различные ЛСГ глаголов. Они выявили, что наиболее употребительная группа глаголов – глаголы движения, речи, умственной деятельности. Самые употребительные глаголы в разговорной речи – *говорить, сказать, думать, видеть, понимать*. В разговорной речи преимущественно используются базовые глаголы, глаголы более обобщенной семантики, или, по терминологии О.Б.Сиротининой, «основные представители семантических полей».

М.Н.Кожина и Н.М.Капустина посвятили специальное исследование рассмотрению употребления двух ЛСГ глаголов: движения и конкретного физического действия – в научных текстах. Они выявили, что наиболее частотны глаголы конкретно-физического действия *получать, проводить, принять* и глаголы движения *перемещаться, приближаться*.

Все исследователи отмечают доминирование в научной речи нейтральной лексики. Н.С.Болотнова, Г.П.Прудникова и многие другие исследователи, изучающие процесс метафоризации на материале глагольных ЛСГ в текстах одного писателя, обязательно обращаются к вопросам индивидуально-авторских особенностей глагольного словоупотребления.

В статье «Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация» Е.В.Падучева говорит о параметрах лексического значения глаголов, т.е. о признаках, по которым слова объединяются в большие классы [5]. Для глагола такими параметрами являются:

– таксономическая категория (Т-категория); например, *видеть* – состояние, *смотреть* – деятельность, *высматривать* – *высмотреть* – действие, *выглядеть* – свойство.

– тематический класс, *иначе* – семантическое поле (*резать* – глагол физического действия; *просить* – глагол речи, *думать* – ментальный);

– актантная (иначе – ролевая) структура и диатеза; например, у

выбрать есть прямая диатеза (*выбрал преемником Абдуллу*) и косвенная (*выбрал преемника*), когда результат выбора не назван;

– таксономический класс (Т-класс) участника, т.е. пользуясь логическим языком, категориальная предпосылка глагола; так *литься* – это о жидкостях, *сыпаться* – о сыпучем.

Описание стилистической структуры грамматического строя русского языка отражено в работах лингвистов Л.К. Граудиной, И.Б. Голуб и др.

Гвоздарев Ю.А., Савенкова Л.Б. – авторы учебного пособия «Основы коммуникативной стилистики» [6] дают рекомендации по использованию языка как системы с различными целями в разнообразных условиях речевой коммуникации.

Стилистика тесно связана с культурой речи, поскольку культура речи помогает формированию сознательного отношения к использованию в речевой коммуникации таких языковых средств, которые способствуют адекватному восприятию или правильной интерпретации. Говоря о коммуникативных качествах речи, невозможно не назвать и такие стилистические свойства, как богатство лексико-грамматического строя речи, точность, правильность, уместность, выразительность. В современной лингводидактике активно разрабатывается проблема культуры речи в разных аспектах. Так, в нормативном аспекте известны исследования Л.И. Скворцова, Г.Ф. Булгаковой, А.Н. Васильевой, Б.Н. Головина и др.

«Теоретической и фактической базой» исследований нормы Л.И. Скворцова называет «области функциональной грамматики и функциональной стилистики». Также следует учитывать положения ученого о недопустимости абсолютизировать «общеобязательность» языковых норм: речь должна идти не только об их общеобязательности, сколько об общеупотребительности.

Обучение стилистике на русском языке как втором имеет свои особенности. В этом плане значимыми являются работы казахстанских лингводидактов, занимающихся проблемами формирования коммуникативно компетентной личности в условиях двуязычия и полиязычия. Реализация предлагаемой системы работы по формированию лексико-стилистической компетенции осуществляется с учетом имеющихся в лингводидактической науке результатов исследования по формированию коммуникативной компетенции. Это теории обучения русскому языку в лексическом аспекте формирования культуры профессиональной речи М.Р.Кондубаевой [7];

У.А.Жанпеисовой [8]; функционально-коммуникативного обучения русскому языку учащихся школ с казахским языком обучения К.Н.Булатбаевой [9]. При разработке системы формирования лексико-стилистической компетенции мы опирались на труды казахстанских исследователей Х.Х.Махмудова, Б.С.Мучник, М.Р.Кондубаевой, Д.Х.Вагаповой, У.А.Жанпеисовой, Л.К.Жаналиной, К.Т.Аубакировой.

Так, в основу теоретической стилистики Х.Х.Махмудова заложена идея «реально существующего стилистического строя языка», диктующего «нормы в лексике, грамматике и даже – фонетике» . Исследователем используется термин «стилема», определяемый как «речевые средства, выраженные писателем в контексте» . Вместе с тем мы обращаем внимание на вопрос о «функциональной значимости слова», которая, по мнению Х.Х.Махмудова, «определяется социальностью языка; она обусловлена тем, что язык, являясь средством общения, обладает способностью воздействовать на членов той или другой языковой среды... Слово в речи находится под воздействием ситуации, целей и задач общения, что определяет многообразие форм функциональной значимости» .

Лексический аспект русского языка в условиях казахско-русского двуязычия представлен в работах У.А. Жанпеисовой. Представляет интерес высказывание ученого о том, что «овладение учащимися словарным составом русского языка является важным аспектом в формировании продуктивного казахско-русского билингвизма. Сознательное усвоение лексики и необходимых лексикологических понятий русского языка, знание целесообразности использования в речи языковых средств, соответствующих его нормам, являются «основой для формирования русского языкового мышления».

Описание нормативных требований к оформлению речи мы встречаем в работах Б.С.Мучника, М.Р.Кондубаевой. Так, в аспекте практической стилистики Б.С.Мучник различает такие стилистические требования, как «ясность, коммуникативная точность, краткость, полнота, логичность, необходимое разнообразие». В качестве основных понятий в рамках культуры речи М.Р.Кондубаевой выделяются правильность, точность, чистота, корректность, выразительность, логичность, богатство речи.

Обучению стилистике при формировании коммуникативной компетенции посвящены исследования К.Н.Булатбаевой. «На уроке формирования и совершенствования лексических навыков целесообразно знакомить с вариантами лексических и фразеологических

средств нейтрального, разговорного, книжного стилей, соотнося их коннотативное значение с экстралингвистическими особенностями общения и учитывая соответствие коммуникативной установке и уместность употребления в той или иной ситуации», – рекомендует ученый-методист.

Проблема обучения словообразованию в стилистическом аспекте исследуется многими российскими и казахстанскими учеными. Стилистическая система – это одна из самых разнообразных систем русского языка. Серьезный вклад в развитие стилистического словообразования внесли В.Н.Виноградова, Л.К.Жаналина, К.Т.Аубакирова, К.Л.Кабдолова.

Авторами учебного пособия «Основы стилистического словообразования» Л.К.Жаналиной, К.Т.Аубакировой отмечается, что «многоаспектность языка и его единство проявляется в соединении различных знаний о нем и появлении новых «гибридных теорий», отражающих высокий уровень достижений синтезируемых наук. К числу таких теорий относится и стилистическое словообразование, находящееся на стадии разработки». По мнению ученых, эта область языка «располагает своими единицами, категориями и значениями», основными из которых являются «стилистика-словообразовательное значение, стилистика-словообразовательный тип, словообразовательно-стилистическое микрогнездо». Данная система стилистического словообразования отличается тематической и семантической организацией словообразовательных средств.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Русский язык, 1980. – 160 с.
- [2] Чижова Т.И. Совершенствование стилистических умений при повторении глагола и глагольных форм // Русский язык в школе. - 1982. – №1. – С.17-21.
- [3] Кузнецова Л.М. Формирование стилистических понятий как основа развития речевых умений и навыков учащихся: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. – М., 1990. – 31 с.
- [4] Капинос В.И., Сергеева Н.Н., Соловейчик М.С. Развитие речи: Теория и практика обучения. – М: Просвещение, 1991. – 196 с.
- [5] Падучева Е.В. Глаголы создания образа: Лексическое значение и семантическая деривация // Вопросы языкознания. - 2003. - № 6. – С.30.
- [6] Гвоздарев Ю.А., Савенкова Л.Б. Основы коммуникативной стилистики. – М.: 2008. – 250 с.
- [7] Кондубаева М.Р. Основы культуры речи. – Алматы: РИК, 1997. – 195 с.
- [8] Жанпеисова У.А. Теоретические основы обучения русскому языку в казахской школе (лексический аспект): дис. ... д-ра пед. наук. – Алматы, 1999. – 323 с.

[9] Булатбаева К.Н. Функционально-коммуникативный подход к обучению русскому языку в казахской школе (5-9 классы): дис. ... д-ра пед. наук. – Павлодар: 2005. – 360 с.

REREFENCES

[1] Denisov P.N. Leksika russkogo yazika i prinsipi yeye opisaniia. M.: Russki yazik, 1980. 160 s. [in Russ.].

[2] Chizova T.I. Soverchenstvovanie stilisticheskikh umeni pri povtoreнии glagola i glagolnich form. *Russki yazik v shkole*, 1982. №1. S.17-21 [in Russ.].

[3] Kuznesova L.M. Formirovanie stilisticheskikh ponyati kak osnova rechevich umeni i navikov uchashichsya: avtoreferat. dis. ... d-ra. ped. nauk. M., 1990. 31 s. [in Russ.].

[4] Kapinos V.I., Sergeeva N.N., Soloveychyk M.S. Razvitie rechi: Teorya i praktika obycheniya. M.: Prosvechenie, 1991. 196 s. [in Russ.].

[5] Paducheva E.V. Glagoli sozdanya obraza: Leksicheskoe znachenie i semanticheskaya derivaziya. *Voprosi yazikoznaniya*, 2003. № 6. S.30 [in Russ.].

[6] Gvozdev U.A., Savenkova L.B. Osnovi kommunikativnoi stilistiki. M.: 2008. 250 s. [in Russ.].

[7] Kondybaeva M.R. Osnovi kultyri rechi. Almaty: RIK, 1997. 195 s. [in Russ.].

[8] Zapeicova Y.A. Teoreticheskie osnovi obycheniya rysskomu yaziky v kazachskoi shkole (leksicheski aspekt): dis. ... d-ra ped. nayk. Almaty, 1999. 323 s. [in Russ.].

[9] Bulatbaeva K.N. Fynksionalno-kommyunikativni podchod k obycheniu russkomu yaziky v kazachskoi shkole (5-9 k): dis. d-ra ped. nayk. Pavlodar: 2005. 360 s. [in Russ.].

ОРЫС ТІЛІН ПРАКТИКАЛЫҚ ОҚЫТУ БАРЫСЫНДА ЕКІ ТІЛДІ СТУДЕНТТЕРДІҢ ЛЕКСИКАЛЫҚ ЖӘНЕ СТИЛИСТИКАЛЫҚ ҚҰЗЫРЕТТІЛІГІН ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ДИДАКТИКАЛЫҚ ШАРТТАРЫ

Сапарбаева А.М., п.ғ.к., доцент,

Алтыбаева С.М., ф.ғ.д., доцент,

Ақыш Б.О., ф.ғ.к., доцент,

кәсіби ауызша қазақ-орыс аударма кафедрасы

Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ,

Алматы, Қазақстан, e-mail: altynsapparbaeva@gmail.com

Тірек сөздер: құзырет, құзыреттілік, лингводидактика, оқыту әдістемесі, тілдік қабілет, тілдік тәжірибе, лексика-стилистикалық құзырет.

Андапта. Тілдік қабілет шет тілдерін меңгеру ерекшеліктері аспектісінде психологиялық және лингводидактикалық құзыретін ұғыну негіз болды. Шет (орыс) тілін игеруде шешуші рөл тілдік тәжірибе болғанына қарамастан, осы игерудің қажетті шарты және құралы, кез келген өмірлік жағдайда тілді дұрыс қолданудың өзіндік құралы тілдік теория болып табылады. Сондықтан орыс тілінде оқымайтындарға орыс тілінде сөйлеуді үйрету екі бөліктен құралуы тиіс: 1). Тілдік тәжірибе және бір-бірімен тығыз байланыстағы тілдік теория.

Статья поступила 07.09.2016 г.

CONCEPT “KAZAKHSTAN” IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF
THE YOUNGER GENERATION
(ACCORDING TO THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

Bazarbaeva A.S., cand. of phil., an associate professor,

Ismagulova B.H., Dr. of philology, professor,

Bayandina S.G., Dr. of philology, professor,

Chair of oral professional translation of the Kazakh-Russian language

KazUIR&WL after Ablai khan, Almaty, Kazakhstan,

e-mail:bazarbaeva-aiman@mail.ru

Keywords: associative experiment, concept, linguistic consciousness, kernel, close periphery, far periphery.

Abstract. The article focuses on the design of concept of “Kazakhstan” in consciousness of younger generation. In article shows, how formed the core and peripheries of the mentioned concept from the data of associative experiment, obtained by questionnaire. Examined and described by reaction (associates) the word “Kazakhstan”, there was a positive perception of word as a concept of the Motherland.

УДК802.(091):81

КОНЦЕПТ «КАЗАХСТАН» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ
(по данным ассоциативного эксперимента)

Базарбаева А.С., к.ф.н., доцент,

Исмагулова Б.Х., д.ф.н., профессор,

Баяндина С.Ж., д.ф.н., профессор

кафедра устного профессионального перевода казахско-русского языков,

КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

e-mail:bazarbaeva-aiman@mail.ru

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт, языковое сознание, ядро, ближняя периферия, дальняя периферия.

Аннотация. Данная статья посвящена конструированию концепта «Казakhstan» в сознании подрастающего поколения. В статье показано, как из данных ассоциативного эксперимента, полученного путем анкетирования, формируется ядро и периферии названного концепта. Рассмотрены и описаны реакции (ассоциаты) на слово «Казakhstan», выявлено положительное восприятие этого слова в качестве понятия Родина.

Основной задачей современной лингвистики является рассмотрение языка как средства, с помощью которого возможно постижение когнитивной (познавательной) способности человека. В то же время возрастает интерес к языку как к средству, открывающему доступ к ментальным процессам человеческого сознания, национальной концептосфере.

Изучение языкового сознания представляет интерес в теоретическом аспекте как отражение его национальной самобытности, самоидентификация которой осуществляется в сравнении с иной культурой. В современном мире язык выступает в качестве средства, с помощью которого человек может познавать окружающую среду. Язык как система знаков выступает в качестве орудия, способствующего общению в обществе, хранению информации, накоплению и передачи накопленных знаний.

Вместе с этим возрастает интерес к изучению языка, открывающему доступ к языковому сознанию человека. Языковое сознание человека содержит сведения об окружающем мире, и узнать о значимости базовых представлений можно узнать по определенным высказываниям. При проведении опросов человек прежде всего подумает, и скажет то, что принято в этом обществе, что можно говорить. Самое сокровенное, в действительности соответствующее его пониманию, он может утаить, не сказать.

Человек не всегда говорит то, о чем он подумал. Настоящее отношение человека к чему-либо хранится у него в сознании, в мозгу. В сознании каждого человека этот мир сохраняется и отражается согласно его языку, среде обитания, культуре, образованию. При появлении каких-либо понятий сразу образуется «картинка», «образ», который содержит целый ряд представлений. Например, какая картина образуется у нас в сознании при слове «родина», в данном случае «Казахстан»? Наша задача в том, чтобы «вытащить» из сознания подростков достоверные сведения и истинное представление о своей родине, о Казахстане.

Анкетирование проводилось строго по установленным международным стандартам проведения ассоциативных экспериментов. Информанты заполняли анкеты с просьбой написать пять первых слов, пришедших на память при слове-стимуле «Казахстан». Полученные данные проведенного эксперимента позволили построить структуру и содержание данного концепта. Было выявлено ядро, ближняя и дальняя периферии. Необходимо отметить, что в целом на данный стимул реакции в основном положительные (98%), но имеются и ряд (2%) отрицательных реакций: девальвация, коррупция, плохая экономика, инфляция, валюта, все дорого, ужасные депутаты, нет своей продукции.

Содержание концепта по результатам анкетирования было распределено на пространственные, территориальные сферы,

символику, национальные блюда, персоналии, традиции и обряды, флора и фауна.

Актуальность изучения данного концепта связана с тем, что подрастающее поколение, находясь в условиях глобального мультикультурного мира, особенно интересуется своей идентичностью, стремится к осмыслению роли своего места рождения, территории проживания, традиций этноса, с которым себя идентифицирует, языковой общности, к которой относится и др.

Исследование базируется на данных ассоциативного эксперимента, зарекомендовавшего себя в психолингвистической науке как достаточно надежный путь изучения языкового сознания, широко применяемый и в международной практике. Эксперимент проводился, согласно традиционной методике, в форме письменного опроса (анкетирования) в классах указанных школ. Информантам были разъяснены цель и задачи проводимого анкетирования, а также – правила заполнения анкет.

В эксперименте в целом приняло участие 92 школьника-подростка, из них 48 учеников из школы № 117, 44 ученика из школы №126. Количество информантов согласуется с международными требованиями, предъявляемыми к условиям проведения ассоциативных экспериментов – возраст, пол, социальная характеристика, родной язык. Это обеспечивает валидность полученных данных и достоверность выводов.

Ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у человека. Ассоциирование – соотношение стимула с первым пришедшим в голову смыслом (реакцией) является двойственным процессом. С одной стороны, ассоциируя, человек исходит из своего собственного опыта, с другой – воспроизводит языковой и социальный опыт. Традиционная схема психолингвистического эксперимента: слово-стимул – сознание человека – реакция информанта.

Одним из методов исследования языкового сознания, зарекомендовавшим себя в качестве достоверного способа, обеспечивающего доступ в сферу сознания, является психолингвистический ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент справедливо признается одним из надежных методов изучения: а) значения слова, б) образов сознания, выражаемых вербальными ассоциациями, в) межъязыковых и межкультурных контактов [1].

Принято выделять три вида ассоциативного эксперимента:

свободный, направленный и цепочечный. Направленный ассоциативный эксперимент является одной из разновидностей ассоциативного психолингвистического эксперимента, предназначенного для психолингвистических исследований речи. Отличие этого вида испытаний заключается в том, что респондент обязан подобрать слово в соответствии с вопросом в анкете, а не реагировать любым пришедшим в голову словом-реакцией. Как видим, направленный ассоциативный эксперимент предполагает направление реакции в определенное русло, которое интересует исследователя [2].

Выбор этой возрастной группы (14-16 лет) обусловлен тем, что подросткам свойственно анализировать, искать противоречия, предлагать свое видение окружающего мира. В этом возрасте подростки начинают рассуждать об идеалах, добре и зле, о любви, о родине. Именно поэтому интересно выявить содержание концепта «Казахстан» как родины. Подросток в это время активно познает жизнь, пропускает ее через себя, меняет свое отношение к действительности. Это период формирования личности, когда еще можно регулировать формирование ценностных ориентаций таких базовых концептов, как семья, родина, дом. По данным проведенного ассоциативного эксперимента можно проанализировать оценочные реакции школьников на концепт «Казахстан» (родина), можно прогнозировать элементы массового сознания в будущем.

В ходе эксперимента получены следующие данные:

Школа № 117 с русским языком обучения

Казашки / девочки – 11; Казахи / мальчики – 10;

Русские / девочки – 11 человек; Русские / мальчики – 16 человек

Всего: 48 человек

Ядро концепта «Казахстан»:

Родина – 22; (из них: отчизна - 3; родился здесь - 2; живу в Казахстане - 2);

Независимость – 17 (независимый - 8; свободный - 2);

Назарбаев – 14 (президент - 5);

Ближняя периферия концепта «Казахстан»:

Алматы – 11 (красивый город - 1, зеленый город - 3);

степь – 11;

Астана – 8;

Байтерек – 8;

Дальняя периферия:

Горы –7; небо – 7; многонациональность (многонациональный) – 6; дружба, дружный, единогласие – 6; юрта- 5; сила- 5; будущее – 5.

Школа № 126 с казахским языком обучения

Казахи мальчики – 20 человек

Казашки девочки – 24 человек

Всего – 44 ученика

Ядро концепта:

Бәйтерек – 27;

Тау – 24;

Астана – 19;

Назарбаев (президент) – 17;

Алматы – 17;

Ту, көк ту – 15;

Ел, тұған жер – 15.

Ближняя периферия:

Елтаңба – 12;

Киіз үй – 12;

Наурыз – 11;

Қазақ – 10;

Бай, байлық – 10;

Медеу – 8.

Дальняя периферия:

Әдемі – 6;

Бесбармақ – 6;

Бауырсақ – 6;

Көпұлтты – 6;

Тәуелсіздік – 5;

Абай – 5;

Жер – 5.

Ядро концепта определяется по количеству частотных реакций, т.е., те реакции, которые повторяются часто, составляют ядро концепта. В школе № 117 ядро составили такие реакции, как Родина, независимость и Назарбаев (президент).

Ядро концепта «Казахстан»:

1. Родина – 22; (из них: отчизна - 3; родился здесь - 2; живу в

Казахстане - 2); Независимость – 17 (независимый - 8; свободный - 2); Назарбаев – 14 (президент - 5).

«Родина» считается простым и естественным, само собой разумеющимся понятием для каждого человека. Это то понятие, которое впитывается в сознание человека с молоком матери. Но почему-то при вопросе: «Что значит для тебя слово Родина?» подростки не могут дать конкретного, исчерпывающего ответа. Почему так происходит? Кажущееся простым и понятным на первый взгляд, это понятие в действительности является многоуровневым конструктом: «сложный конструкт, связанный с легитимацией и социализацией, тесно связанный с ценностным миром политики, с базовыми смыслами» [3]. Иными словами, этот конструкт оказывается связан с эпохой, политическими событиями, происходящими в определенную эпоху, с традициями и обычаями, влияющими на воспитание ребенка. Также это понятие связано с основными концептами, определяющими суть жизни человека: мама, семья, родина, дом. Концепт «Родина» является ключевым в сознании школьников и стоит в одном ряду с такими нравственными категориями, как «добро», «любовь», «дружба». Приведем слова известного педагога К.Д. Ушинского: «Наше Отечество, наша Родина, Родина - мать. Отечеством мы зовем ...потому, что в ней испокон веку жили отцы и деды наши. Родиной мы зовем ее потому, что здесь мы родились, в ней говорят родным для нас языком и все в ней для нас родное. Матерью мы зовем ее потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку и, как мать, защищает и бережет нас от всяких врагов» [3].

Слово «родина» толкуется в словарях следующим образом:

Родина - 1. Место, страна, где человек родился; где сложился, возник этнос.

2. Отечество, родная страна.

3. Место рождения, происхождения чего-нибудь.

Слово родина общеславянское. В украинском языке родина – «семья», в белорусском родзіна – то же, в сербохорватском родина – «обилие плодов», в словенском rodina – то же, в чешском, словацком rodina – «семья», в польском rodzina – то же. Близкое значение к русскому значению слова имеет болгарское родина – «родина, место рождения» [4].

Слово родина образовано при помощи суффикса -ин-а (как вотчина) от существительного родъ в значении «то, что принадлежит роду, что связано с рождением» - «место рождения» - «отчизна». Значение

слова родина в современном русском языке- «родная земля, место рождения». Это значение указывается в словаре В.И. Даля: «Родина – родимая земля, чье место рождения; в обширном значении – земля, государство, где кто родился; в тесном – город, деревня» [5].

Однако сегодня первично в современном русском языке значение родины как «страны, в которой человек родился» [4].

Следующая реакция, составляющая ядро концепта «Казахстан» - это независимость. **Независимость** - самая священная ценность для всех казахстанцев, реализовавшаяся в наши дни многовековая мечта народа. Благодаря умению объединяться и спланиваться в моменты серьезных внешнеполитических угроз, широте души, дружелюбию и толерантности казахский народ, выдержав испытания судьбы, сумел сформировать крепкую государственность. С момента провозглашения государственности страна достигла огромных высот. Независимость в словарях трактуется следующим образом:

1. Отсутствие политического и экономического гнета, стеснений и ограничений в общественной жизни;
2. Государственная независимость, суверенитет.

Суверенитет понимается так: полная независимость государства от других государств в его внутренних делах и во внешней политике.

Основной реакцией на данное задание справедливо является образ **Президента**.

Н.А.Назарбаев вошел в современную политическую историю суверенного государства и мирового сообщества не только как строитель независимой Республики Казахстан, но и как успешный стратег и организатор социально-экономических и политических реформ. В личности главы государства сочетаются стратегическое мышление и предвидение с политической волей и мужеством, которые так необходимы для практической воплощения в жизнь намеченных целей.

Президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев наделен рядом таких званий, как Первый Президент, Лидер нации. Феномен политического лидера всегда остается большой загадкой, предметом изучения ученых и мыслителей всех времен и народов. Лидер является личностью, способной влиять на политику государства, на развитие этноса в целом. Образ Президента Казахстана Н.А.Назарбаева расценивается как мегапозитивный. Московский социолог Д.Поликанов по результатам проведенного мониторинга социальных настроений в Казахстане, выявил, что 82% жителей

республики одобряют деятельность Президента [7].

Ядро концепта «Казахстан» в школе №126 с казахским языком обучения составляют следующие реакции:

Байтерек - главный символ Астаны. С чего следует начать исследование Астаны? Конечно, с символа столицы – Байтерека. Монумент олицетворяет собой представление казахского народа о мироздании. Монумент Байтерек был открыт в 2002 году, и стал знаковым в истории Казахстана, символом нового этапа в жизни народа. Структура башни символизирует три основы мироздания – подземный, земной и небесный миры. На глубине четырех с половиной метров находится нижний уровень, где располагаются кафе, аквариумы и мини-галерея «Байтерек». Высота постройки составляет 97 метров, что символизирует 1997 год–год провозглашения новой столицы. Металлическая конструкция башни весит больше 1000 тонн и стоит на 500 сваях. На вершине находится огромный шар из стекла диаметром 22 метра и весом 300 тонн. Общая высота составляет 105 метров [8].

Алматы сегодня – крупнейший мегаполис Казахстана, научно-образовательный, культурный, исторический, финансово-экономический, банковский и производственный центр страны. Город Алматы расположен на юго-востоке Казахстана, у подножья самого северного хребта Тянь-Шаня – Заилийского Алатау. В 1997 году Указом Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева столица страны была перенесена из Алматы в Астану. На следующий год, 1 июля 1998 года, был принят Закон об особом статусе города Алматы. Город является важнейшим транспортным узлом Казахстана, в нем действуют предприятия пищевой, легкой и тяжелой промышленности. Особый статус городу придает и то, что в Алматы расположены головные офисы крупнейших банков Казахстана и филиалы транснациональных финансовых институтов и компаний [8].

Астана (бывший Целиноград, ещё ранее Акмолинск) основана в 1824 году как военное укрепление, основанное русско-казахскими войсками на берегу реки Ишим. В 1998 году с обретением Республикой Казахстан независимости и переездом столицы, город Астана стала самой молодой столицей мира, которая хорошеет день ото дня, на глазах меняя свой облик. Астана стала самой молодой столицей в мире – это город является крупнейшим деловым, дипломатическим, торговым и культурным центром. Все правительственные организации, дипломатические представительства 44 стран и 113 совместных и иностранных предприятий расположены здесь. Каждый год в городе

организуются различные международные выставки, конференции, музыкальные мероприятия и фестивали народов Казахстана [8].

Символика Республики Казахстан

Герб суверенного Казахстана является результатом огромного труда, творческих исканий двух известных архитекторов: Жандарбека Малибекова и Шоты Уалиханова выиграть в этом соревновании было нелегко. Достаточно напомнить, что только в финальном конкурсе принимали участие 245 проектов и 67 описаний будущего герба. Герб имеет форму круга. В мире самой совершенной формой считается форма шара. А круг как самый близкий к этому совершенству элемент, особо ценится у кочевников. Круг как элемент геральдики имеет применение везде, но он в особом почете и уважении у восточных кочевников. Это символ жизни, вечности [8].

Флаг – один из символов любого государства, олицетворяющий его идентичность и суверенитет. Государственный флаг представляет собой полотнище правильной геометрической формы, прикрепленное к древку (флагштоку). С древних времен флаг выполнял функции объединения народа страны и его идентификации с определенным государственным образованием.

Гимн – это звуковая символика, имеющая значение в социально-политической консолидации и этнокультурной идентификации граждан страны. Сам термин «гимн» происходит от греческого слова «gimneo», что означает «торжественная песня». В 2006 году принят новый Государственный гимн.

Основой нового гимна стала популярная в народе патриотическая песня «Менің Қазақстаным», счастливая судьба которой началась во второй половине пятидесятых годов прошлого века. Песня, ставшая гимном нации, давно была признана настоящей поэмой народной души [8].

Как видно из приведенных экспериментальных данных, основные реакции ядра концепта в анкетах пересекаются. Это говорит о том, что школьники примерно одинаково представляют образ страны – Казахстана – как своей родины. В анкетах школы № 117 в ядро вошли такие реакции, как Родина, независимость и Назарбаев. В анкетах школы №126 ядро составляют следующие реакции: Байтерек, Назарбаев, Астана, Алматы, туган жер. Реакции «Алматы» и «Астана» вошли в ближнюю периферию в анкетах школы №117. Нужно отметить, что символика Казахстана присутствует в большей степени в анкетах ребят из 126-й школы.

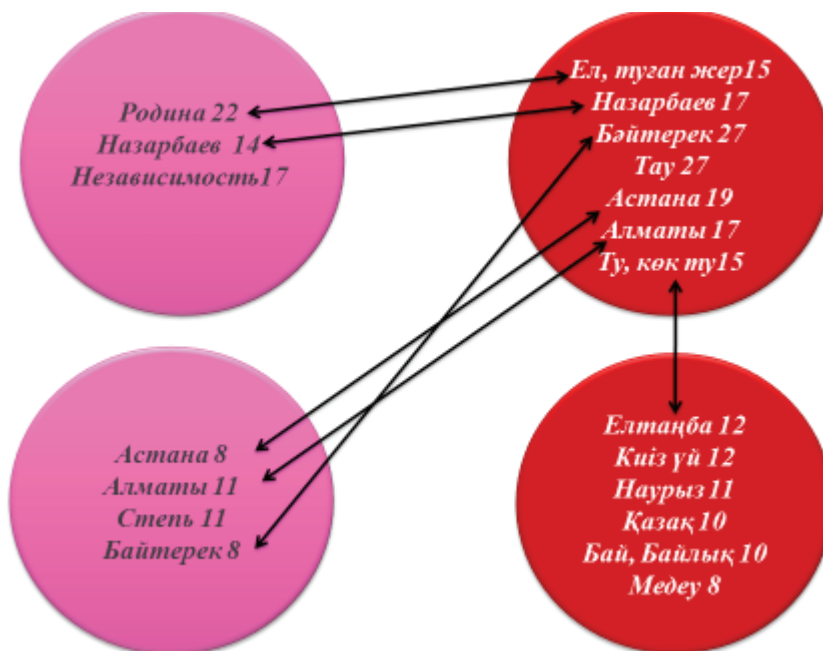

Рисунок 1 – Символы

Понятие «образ страны» является важным элементом в строительстве суверенного государства: «Современный политический образ государства – это не только сумма политических, экономических, социально-культурных факторов государственного развития, но и активный инструмент государственного управления». Образ страны используется, чтобы преобразовать, повысить статус и престиж данной страны.

В Казахстане сформировался единый народ – казахстанцы, которых объединяют общие цели и ценности. На сплочение казахстанского народа направлены действия, предпринимаемые Президентом Республики Казахстан. Сейчас в республике сформировалось общество, нацеленное на стабильность и порядок, на дальнейшее процветание страны.

В Казахстане созданы все условия для свободной деятельности граждан, страна прочно встала на путь демократии, сумев обеспечить все права и свободы личности. Позитивное восприятие образа Казахстана в мире становится залогом успеха глобальных политических, социальных и экономических преобразований. Как отметил Президент Республики Казахстан в своем Послании народу Казахстана «Через кризис к обновлению и развитию»: «Практически два десятилетия изо дня в день мы создаем с вами новую страну. Страну

открытую и процветающую. Страну, в которой из года в год улучшается благосостояние казахстанцев. Страну политически стабильную и обеспечивающую безопасность своим гражданам. Страну, которая никогда и ни для кого не будет источником внешней угрозы. Стратегия развития Казахстана, которую приняли на десятилетия вперед, опыт ее воплощения в реальные успехи страны дают нам уверенность в собственных силах, мы убедились в правильности выбранного нами пути. Но должны быть уверены в том, что мы не просто готовы к этим испытаниям. Мы с ними справимся и выйдем из этого кризиса еще более сильным и процветающим государством. Мы сохраним свои позиции в мировом сообществе» [7].

Исследователи отмечают следующие достижения Казахстана в мировой политике. Ему удалось: 1) выстроить пояс добрососедства и партнерства; 2) создать экономически привлекательную территорию; 3) завоевать в мире авторитет страны, которая постепенно трансформируется в региональную державу, крупную евразийскую страну [7].

В ходе эксперимента было выявлено, какой представляют себе школьники родную землю, родину. Родина – это степь, горы, окружающая нас флора и фауна, символика, традиции и обычаи. Это наша государственность, Президент, независимость. Родина красивая, гостеприимная, на нашей земле уживаются многочисленные народы. Растет новое поколение казахстанцев, для которых самым дорогим и ценным, что у них есть, представляется Родина.

Проведенный направленный ассоциативный эксперимент подтвердил, что концепт «Казахстан» окрашен в целом положительными реакциями. Достоверность данных обосновывается объективностью реакций, данными подростками на исследуемый концепт. Образ Родины в сознании школьников расцвечен всеми красками радуги.

Эксперимент дает самые достоверные реакции на стимул, потому что слова, которые записывает ребенок на данное слово, находятся на уровне бессознательного уровня сознания. Ученик практически не придумывает ответы, а записывает те слова, которые пришли на память. Особенность психолингвистических экспериментов заключается в том, что человек не думает, а просто «вытаскивает» из сознания слова, на которые надо отреагировать.

Были составлены зоны ядра, ближней и дальней периферий. Также выделены другие реакции и единичные (не частотные). Отмечено, что многие реакции ядра пересекаются. Это объясняется тем, что ребята

ровесники, у них общие представления о таких базовых концептах, как Родина. Видение окружающего мира несомненно определяется культурой, историей, традициями и языком информантов.

Язык обучения оказывает самое главное влияние на человека. Так, в школе № 117 были отмечены реакции, больше описывающие Казахстан как государство, независимую страну, возглавляемую Президентом. Большое внимание было уделено символике страны, Байтереку как символу республики. В школе №126 основное внимание было уделено, прежде всего, Байтереку, символизирующему не только нашу столицу, но и весь Казахстан. В анкетах учащихся данной школы основными отмечены реакции «родная земля», «казах», «Наурыз», «горы и степь». Также здесь много реакций, связанных с традициями и обычаями казахского народа, национальными блюдами, беркутом как олицетворением свободы, силы, победы.

Как видим, реакции опрошенных оказались мотивированными, во-первых, языком обучения, который в сущности является родным языком информантов; во-вторых, необходимо отметить влияние культурных ценностей среды, в которой ребята воспитываются; в-третьих, большое влияние оказывают СМИ. Ребята растут и учатся жить в одном информационном пространстве. Интернет, телевидение влияют на сознание подростков иногда в большей мере, чем семья и школа. Совсем неслучайно и группа русскоязычных информантов (учащиеся школы № 117), и группа казахоязычных информантов (учащиеся школы № 126) на стимул «Казахстан» дает реакцию «Байтерек» и связывает с родиной.

Анализ полученных в ходе эксперимента данных позволяет утверждать, что образ процветающего Казахстана занимает достаточно прочное место в сознании подрастающего поколения. Казахстан в восприятии пятнадцатилетних – это страна, которая имеет свою историю, государственность, свой язык, культуру. Страна, которую знает весь мир. Здесь царят стабильность и единство.

Примечательно, что в исследуемый концепт входят новые слова, возникшие в казахском языке в последнюю четверть века, когда независимый Казахстан провозгласил казахский язык государственным и, таким образом, обусловил приток множества неологизмов и новых значений уже известных слов, связанных с новыми реалиями и ценностями: отансүйгіштік, отбасы, Бәйтерек, теңге, елтаңба, әнұран. В эту группу можно, думается включить, и известные реакции «бүркіт», «көк ту» в приведенных информантами ответах на слово-стимул

«Қазақстан» они наполнены новым значением: бұркіт – «символ независимого государства», «олицетворение свободы, силы, успеха», көк ту – не просто «синий флаг», а «наш флаг», «флаг Казахстана», «флаг моей родины», что, на наш взгляд, делает возможным отнести «бұркіт» и «көк ту» к разряду лексических инноваций периода независимости.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Тарасов Е.Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психологии. - 2006. - № 4. - С.69-73.
- [2] Дмитриук Н.В. Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций. - Москва. 1985. - 50 с.
- [3] Щербинин Л.И. Конструирование образа (на примере выстраивания концепта Родина) // Журнал ТомГУ. - 2009. - № 4. - С.19-27.
- [4] Гимаев Я.А. Актуализация концепта РОДИНА в школьных учебниках по литературе и в массовом сознании учащихся. – Москва. 2010. – с.29.
- [5] Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т.4. – М., 2006.
- [6] Есполов Б.Т. Феномен политического лидерства Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева (политологический анализ): автореф.... к.полит.н. – Алматы, 2010. - 29 с.
- [7] Рахимова Г.Б. Политологический анализ динамики образа суверенного Казахстана в условиях демократизации: автореф.... к.п.н. - Алматы, 2009. - 29 с.
- [8] Тебаев Д.,Токмагамбетов Р. Событийный маркетинг Казахстана.– Алматы, 2012. - 345с.

REFERENCES

- [1] Tarasov Ye.F. Obraz Rossii: metodologiya issledovaniya. *Voprosy psikhologii*. 2006, № 4, S.69-73 [in Russ.].
- [2] Dmitryuk N.V. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika verbal'nykh assotsiatsiy. Moskva. 1985. 50 s. [in Russ.].
- [3] Shcherbinin L.I. Konstruirovaniye obraza (na primere vystraivaniya kontsepta Rodina). *Zhurnal TomGU*. 2009. № 4. S.19-27 [in Russ.].
- [4] Gimayev Ya.A. Aktualizatsiya kontsepta RODINA v shkol'nykh uchebnikakh po literature i v massovom soznanii uchashchikhsya. Moskva. 2010. S.29 [in Russ.].
- [5] Dal' V.I. Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4-kh tt. T.4. M., 2006 [in Russ.].
- [6] Yespolov B.T. Fenomen politicheskogo liderstva Prezidenta Respubliki Kazakhstan N.A. Nazarbayeva (politologicheskii analiz): avtoref.... k.polit.n. Almaty, 2010. 29 s. [in Russ.].
- [7] Rakhimova G.B. Politologicheskii analiz dinamiki obraza suverennoego Kazakhstana v usloviyakh demokratizatsii: avtoref.... k.p.n. Almaty, 2009. 29 s. [in Russ.].
- [8] Tebayev D., Tokmagambetov R. Sobytiynny marketing Kazakhstana. Almaty, 2012. 345 s. [in Russ.].

**ЖАС ӨСПІРІМ ҰРПАҚТЫҢ ТІЛДІК САНАСЫНДАҒЫ
«ҚАЗАҚСТАН» КОНЦЕПТИ
(ассоциативтік сынақ негізінде)**

Базарбаева А.С., ф.ғ.к., доцент,
Исмағұлова Б.Х., ф.ғ.д., профессор,
Баяндина С.Ж. ф.ғ.д., профессор,
кәсіби ауызша қазақ-орыс аударма кафедрасы,
Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӨТУ, Алматы, Қазақстан,
e-mail: bazarbaeva-aiman@mail.ru

Кілт сөздер: ассоциативтік сынақ, концепт, тілдік сана, негіз, жақын аясы, алыс аясы

Аңдатпа. Бұл мақала жас өспірімдердің тілдік санасындағы «Қазақстан» концептінің қалыптасуына арналған. Мақалада сауалнама жолымен алынған ассоциативтік сынақ көрсеткіштері арқылы концептінің негізі мен жақын және алыс аялары көрсетілген. «Қазақстан» сөзіне ассоциаттар жинақталып, сол сөздің Туған жер ұғымы ретінде қабылдануы анықталған.

Статья поступила 11.09.2016 г.

UDC 811.512.122=111

**S. AMANZHOLOV'S HERITAGE - THE BASIS OF CONTEMPORARY
SCIENTIFIC RESEARCH**

Orazalin S.K., candidate of philology, an associate professor,
Kazakh language and literature department,
S.Amanzholov East Kazakhstan State University,
Betkenova M.S., MA, teacher of the English and German
languages, Kazakh National University of Arts
Kanapyanova A.D., MA, teacher of the English and German
languages, Kazakh National University of Arts,
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, e-mail: sk_orazalin_k@mail.ru

Keywords: science, heritage, Ulan, sample, continuity of scientific works.

Abstract. The purpose of this article was to describe life and creativity of the scientist. Sarsen Amanzholov's contribution in Kazakh linguistics was analyzed in the study. S.Amanzholov's heritage as the foundation of modern scientific research was considered. The opinion of continuity and heritage S.Amanzholov Baitursynov, K.Zhubanov's works were expressed.

The property of Sarsen Amanzholov is the base of today's researchers. S. Amanzholov is an eminent scientist, who introduced enormous contribution to the Kazakh language. He is one of the best scientist in language knowledge. Before nowadays the vast majority of scientists "overstepped" through the dialect of science, the history of language and

works for students, the questions of theoretical and methodical researches nothing say about it . This is the bitter truth, which we admit. It leads to the thought that works of this scientist completely researched yet. Therefore S. Amanzholov engaged not only in scientifically- pedagogic works, but also he related with public events. Nation passed difficult times, such as wintering, illiterate and injustice. The scientist introduced important work in solution of these problems. Meanwhile, other scientists enlighteners, equal with him in the position. One of the main goals of modern linguistics is the preservation of Amanzholov’s scientific research. For this purpose Amanzholov focused on research works for universities to show the value of the work of “scientific heritage and knowledge of the Kazakh language” for the issue of qualified workers. There is no doubt that this is an urgent question.

S. Amanzholov was born in 1903 in the East Kazakhstan in the locality of Ulan in the Eginu village. His father was a poor peasant, whom Amanzholov lost his at 11. Sarsen was hardly tolerating his father’s death. Because of it he was early matured and became an independent person. Listen to the tales of intelligent sages, he seeks and reaches for knowledge [1].

In 1916 he graduated a Russian- Kazakh school, then he went on the Real University in Ust-Kamenogorsk city. But when he faced with family problems, decided to give up the study, because of the lack of the money. Due to Sarsen had to work as workhand. This man had a strong eagerness to learn and he dreamed to achieve his goals. Amanzholov was the first, who made the program on Kazakh language. The program was published in 1938.

1939 - 1957 he made the program of the dialects of Kazakh language. Amanzholov’s proceedings in the Kazakh language and spelling were evaluated by Professor S.E. Malov. He is an outstanding specialist in philology. He introduced a significant importance in the Kazakh terminology. He gave a big attention to the orthographical dictionaries. In 1940 the orthographic dictionary was published. In 1944 – 1945 “In notebook propaganda team member of the Red Army” was interpreter and served as editor. “When the output the first words, sentences are not composed of a few words as now. Every word, every sound could carry the meaning of the whole sentence, “- he said, summarizing that in those days there were few words. This opinion is very important in modern linguistics..

- Professor Amanzholov made a review of the scientific heritage and its emphasis on the role of language and study of science;

- His work in the linguistics field can be divided into the following

areas:

This is the view which scientists say for a long time. But now, I do not think it would be superfluous to remind interested in it.

“The problem is not solved the language if it is not thinking about, and do not consider.” It is also his words (Short Course of Kazakh literature syntax, page 22).

Picture 1 - M. Auezov and S. Amanzholov among the students

1. The history of language and dialectology. Turkology.
2. Modern Kazakh language.
3. Programs and Kazakh language textbooks intent to schools.

Therefore familiarize with the list of the most outstanding works written by scholars; -with a professor’s biography and his scientific heritage to create the necessary documents. To form a master list of literature that is used to habituation with scientific heritage of S.Amanzholov [2]. Collect opinions of scientists about the methods of work S.Amanzholov. Collection of photos of the last instant life of scientist. Development examination questions for a test designed to expand students’ knowledge about the life and scientific heritage of S.Amanzholov. In conclusion taking his works and researches in scientific language, draw an inference from the greatest scientific heritage

of professor S.Amanzholov. Put the purpose of acquaintance of a wide range of the scientific heritage of an important person, whose name pays homage is Professor S.Amanzholov. Meanwhile, I want to put over about one task - in 2003 were sent messages about 200 personal documents about Amanzholov to the university library. At this point I would like to express a thought.

Sarsen Amanzholov was engaged not only in scientific research, but also in creativity. For example: if you look in the archives of his materials there are such works as “Kuren at” and other poems. Also scientist was trying to write a hymn version for the Kazakh people [3]. It is found in draft form. Academicians and professors of the Central Asian State University soon noticed his talent for science. Taking lessons from a famous academician V.V.Bartold and professor Malov, and at the same time Amanzholov began his labors. In 1940, his textbooks have been published and named “Short syntax course in the Kazakh language” in high schools of Sarsen Amanzholov.

He and such scientists as the H. Basymov, K. Zhubanov, S. Zhiembayev have made a personal contribution to the study of grammar problems. Just for the sake of dialectology Kazakh language he did enough work on the training of specialists. Sarsen Amanzholov made a decisive step in resolution the controversial theoretical issues of Kazakh dialectology, such as, for example one of the Kazakh language’s dialects is emphasis on the local dialect, the foundations of the dialectic of the Kazakh national language, the former dialectology of tribal languages, the classification by the territorial and the characteristic features of the Kazakh dialect, and other researches. The place of honor is occupied the works of Kazakh dialectology in scientific heritage of S.Amanzholov [4].

This work not only in linguistics, but also in science, was recognized as one of the outstanding public property for the whole Turkic Studies. Questions of dialectology and history of language is closely related to each other.

Dialectology of the Kazakh language, its origin, formation, a modern condition, processes of change, all of this included in the subject of the overall development of the Kazakh language. Dialectology includes not only in the history of the Kazakh language, but also in the history itself.

Sarsen Amanzholov undertook organizational and administrative work, although in particular he was involved in scientific work and writing books. Therefore, his scientific and pedagogical work in a timely manner sought. Due to the value of his works in 1938, the Higher Attestation Commission

to his position of associate professor, he was the award of the degree of candidate of philological sciences.

He is one of the best scientists in language knowledge. Before nowadays the vast majority of scientists “overstepped” through the dialect of science, the history of language and works for students, the questions of theoretical and methodical researches nothing say about it. This is the bitter truth, which we admit. It leads to the thought that works of this scientist completely researched yet. Therefore S. Amanzholov engaged not only in scientifically- pedagogic works, but also he related with public events. Nation passed difficult times, such as wintering, illiterate and injustice. The scientist introduced important work in solution of these problems. Meanwhile, other scientists enlighteners, equal with him in the position. One of the main goals of modern linguistics is the preservation of Amanzholov’s scientific research.

Picture 2 – S. Amanzholov with friends. 1956

All Favourite scientist, a teacher, a corresponding member of National Academy of Sciences of the Kazakh SSR, doctor of philological sciences, professor Sarsen Amanzholov introduced an essential contribution to the culture and science of Kazakh nation.

REFERENCES

- [1] Amanzholov S. Voprosy dialektologii i istorii kazakhskogo yazyka. Almaty, 1997 [in Russ.].
[2] Orazalin S. Naslediye uchenogo. *Irtysk*. 2003. N 6. B. 63-66 [in Russ.].
[3] Kaliev B. General linguistics. Almaty, Kazakh University, 2005 [in Russ.].
[4] Amanzholov S. Kratkiy kurs sintaksise yazyka. Almaty, 1994 [in Russ.].

С. АМАНЖОЛОВ МҰРАСЫ - БҮГІНГІ ҒЫЛЫМИ ЗЕРТТЕУЛЕР НЕГІЗІ

Оразалин С.К., филол.ғ.к., доцент, Қазақ тілі және әдебиеті кафедрасы,
С.Аманжолов атындағы ШҚМУ, Өскемен, Қазақстан
Беткенова М.С., магистр, оқытушы, ҚазҰӨУ, Астана, Қазақстан
Қанәпиянова А.Д., магистр, оқытушы, ҚазҰӨУ, Астана, Қазақстан
e-mail: sk_orazalin_k@mail.ru

Тірек сөздер: ғылым, мұра, Ұлан, үлгі, ғылыми еңбектердің сабақтастығы.

Андапта. Бұл мақалада ғалымның өмірі және шығармашылығы сөз болады. Сәрсен Аманжоловтың қазақ тіл біліміне қосқан үлесі саралап көрсетілген. Ғалымның қалдырған мұрасы қазіргі ғылыми зерттеулердің негізі екендігі дәлелденеді. Сонымен қатар мақалада С.Аманжолов ғылыми мұрасының А. Байтұрсынов, Қ. Жұбанов еңбектерімен сабақтастығы туралы пікір білдірілген.

НАСЛЕДИЕ С. АМАНЖОЛОВА – ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Оразалин С.К., к.филол.н., доцент кафедра казахского языка и
литературы, ВКГУ имени С.Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан,
Беткенова М.С., магистр, преподаватель НАИ, Астана, Казахстан
Қанәпиянова А.Д., магистр, преподаватель НАИ, Астана, Казахстан
e-mail: sk_orazalin_k@mail.ru

Ключевые слова: наука, наследие, Улан, образец, преемственность научных трудов.

Аннотация. В данной статье описывается жизнь и творчество ученого. Проанализирован вклад Сарсена Аманжолова в казахское языкознание. Приводятся подтверждение наследия С.Аманжолова как основы современных научных исследований. Высказывается мнение преемственности наследия С.Аманжолова и трудов А.Байтұрсынова, К.Жұбанова.

Статья поступил 20.09.2016 .

MODERN MEDIA LANGUAGE

Aimagambetova M.M.,

doctoral candidate of Chair Russian Language and Literature,
Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan
e-mail: aimagambetovamalika@gmail.com

Keywords: Media, publicistic style, newspaper language, the functional-stylistic category, society.

Abstract. This article refers to the features of the modern language of the mass media on the material of the Kazakhstan press. Media is not only an integral part of our daily life, as well as its reflection. We have considered features of the language only in periodicals, as it is impossible to consider all aspects of the media in a single article. We can observe an increase in the use of a reduced vocabulary in newspapers, reduces newspaper speech to the level of everyday conversation that blurs the line between the book styles and types of oral everyday speech. In addition, we presented peculiarities of the newspaper language suggested by N.S. Valgina, which are also typical for the Kazakhstan press.

Currently, the media is so firmly established in human society, that now it has a powerful influence on the human mind. Being dynamic in nature, the media language is the fastest one to respond to changes in society, reflecting the state of public consciousness, affecting its formation and development. Just in the media language, it is easy to see those new trends in the approaches to the language study, which can be traced in modern linguistics. Functional aspects of language use play an important role among them.

The problem of language impact on the man, on his way of thinking and behavior is directly related to the means of mass communication. Informing the man of the state of the world and filling his leisure, the media has an impact on the whole structure of his thinking, the style of perception of the world, the type of today's culture.

Now it is obvious that the language fulfills its function as better, as more perfect is its implementation in the media. No wonder the media is called the "fourth estate".

Activities of the media have exceptionally very great impact on society in general, on the socio-psychological and moral character of each of the members of this society, because any new information coming through media channels, appropriately stereotyped and bears many times repeated political orientations and values which are fixed in people's minds.

The newspaper language continuously develops. Modern attitude on creative work, rather than a stereotype is increasingly evident in journalistic speech, which is achieved by means of the language game, creating a

context using quotations and irony. Newspaper vocabulary dramatically is expanding by a spoken, street language, slang. G.Ya. Solganik proposes to define this process as the democratization of the media language [1, p. 262].

People often regard newspaper languages skeptically; just as before, it now has numerous reasons for criticism, which include careless turns of speech, grass-hand, stamps, unnecessary borrowings and spelling/punctuation errors.

One of the main trends, according to G.Ya.Solganik, N.I.Klushina, N.S.Valgina in the development of the language of modern high-quality newspapers - the tendency to increase informativity, which is reflected in the evolution of systems of newspaper genres and headings. So, essays, feuilletons, editorials appear less frequently in the newspapers. They are replaced by news stories, which focus primarily on the information beginning. Genre barriers are abolished, there is a marked evolution of the genres, their synthesis [1, p. 263]. G.Ya.Solganik notes that the process in headings is shown in frequent replacement of nominative headings with verbal. According to the scientist, such headings witness a trend towards the increasing strengthening of informative function, as this representative of strong position is intended to clearly and concisely express the content of the material. Its expressiveness and aesthetics lie in it [2].

It is noted that alternation of the expression (emotive lexicon) and standard, constant transformation of expression in the standard is specific for journalistic speech.

For example, expressions like the Cold War, the arms race, new thinking, stagnation, perestroika, as a metaphor, almost immediately turned into socio-political routinely used terms.

Thus, for verbal behavior in social interaction, fundamental importance belongs to verbal execution of social-role status of the participants of communication, strict enough control over the content and form of sent voice messages, reducing the personal principle in verbal behavior.

On the other hand, studies show wide use of deflated style vocabulary in order to attract the reader's attention. The author shows that it is no different from a simple layman, and, accordingly, assumes the role of "private person". All of this leads to the conclusion that the informative function is now giving way to acting as an abundance of information complicates the perception, sometimes making it practically zero.

Over-saturation of the text with colloquial and vernacular means reduces the newspaper speech to the level of everyday conversation, blurs the line between the book styles and oral everyday speech, eliminates the

seriousness of the topics discussed, which leads to ironic perception of the text by the reader, both in the future and in the reality.

Discussion of specialized topics inevitably simplifies the conceptual plan and takes the discussion on a more or less popular, non-specialized level [3, p. 226]. This allows attracting to periodicals the readers with any level of education. If earlier should remember that the spoken form is not appropriate for every matter of discussion, today journalists are increasingly resorting to the above feature (stylistic marking), touching any topic of contemporary reality.

At the same time, the media language in the last decade has significantly changed. More often reading or listening public and specialists-philologists studying it impose numerous claims. There is an oversaturation of media language with Americanisms, and the abundance of slang, and even foul vocabulary in it, and disruption of normal rate and regulatory intonation pattern of speech.

Other features of the media language of the last decade are the abundance of borrowings from foreign languages, primarily, of course, from the English, or rather - of American English.

Another feature of the media language in recent years, and especially the very bright feature, is the so-called banter. Sociologists L. Gudkov and Boris Dubinin give the following definition of this phenomenon: “Banter – is a kind of intellectual mockery consisting in reducing the character through their demonstrative use in the context of the parody” [4, p. 231].

Analyzing materials about media language, it is impossible not to note that the Kazakhstan press today also distinguishes by limited openness of its expression. The absence of censorship and ideological influence on press allows the authors of newspaper articles and television programs to choose any available to their attention fact or face as the object of assessment and form the desired assessment in accordance with their own views and objectives, to clothe it in the form acceptable for the journalists themselves. However, freedom of speech, it turned out, also has its flip-side: sometimes output of ideology turns to output from the culture, the destruction of ossified stereotypes understood as a refusal to follow any, including moral and ethical standards.

Much has been done in the study of the media language. The factors that influence the specificity of the media have been studied. According to V.G. Kostomarov, features of the media language determined by the alternation of the standard and expression [5, p. 96]. Another view (G.Ya. Solganik) connects newspaper language specificity with social evaluativity

[6, p. 39]. It seems that both concepts can be combined, if we consider that the expression in the newspaper often takes the character of evaluativity. Although both theories are developed on a material of newspaper language, they may be extended to other media as well.

N.S. Valgina in her work on the text as a functional-style category proposes to allocate the following characteristic features of newspaper language:

1. Publicistic style uses the most diverse vocabulary and phraseology in terms of thematic, reflecting the social diversity of the modern Russian language. Among the neutral lexical resources are actively used social and political terminology, scientific, technical and production terms, a lot of nomenclature units, geographical names, job titles, names of newspapers, magazines, etc.

2. Publicism is characterized by the metaphorical use of medical terms: the agony, infection, hypnosis, artery; osteochondrosis of thinking, epidemic chatter, and shock therapy. Military (line of fire, direct pointing) and theater (drama, idyll) terminology metaphorized. The same can be said about sports terms (the final straight, round).

3. Publicistic style characterized by the formation of names using the book suffixes (*teaching, computerization, vouchering*); abundant names with person suffixes (*ascetic, accomplice, instigator*), with prefixes (*super task, inter zonal, anti-fascist, mega broad*). Compounding is highly developed among the socio-political, evaluation vocabulary (*eye-washing, inefficient*).

4. Many abbreviations (*ROC, the OSCE, RK, UN*) and compound shortened words (*autostrada pseudo market, photo festival, clipoved (cliper), business school, rock star*).

5. Models with a reduced pattern suffix are common (hoopla, show off, protesting) in the rank of evaluation vocabulary.

6. The syntactic structure of publicistic speech is committed to transparency in syntax, simple structures. Inversion, various types of updating, repetitions, question-answer and call-up and hortatory forms etc. are often used in expression.

7. Characteristic generalized-personal and indefinite-personal, impersonal sentences with which you can “step back” from a specific doer (*we are told, handed over, reported in the article*).

8. Publicity is actively using the expressive syntax: nominative, connecting and parceled structure, question-answer construction. Syntax fragment in the presentation of the material creates the illusion of a free, relaxed speech that contributes to the manifestation of phatic function

(“*Miss- Institute*”, “*Miss University*”, “*Mini Miss*” for babies and teenagers and even “*Miss Prison*” Do you like to ride? Ride!). However, in our view, the phenomenon of parceling is multifunctional, it cannot be judged categorically, and so this syntactic construction should be considered in this paragraph and in paragraph 6 of this classification (transparency, simplicity of syntax construction).

9. Publicity widely uses figurative means (figures of speech, figures), uses set phrases, proverbs, winged phrases, which often transformed, reinterpreted in the right way for a journalist. Methods of blending, collisions of meanings, updates of set expressions, familiar voice formulas have genre-compositional conditionality and make it expressive, active influence on the reader (“Knights of the buffet” [In Aktobe College of service together with the Aktobe branch of the Red Cross and Crescent Society conducted a campaign to help the homeless [7, p. 58].

So, publicistic style is still the most mobile formation of the modern Russian language, because it includes elements of other styles. Its main distinguishing features include inseparable set of informativity and expressiveness, as well as a vivid reflection of the journalist’s personality, referred to as the author category. All this allows us to consider publicism from the perspective of a non-normative use of certain linguistic means to achieve the expressiveness in describing different events. The strength and advantage of publicism, which holds a central place in the media language is in a direct impact on the addressee, the audience. Therefore, developing literary language through variation, modification and game with linguistic means, the media promotes the development of culture in a certain attitude.

REFERENCES

- [1] Solganik G.Ya. O yazyke i stile gazety. In: Yazyk SMI kak ob’yekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. Pod red. Volodinoy M.N. M.: Izd-vo MGU, 2003. S.261 – 268 [in Russ.].
- [2] Solganik. Rezhim dostupa URL: <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm> [in Russ.].
- [3] Volodina M.N. Yazyk sredstv massovoy informatsii/ pod red. M.N. Volodinoy. M.: Akademicheskiiy Proyekt; Al’ma Mater, 2008. 760 s. [in Russ.].
- [4] Petrova Ye.A. YAzyk sredstv massovoy informatsii v aspekte yazyka goroda. M.: Forum, 2009. 340 s. [in Russ.].
- [5] Kostomarov V.G. Yazykovoy vkus epokhi: Iz nablyudeniya nad rechevoy praktikoy massmedia. M.: Pedagogika-Press, 1994. 320 s. [in Russ.].
- [6] Solganik G.Ya. O zakonomernostyakh razvitiya yazyka gazety v XX v. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 2002. № 2. S. 39 [in Russ.].
- [7] Valgina N.S. Funktsional’nyye stili russkogo yazyka: Uch. Posobiye. M., 1994. 224 s. [in Russ.].

БҰҚАРАЛЫҚ АҚПАРАТ ҚҰРАЛДАРЫНДАҒЫ ЗАМАНАУИ ТІЛІ

Аймагамбетова М.М.,

орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының докторанты,
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы, Қазақстан,
e-mail: aimagambetovamalika@gmail.com

Тірек сөздер: БАҚ, публицистикалық стиль, газет тілі, функционалдық - стильдік санат, қоғам.

Аңдатпа. Осы мақалада қазақстандық баспа материалдарында бұқаралық ақпарат құралдарындағы заманауи тілдің ерекшеліктері туралы айтылады. БАҚ біздің күнделікті өміріміздің ажыратылмас бөлігі ғана емес, сонымен қатар, оның көрінісі болып табылады. БАҚ адам өміріне үлкен әсері бар, өйткені біздің ойлау құрылымына, айналамызды қабылдауға және адамның дүние танымына әсер етеді. Бізбен мерзімді баспаның ғана тіл ерекшеліктері қарастырылған, өйткені БАҚ барлық аспектілерін бір мақалада қарастыру мүмкін емес. Газеттің тілі тұрақты және үздіксіз дамиды, жаңа сөздер мен сөз тіркестері пайда болады, экспрессия мен жалпы қабылданған стандарттар шығады. Біз газеттерде төмен лексиканы қолданудың ұлғаюын байқай аламыз, газеттің тілін тұрмыстық әңгіме деңгейіне дейін төмендетеді, ол кітап стилі мен сөйлеудің ауызша-тұрмыстық түрлері арасындағы шекті өшіреді.

СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

М.М. Аймагамбетова,

докторант кафедры русского языка и литературы,
Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Алматы, Казахстан
e-mail: aimagambetovamalika@gmail.com

Ключевые слова: СМИ, публицистический стиль, газетный язык, функционально-стилевая категория, общество.

Аннотация. В данной статье говорится об особенностях современного языка средств массовой информации на материале казахстанской прессы. СМИ является не только неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, а также ее отражением. Нами рассмотрены особенности языка только периодической печати, так как рассмотреть все аспекты СМИ в одной статье невозможно. Язык газеты развивается постоянно и непрерывно, появляются новые слова и выражения, происходит чередование экспрессии и общепринятого стандарта. Мы можем наблюдать увеличение употребления сниженной лексики в газетах, снижает газетную речь до уровня бытового разговора, что стирает грань между книжными стилями и устно-бытовыми типами речи.

Статья поступила 13.09.2016 г.

EFFICIENCY OF CASE PHENOMENA IN THE NEWS SECTION
OF A NEWSPAPER ARTICLE

Kassenbayeva M.A., Master, Teacher
Izmukhanova A.K., Master, Teacher,
chair of Speech Practice of the Foreign Languages,
Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: m.kassenbayeva@bk.ru

Keywords: discourse, political mediadiscourse, precedent phenomenon, precedent name, precedent utterance, precedent text, precedent situation, communicative failure.

Abstract. This work is devoted to studying the case phenomenon in political nature news blocks of English-speaking and Russian-speaking newspaper articles. As a material for the study were taken as a basis of newspaper articles of international importance, such as the “Arguments and Facts”, “New York Times”, “Washington Times”, “Tengri News,” etc. The theoretical part of the work is based on research of such scientists as the Krasnyh V. Yu. Karaulov.

As a result of this work were shown transformation ways of precedent phenomenon types in newspaper articles in the compared languages. There were also analyzed the types of precedent phenomenon, their recognizability, regularity and efficiency of use in the printed media of a political nature.

УДК 327

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В НОВОСТНЫХ БЛОКАХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ

Касенбаева М.А., магистр, преподаватель,
кафедра практики речи иностранных языков
Измуханова А.К., магистр, преподаватель, кафедра практики речи
и иностранных языков КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, e-mail: m.kassenbayeva@bk.ru

Ключевые слова: дискурс, политический медиадискурс, прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентная ситуация, коммуникативная неудача.

Аннотация. Данная работа посвящена изучению использования прецедентных феномен в новостных блоках англоязычных и русскоязычных газетных статей политического характера. В качестве материала для изучения были взяты за основу газетные статьи международного значения, такие как «Аргументы и факты», «Нью Йорк Таймс», «Вашингтон таймс», «Тенгри Ньюз» и т.д. Теоретическая часть работы основана на исследованиях таких ученых как, Красных В., Караулов Ю. В результате проделанной работы были показаны способы трансформации видов прецедентных феномен в газетных статьях на сравниваемых языках. Также были проанализированы виды прецедентных феномен, их узнаваемость, регулярность и эффективность использования в печатном СМИ политического характера.

Интерес к языковой интерпретации мира в мышлении и сознании человека, присущий современной лингвистике, во многом может быть удовлетворен при изучении языка СМИ (и газеты в частности), так как в нем отражаются социальные, политические, экономические, культурные и др. процессы, происходящие в обществе, а также изменения, происходящие в языке. СМИ в целом являются доминирующим источником информации и одним из важнейших средств коммуникации в современном обществе, через них осуществляется общение его представителей. Исследуя язык газет, мы можем понять, как человек видит мир, «сконструировать» его языковую картину мира, соответственно лучше понять говорящего на этом языке человека. Одной из главных функций прессы является функция социализации, заключающаяся в формировании (либо корректировке) у индивида системы ценностей, норм и традиций современного общества [1, с. 1].

Несмотря на кризис, переживаемый в настоящее время печатными СМИ (связанный, в частности, с распространением, Интернета), роль прессы по-прежнему велика.

Использование прецедентных феноменов (далее ПФ) является одним из способов реализации отмечаемой в современной прессе тенденции к интеллектуализации текста. Интеллектуализация газетного текста путем вкрапления в него некоторых ПФ усложняет его содержание и восприятие, но в итоге, приложив некоторые интеллектуальные усилия, читатель получает удовольствие от того, что ему становится понятен замысел автора. С точки зрения эффективности общения между журналистом и читателем апелляция к интеллекту является одной из действенно-активных форм диалога с аудиторией. Таким образом, ПФ не только сохраняют культурно значимую информацию, накопленную языковым коллективом, но и усложняют текст, раздвигая его границы и создавая «вертикальный текст», вплетают текст статьи в ткань общей культуры.

В этой связи изучение ПФ как русскоязычных статьях, так и в англоязычных статьях обретает свою неоспоримую актуальность и значимость.

Значительная роль СМИ в современном обществе подчеркивается многими исследователями. В современном обществе средства массовой информации становятся инструментом распространения массовой культуры, оказывают идеологическое воздействие на членов социума. Они являются неотъемлемой составной частью общества и культуры.

Изменения в коммуникативном пространстве современного общества вызывают различные активные процессы и в языке современной прессы, которые, часто разнонаправлены и противоположны по своей сути. Таким образом, характеристики речи современных СМИ многоплановы и разноаспектны.

В последнее время в современной прессе произошли различные изменения: изменился тип автора и газетные тексты стали более субъективными. В печатных СМИ отмечается «демократизация языка», тенденция, к стилистической контаминации, увеличение количества заимствований, иноязычной, книжной лексики, распространение иронии, сарказма и ёрничества и др. К числу изменений современной прессы относят также её раскованность (по сравнению с предыдущим периодом), её ориентированность на диалог с аудиторией, увеличение роли стилистических приёмов в обработке текстов. Тексты СМИ становятся более экспрессивными и остроумными [2, с. 24-25].

Отмечаются также противоположные названной тенденции, как, например, антиперсонализация (объективированность, сдержанность, безэмоциональность изложения), интертекстуальность (тенденция, противоположная субъективизации, проявляющаяся в стремлении авторов включить в свои тексты «чужую речь»), интеллектуализация газетного текста. Тенденция к интеллектуализации газетных материалов представляет особый интерес в рамках данного исследования. М.А. Кормилицына обращает внимание на то, что эта тенденция понимается исследователями языка СМИ по-разному, а факты её проявления еще недостаточно систематизированы. Одним из сигналов усложненности текстов СМИ являются ПФ и подобные им единицы. ПФ усложняют текст, создавая «вертикальный текст», который, вслед за М.А. Кормилицыной, мы понимаем как возникающий при использовании определенного ПФ подтекст, необходимый для понимания этого ПФ и материала статьи. Таким образом, усложнение, интеллектуализация текста с помощью ПФ осуществляется благодаря наличию связи между этими ПФ и стоящими за ними феноменами культуры, что очень тесно связано с тенденцией к интертекстуальности газетного текста: ПФ являются также одним из проявлений интертекстуальности. Именно поэтому этой тенденции будет уделено большое внимание в этой главе.

Интертекстуальность газетных текстов многие исследователи называют одной из ведущих характеристик современного языка публицистики. «Чужая речь» составляет порой до 50% от общего количества самостоятельных единиц текста.

Изменения в языке англоязычных печатных СМИ также привлекают интерес исследователей. В англоязычной прессе отмечается тенденция к языковой экономии (частое употребление сокращений), укорачиванию предложения, преобладание номинального стиля по отношению к вербальному, сжимание и уплотнение заголовков, использование терминов из профессиональных языков.

Печатные СМИ оттеснены новыми СМИ со своих позиций и газетам приходится искать способы борьбы за читателя, в связи с чем журналисты всё более креативно обращаются с языком. Новшеством в современной прессе является оформление текстов статей в виде кластеров. Привычный непрерывный текст теперь структурирован, представляет собой несколько маленьких текстов, снабжен рисунками, графиками и т.п. Это позволяет читателю самому выбирать, с какого абзаца или места он начнет читать. Цитаты как раз являются одним из таких элементов, который может быть вынесен из основного текста и представлен отдельно. Отмечается, что самое большое изменение произошло с читателем: раньше он был терпеливым, а теперь бегло просматривает газетные материалы.

Кроме того, наблюдаются те же тенденции: индивидуализация, демократизация языка газеты, появление новых жанров, все большее употребление диалектных слов, чрезмерное употребление заимствований (особенно из английского языка) [3, с. 185-192]. И, самое важное для нас то, что западные лингвисты, как и отечественные, говорят о тенденции к интеллектуализации и интертекстуальности текстов прессы и также считают оформление текстов статей в виде кластеров одной из центральных характеристик текстов СМИ.

О тенденции к интеллектуализации языка говорят исследователи русского и английского языков. При этом, как уже было сказано выше, разные исследователи понимают проявление этой тенденции по-разному [4, с. 8-9]. Для многих исследователей это, прежде всего, использование различных терминов, профессионализмов и т.п. И тогда можно согласиться с ними в том, что эта тенденция наблюдается сравнительно недавно, так как связана во многом с появлением в последнее время большого количества научных и технических новинок.

М.А. Кормилицына, занимающаяся изучением языка прессы, говорит о том, что использование специальной терминологии не является единственным способом интеллектуализации текста. Сюда же относится, например, использование ПФ. Для их

понимания реципиенту необходимо. приложить свои умственные и интеллектуальные усилия. В этом случае уже нельзя говорить о том, что это новая тенденция, так как создаваемые человеком тексты еще с древних времен содержат в себе множество переключек с другими текстами (к которым относятся и ПФ) [5, с. 215-217] ; Сразу скажем о том, что во всех встретившихся нам работах англоязычных лингвистов, в которых речь шла об интеллектуализации текста, нам не встретилось упоминаний об использовании ПФ в этих целях.

Называются также и другие средства интеллектуализации - термины, заимствования, использование слов которые никогда раньше не входили в лексикон рядовых носителей языка, применение смыслоемких, нестандартных приемов использования слов, нестандартное применение знаков препинания, цифр и других графем, широко понимаемая языковая игра, включающая различные приемы словесного манипулирования и затрагивающая многие языковые уровни; расширение привычной (нормативной) сочетаемости слов и др., а также различные визуальные средства (изобразительные средства – анимации). Часто используется одновременно несколько способов усложнения информации, которые увеличивают многозначность сообщения и затрудняют его восприятие. Для их понимания коммуникантам требуются специальные знания и специфические языковые навыки и умения.

Нельзя не согласиться также с тем, что тенденция к интеллектуализации- речи проявляется в различных языковых пластах с разной степенью интенсивности. Если например, в компьютерном жаргоне она, как отмечает В.Н. Виноградова, осмыслена и обобщена («правда, в иронической манере и лингвистически непрофессионально»), то, например, в языке рекламы или СМИ она еще недостаточно рассмотрена.

Под интеллектуализацией текстов прессы, мы будем понимать использование журналистами для их создания различных средств и приемов, которые усложняют процесс его восприятия и требуют от читателя для его правильного понимания больших умственных усилий. Таким образом, ПФ являются лишь одним из способов интеллектуализации, усложнения газетного текста. При включении в текст ПФ его понимание делается опосредованным и многоступенчатым. По мнению некоторых исследователей, использование ПФ может буквально «шифровать общение», превращать его в сложный интеллектуальный процесс, доступный

не всем носителям языка. Присутствие в тексте ПФ делает текст многослойным. Он приобретает большую семантическую ценность, смысловую открытость. Тем не менее, это не означает, что текст (и использованные в нем ПФ) может быть истолкован совершенно любым образом, так как ПФ направляют понимание читателя. Мыслительная деятельность читателя активизируется, так как ему необходимо распознать использованный в тексте ПФ, его общеизвестный источник и связываемые с ним ассоциации, а также соотнести его прямое значение с его «обновленным значением», возникающем из-за его употребления в новом контексте, а также из-за его возможных структурных или семантических трансформаций, осуществляемых создателем текста.

Интеллектуализация газетного текста путем вкрапления в него некоторых ПФ, усложняет его восприятие для читателя, но, с другой стороны, приложив некоторые интеллектуальные усилия, читатель получает удовольствие от того, что ему становится понятен (как ему кажется) замысел автора. Вместе с тем апелляция к интеллекту - это одна из действенно-активных форм диалога с аудиторией. Таким образом, при использовании ПФ журналист не должен перегружать текст этими единицами и делать его слишком сложным для восприятия, но, в то же время, совершенный отказ от ПФ может сделать его текст бледным и неинтересным для читателя.

Именно интеллектуализация и экспрессивизация являются, по мнению Т.В. Туковой, движущими силами развития языка. Интеллектуализация языка тесно связана с этапами познавательной деятельности человека и степенью познания окружающей действительности. ПФ представляют собой такие единицы, которые содержат в себе в концентрированном виде важную информацию о накопленном ранее культурном и историческом опыте и способны отражать наше представление о действительности. В этих свойствах интеллектуализирующая функция ПФ пересекается с интертекстуальной. Именно поэтому для нас также является важным обращение и к некоторым вопросам теории интертекстуальности. М.М. Бахтин отмечал, что всякий текст не существует изолированно, а находится в диалоге с другими текстами, написанными до него или в это же время. Наша речь наполнена чужими словами, с одними из которых мы совершенно согласны, «сливаем свой голос, забывая, чьи они», другие имеют для нас большой авторитет и ими мы подкрепляем свои слова, третьи мы «насеваем своими собственными чуждыми или

враждебными им устремлениями». Ю. Кристева, развивающая эту мысль, ввела термин «интертекстуальность», понимая под ним связь текстов или их некоторых частей между собой, благодаря наличию разнообразных эксплицитных или имплицитных отсылок друг к другу.

Исследователи подчеркивают, что в результате включения в текст сторонних элементов происходит наложение одних ассоциативно- семантических структур на другие с образованием новых дополнительных значений. Коммуникативные отношения между текстом-источником интертекстуальной отсылки и текстом-реципиентом осуществляются на содержательном, лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. Какой бы ни была концепция интертекстуальности, в основе всегда лежит представление о том, что все тексты находятся в отношениях с другими текстами. Используя в нашей работе термин интертекстуальность, мы будем понимать его в узком смысле, как целенаправленную эксплицитную или имплицитную отсылку читателя к другому тексту/текстам (понимая текст в широком смысле, как любой объект, которому свойственна знаковая природа) [6, с. 82].

Использование отсылок к чужим текстам лингвистами именуется по-разному: это «интертекстуальность», «текст в тексте», «цитация», «межтекстовые связи». Сами единицы, «вкрапления» других текстов, также не имеют устоявшегося термина. Подобные «отголоски культурной и историко-литературной памяти» называют крылатыми выражениями или словами, логозписемами, интертекстами или интертекстемами, интертекстуальными элементами, текстовыми реминисценциями, квазицитатами, квазифразеологизмами, парафразами, прецедентными феноменами, прецедентными культурными знаками, прецедентными единицами дискурса и т.п. Именно эти единицы являются интереснейшим материалом исследования, привлекающим внимание многих современных лингвистов (Д.В. Багаева, Н.Д. Бурвикова, Д.Б. Гудков, Ю.А. Гунько, Е.В. Гуськова, И.В. Захаренко, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, Е.М. Миронеско-Белоза, Ю.Б. Пиккулева, Р. Романьоли, Г.Г. Слышкин, О.И. Соколова, А.Е. Супрун, О.В. Фокина, J.A. Bar, J.A. Bär, U. Broich, H. Burger, J. Golonka, R. Grübel, W. Heinemann, J. Helbig, S. Holthuis, G. Isekenmeier, R. Lachmann, K. Stierle и др).

Впервые термин прецедентный текст (далее ПТ) был введен Ю.Н. Карауловым. Ученые В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко и Д.В. Багаева посчитали, что понимание Ю.Н. Карауловым термина «текст» было слишком широко, и предложили использовать для

подобных явлений термин ПФ. ПФ в понимании Д.Б. Гудкова - это единица языкового сознания, которая отражает прецеденты, являющиеся основными составными частями общего для всех членов лингвокультурного сообщества ядра знаний и представлений. ПФ и подобные им единицы рассматриваются в антропоцентрической парадигме лингвистики конца XX века как «отраженные в сознании и закреплённые языком элементы объективной культурной реальности».

К числу ПФ большинство исследователей относят прецедентный текст (далее ПТ), прецедентную ситуацию (далее ПС), прецедентное имя (далее ПИ) и прецедентное высказывание (далее ПВ). Однако не все исследователи склонны к такому разграничению. Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров вводят для единиц, несущих в себе «отголоски» культурной и исторической памяти единый термин логоэпистема. По их мнению, этот «зонтиковый термин», охватывает языковые явления совершенно разного калибра - от одного слова до целого фрагмента текста. Исследователи считают невозможным связать логоэпистему с какой-либо одной лингвистической категорией. Западные исследователи также обращают внимание на то, что в области описания отношений между текстами существует слишком много терминов, пытающихся описать все нюансы этих отношений. Отсылка к другим текстам часто называется Intertext, Posttext или Phänotext (ср.: ПФ), а текст-источник - Prätext (ср.: ПТ), Referenztext или Genotext. Однако, как правило, различают два вида текстов - более ранний и более поздний. Более поздний текст в таком случае представляет собой сигнал/прием интертекстуальности. Phänotext рассматривается как устойчивая языковая структура, предполагающая существование некоторого субъекта. Phänotex - это каждый конкретный ПФ, употреблённый в тексте. Referenztext или Prätext - это текст, к которому отсылает ПФ (Phänotext), то есть, источник ПФ.

На наш взгляд, термин ПФ, в отличие от других, является более понятным и прозрачным. Феномен - это некоторое необычное явление, редкий факт. Учитывая то, что каждый автор использует ПФ в конкретной статье в своих конкретных целях, при этом, чаще всего трансформируя его своим особым образом, можно согласиться с тем, что это каждый раз является чем-то необычным. Определение «прецедентный» указывает на связь данного феномена с уже существующим феноменом. Этот уже существующий феномен, к которому происходит отсылка, тоже является единственным в своём роде. Что касается выделения среди ПФ отдельных видов - ПТ, ПВ,

ПИ, ПС и т.п., то здесь не всё так однозначно. С одной стороны, это необходимо и логично, так как, например, ПИ действительно отличается от ПТ или ПВ как минимум формой словесного выражения. Однако иногда трудно однозначно отнести конкретный ПФ к какому-либо определенному виду, поэтому нельзя отчасти не согласиться с мнением Н.Д. Бурвиковой и В.Г. Костомарова, что термин, обозначающий данные явления, охватывает огромный спектр языковых единиц и они не нуждаются в разграничении на виды.

Для прессы характерно множество интертекстуальных связей, однако, интерес исследователей языка СМИ направлен преимущественно на изучение единиц прецедентного характера. Для осуществления своих, коммуникативных намерений автор использует всевозможные «вкрапления» из других текстов. Это своего рода синтез многочисленных текстов, представляющий собой феномен культуры. Использование ПФ является одним из частотных и продуктивных приёмов подачи информации. Журналисты считают, что ПФ способны улучшить способ передачи их мыслей в производимом тексте, помогут читателю адекватно понять его и сделают его более эффективным. Ю.Д. Артамонова и В.Г. Кузнецов рассматривают текст СМИ как совокупность фраз бесконечных гипертекстов, как бесконечное цитирование.

Вкрапление ПФ не только помогает автору вызвать у читателя ассоциации с уже имеющимся феноменом культуры, но и создает «вертикальный текст», устанавливает связь производимого текста с предшествующим. Посредством включения ПФ в тексты авторы расширяют коммуникацию в диахроническом плане, включают их в историю. Журналисты соединяют тексты, дополняют их, укорачивают, перефразируют и т.п. Активность интертекстуальных связей в рамках газетного текста определяет его природа то есть коллективный адресат, функция социального регулирования, эффект достоверности информации, диалогичность и др. Исследователи отмечают, что тексты, создаваемые в современной культуре, часто ориентированы на осмысление уже созданных и использование уже имеющихся текстов. В создаваемый текст вплетаются фрагменты чужих текстов, обладающие различной степенью экспрессивности, а также оценки чужих текстов. Отсылки к предшествовавшим историческим и культурным прецедентам обеспечивают реальную речевую связь поколений и подтверждают устойчивость и непрерывность развития языка. Таким образом, включающий в себя разнообразные вкрапления

текст, представляет собой информационную реальность, которая в той или иной форме сохраняет всё: созданное данной культурой. Исследователи английского языка считают, что в результате компиляции; текстов создается продукт, представляющий; собой несколько реальностей одновременно. Эти реальности часто могут находиться в противоречии друг с другом.

ПФ способны выполнять в тексте прессы различные функции, однако на сегодняшний момент еще не существует достаточно полной; и четкой классификации функций интертекстуальных отсылок ни в русском, ни: в английском языке. «Интертекст выполняет множество разных функций, и их невозможно предусмотреть заранее при попытке составить полный перечень». Они будут каждый раз меняться не только в зависимости от различных характеристик текста, но и от типа читателя [7, с. 107]. Достаточно хороший обзор функций ПФ представлен Е.А. Нахимовой. Дополнив и расширив ее обзор, мы рассмотрим функции ПФ, свойственные им как единицам языка и речи, а также основные функции, свойственные именно и в большей степени ПФ, и выделяемые многими исследователями.

ПФ может выполнять следующие функции:

1. **номинативную:** упоминание ПФ, как правило, актуализирует в представлении читателя некоторый фрагмент действительности и формирует понятие о нем;

2. **коммуникативную:** текст в общем, и используемые в нем ПФ в частности, являются формой общения между автором и читателем;

3. **апеллятивную:** автор пишет текст, обращаясь к читателю, соответственно и ПФ он использует, ориентируясь на читателя, пытаясь воздействовать на него, вызвать его реакцию;

4. **экспрессивную:** выражение отношения автора к излагаемому материалу, его чувств и эмоций с целью воздействия на читателя;

5. **оценочную:** ПФ являются средством выражения авторской оценки описываемого положения вещей. Эта функция близка к экспрессивной, так как авторская оценка в прессе часто носит очень субъективный характер;

6. **метатекстовую:** толкование использованного ПФ, активизируемое в сознании читателя, может быть рассмотрено как толкование к самому ПФ и фрагменту текста, в котором он;

7. **когнитивную:** ПФ аккумулируют в себе определенные знания о мире и благодаря воспроизведению их в текстах могут передавать израния эти знания;

8. **интертекстуальную** функцию, то есть функцию **включения** текста статьи **в общий исторический и культурный контекст**. Использование ПФ — это один из способов создания «вертикального текста», позволяющий соотнести материал нового текста с накопленным ранее культурным и историческим опытом. Эта функция ПФ позволяет расширять границы текста и включать в него новые ассоциации;

9. **прагматическую (или манипулятивную)**, близкую к экспрессивной функции: может оказывать воздействие на адресата, ”изменять его картину мира, влиять на систему ценностей;

10. **персуазивную**, близкую к прагматической: убеждение собеседника в правоте своей точки зрения путем отсылки его к авторитетному ПФ;

11. **интеллектуализирующую**: ПФ усложняет текст и может оказывать на читателя познавательное воздействие;

12. **иллюстративную**: использование ПФ в качестве иллюстрации слов и мыслей автора;

13. **игровую**: использование ПФ для создания языковой игры;

14. **моделирующую**: использование ПФ для формирования представлений о мире в виде модели;

15. **идеологическую**: использование ПФ для формирования идеологических взглядов читателя;

16. Являясь развивающейся системой, неразрывно связанной с обществом, язык впитывает и отражает все изменения, происходящие в нём. Наиболее отчетливо все эти изменения отражаются в языке СМИ, в частности, в прессе. Однако качество языка современной прессы вызывает недовольство многих исследователей. Лингвисты критикуют большое количество ошибок различного рода, неоправданное и чрезмерное использование иностранных слов, сниженной лексики, жаргонизмов, штампов, клише и т.п.

17. Под интеллектуализацией текста большинство исследователей понимает употребление в нем различных терминов и профессионализмов, а такому средству интеллектуализации текста, как ПФ, уделяют внимание лишь немногие лингвисты. Существует много определений интертекстуальности, но все они схожи в том, что исследователи понимают под этим понятием некоторую связь текстов между собой. Выделяют также различные виды интертекстуальной связи (референциальную, типологическую, диахроническую, синхроническую, текстовую и т.д.). ПФ являются одним из сигналов, способов реализации интертекстуальности в текстах печатных СМИ.

18. Среди ПФ выделяют ПТ, ПВ, ПИ и ПС, а также символы ПФ. Обязательными характеристиками этих единиц является их сверхличностный характер, значимость в познавательном, культурном и эмоциональном планах, воспроизводимость в речи представителей определенного лингвокультурного сообщества.

19. ПФ реализуют в текстах различные функции. Многие из этих функций свойственны ПФ, как и другим единицам языка и речи, но они также выполняют и другие, свойственные в большей степени именно им функции. Наиболее часто исследователи выделяют экспрессивную, оценочную, интертекстуальную и прагматическую функции ПФ. Нам представляется очевидной взаимосвязь интеллектуализирующей и интертекстуальной функций ПФ в газетном тексте. Все эти функции ПФ позволяют журналистам реализовать одно из основных предназначений прессы — оказывать воздействие на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Рогачева Е. О термине дискурс и его трактовках разными научными школами. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2009. – С. 1.

[2] Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса: Сб. статей. – М., 2004. – С. 24-25.

[3] Шевченко А.Ю. Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – 2002. - Вып. 1. - С. 185-192.

[4] Красных В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований феноменов в контексте: Сб. статей «Язык, сознание, коммуникация». – М., 1997. – С. 8–9.

[5] Караулов Ю. Русский язык и языковая личность. – М., 2010. – С. 215–217.

[6] Захаренко И., Красных В., Гудков Д., Багаева Д. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. – М., 2010. - С. 82.

[7] Захаренко И. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов: Сб. статей «Язык, сознание, коммуникация». – М., 1997. – С. 107.

REREFENCES

[1] Rogacheva Ye. O termine diskurs i yego traktovkakh raznymi nauchnymi shkolami. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, 2009. S. 1 [in Russ.].

[2] Temnova Ye.V. Sovremennyye podkhody k izucheniyu diskursa: Sb. statey. M., 2004. S. 24-25 [in Russ.].

[3] Shevchenko A.YU. Diskursivnyy analiz materialov massovoy kommunikatsii. Vestnik Rossiyskoy kommunikativnoy assotsiatsiiyu. 2002. Vyp. 1.- S. 185-192 [in Russ.].

[4] Krasnykh V. Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovaniy: Sb. statey «Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya». M., 1997. S. 8–9 [in Russ.].

[5] Karaulov YU. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. M., 2010. S. 215–217 [in Russ.].

[6] Zakharenko I., Krasnykh V., Gudkov D., Bagayeva D. Pretsedentnoe imya i pretsedentnoe vyskazyvaniye kak simvolы pretsedentnykh fenomenov. M., 2010. S. 82 [in Russ.].

[7] Zakharenko I. K voprosu o kanone i etalone v sfere pretsedentnykh fenomenov: Sb. statey «Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya». M., 1997. S. 107 [in Russ.].

ГАЗЕТ БАСПАСЫНЫҢ ЖАҢАЛЫҚТАР БӨЛІМІНДЕ ПРЕЦЕДЕНТТІ ҚҰБЫЛЫСТАРДЫ ҚОЛДАНУ ТИІМДІЛІГІ

Қасенбаева М.А., магистр, оқытушы,
Шет тілдер сөз сөйлеу тәжірибесі кафедрасы,
Измұханова Ә.Қ., магистр, оқытушы,
Шет тілдер сөз сөйлеу тәжірибесі кафедрасы,
Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ,
Алматы, Қазақстан, e-mail: m.kassenbayeva@bk.ru

Тірек сөздер: дискурс, саяси медиадискурс, прецедентті құбылыс, прецедентті ат, прецедентті мәлімдеме, прецедентті мәтін, прецедентті жағдай, коммуникативтік сәтсіздік.

Андатпа. Бұл жұмыс ағылшын және орыс тілді саяси сипаттағы газет мақалаларының жаңалықтар бөліміндегі прецедентті феномендерді зерттеуге арналған. Зерттеу материалы ретінде «Аргументы и факты», «Нью Йорк Таймс», «Вашингтон Таймс», «Тенгри Ньюз» және сол сияқты халықаралық маңызы бар газет мақалалары алынды. Жұмыстың теориялық бөлігі Краснов В., Караулов Ю. секілді ғалымдардың ғылыми-зерттеулеріне негізделді.

Ғылыми-зерттеу жұмысы нәтижесінде салыстырылып отырған тілдердегі газет мақалаларында орын тапқан прецедентті құбылыстардың трансформациялану әдістері көрсетілген. Сондай-ақ, жұмыста прецедентті құбылыстардың түрлері, танымдылығы, қолданылу жиілігі мен тиімділігі талданды.

Статья поступила 11.09.2016 г.

2 - Бөлім
АУДАРМАНЫҢ ҚАҒИДА МЕН ТӘЖІРИБЕДЕГІ ЗЕРТТЕУЛЕР

Раздел 2
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ПЕРЕВОДА

Section 2
RESEARCHES IN THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

**CONSIDERING METHODS OF THE NOTION “ADEQUACY”
IN TRANSLATION PROCESS**

Ermagambetova A.S., candidate of philological sciences, an associate professor
Kalieva Zh.Zh., master, teacher,
Ablai khan Kazakh UIR&WL,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: zh.kl1992@mail.ru

Keywords: translation, adequacy, equivalence, source language, target language, definition

Abstract. This article considers «Adequacy» as a term in translation study and also discuss the interrelation with equivalence. The article considers different scholars' works to compare the information and to find the different views of scholars according to this topic and problem. In the interest of better understanding the various points of view, it seems helpful to consider different perspectives on this concept in light of the varying philosophical assumptions on which they are based. By comparing different views it was established common features while defining this term and given one general definition to the term “adequacy”.

ӘӘЖ 8'81

АУДАРУ ПРОЦЕССИНДЕГІ «БАРАБАРЛЫҚ» ҰҒЫМЫНЫҢ
ҚАРАСТЫРУ ЖОЛДАРЫ

Ермагамбетова А.С., ф.ғ.к., доцент
Қалиева Ж.Ж., магистр, оқытушы,
Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ, Алматы, Қазақстан,
e-mail: zh.kl1992@mail.ru

Тірек сөздер: аударма, барабарлық, баламалық, түпнұсқа тілі, аударма тілі, анықтама

Анатпа. Аталмыш мақалада аударматану ғылымындағы маңызыды бір

ұғымдардың бірі «барабарлық» термині қарастырылған. Барабарлық ұғымы баламалық ұғымымен тығыз байланыста болғандықтан екі терминнің ара-қатынасы да ескерілген. Бұл мәселеге қатысты жазылған көптеген ғалымдардың жұмыстарынан ақпараттар беріліп, салыстыру жолы арқылы артықшылықтары мен кемшіліктері ұсынылған. Барабарлық ұғымын жан-жақты қарастыру арқылы бұл ұғымның даму кезеңдерін ұсына отырып, қорытынды ретінде ортақ анықтама берілген.

Аударматану ғылымының қалыптасып келе жатқан кезінде аударманың екі түрі ғана мүмкін деп саналған. Біріншісі- «дәл аударма» (верный перевод), мұнда сөзбе сөз аударма жасау деп түсіндірілетін. Ал екінші аударма түрі мәтіннің негізгі мағынасын жеткізу болатын. XIX ғасырдан бастап «дәл аударма» термині «дұрыс» деген мағынада қолданыла бастады. Одан кейінірек XX ғасырда «дәлме-дәл» немесе «тура сөзбе-сөз» деген сөз тіркестері пайда бола бастады. Сол уақыттарда «дәл аударма» ұғымын «барабар аударма» деген ұғым алмастырған болатын. Онда барабарлықты дұрыс, жақсы, сапалы аударма деп түсінген болатын.

Уақыт өте барабар аудармаға ғалымдар әртүрлі анықтамалар бере бастады. Ғалымдар бұл ұғымға жеткілікті нақты анықтама бере алмағандықтан, терминологиялық түсініспеушіліктер туындай бастайды. Мұндай анықтамаларға келесі бір мысалды жатқызуға болады: «барабар аударма түпнұсқаның мазмұны мен формасын өзге тілде жанғырту» деп түсіндірген [1,106-б.]. Бұл анықтама тым жалпыланып, абстрактылы түсіндіріліп, ешқандай ерекше сипаты жоқ болғандықтан қолдануға тым қиын болып келеді.

Орыс ғалымы А.В.Федоров барабарлық ұғымын өзгеше түсіндірген болатын. Ол бұл ұғымды «семантико-стилистикалы толық баламалы» деп анықтады [1,336-б.].

И.И.Ревзин және В.Ю.Розенцвейг қарамақайшы позицияны ұстанған болатын. Олардың пайымдауынша дәлме-дәл, барабар, еркін аударма деген ұғымдар ғылыми теория құруда негіз бола алмай, нақты терминдермен алмастырылуы қажет деген. Жоғарыда аталған ұғымдар тек қана поэтикада ғана қолданыла алады деп түсіндірген болатын [2,243-б.].

Осындай терминологиялық және ұғымдық белгісіздіктер бұрыс пайымдаулардың пайда болуына себепкер болады. Мәселен: «барабарлық аударманың маңызды көрсеткіштерінің бірі болуы мүмкін емес» [3,21-б.] немесе «жазбаша аудармада түгел мазмұнын жеткізе білу шарт емес» [4,319-б.] деген сияқты тұжырымдар пайда болады. Мұндай тұжырымдамалармен келісу өте қиын. Себебі бұл пайымдаулар «барабар» ұғымына тым жалпылама анықтамасын беруде.

Барабар аудармасыз түпнұсқа мәтіні айтарлықтай мағыналығы мен көркемділігін жоғалтып алады. Сонымен қатар түпнұсқа мағынасын толығымен түсінбеу аудармада қажетсіз трансформациялар мен мағынаның бұрмалауына әкеп соқтырады.

Осындай бұрыс, қарама-қайшы пайымдамалардың болуына қарамастан барабарлық термині аударма практикасында негізгі ұғым ретінде қалуда. Қазіргі кездегі аударма теориясының негізі қаланған 50-60 жылдардағы жұмыстарда барабарлық ұғымы аударманың түпнұсқаға деген абсолютті мағыналық сәйкестілігі деп ұғындырылған. Осы концепцияға сүйене отырып, аударманың барабарлығы мағыналық (семантикалық) сәйкестілік пен толықтылық деп түсіндіріледі. Барабарлық стилистикалық баламалықпен толықталатын. Онда аударма мәтіннің аударма тілінің функционалды-стилистикалық нормаларына бағынуы тиіс. Мұндай барабарлық «семантико-стилистикалық» деп аталатын [5,37-б.].

XX ғасырдың 50-60-шы жылдағы информациялық практика мен коммуникация теориясындағы үлкен жетістіктер аударма ісіне де әсерін тигізген болатын. Бұл жылдары барабарлықтың функционалды-прагматикалық концепциясы құрастырылған болатын. Бұл концепцияда семантико-стилистикалық концепцияға қарағанда барабарлық аудармаға өзгеше талаптар қойылды. Мұнда түпнұсқаның қарым-қатынас мақсаты, қарым-қатынас функциясын жеткізу алдыңғы орынға тұрса, түпнұсқа мазмұнының жоспарын нақты да толық жеткізу мен стилистикалық ерекшеліктері артқы орынға қалды. Яғни қарым-қатынас мәселесінің доминантты болуынан басқа аударманың өзге аспектілері бұл барабарлық аударманың түріне релевантсыз болып келеді. Сөзсіз мұндай аударма тәсілінде қарым-қатынас мақсатын сақтап қалу үшін, түпнұсқа мәтінінен аудармада ауытқулар жасауға тура келеді. Алайда қарым-қатынас мақсатын сақтап қалу мәтіннің ерекшелігі мен мәнерлігінің сақталуына кепілдік бермейді.

Үстінде аталып кеткен барабарлық ұғымына анықтамалардан басқа да, көптеген ой-пікірлер бар.

«Барабар аударма деп аударма тіл нормаларын сақтай отырып, түпнұсқаның мазмұндық жоспарын бұлжытпай жеткізу деңгейінде орындалатын аударма» деген болатын Нелюбин. [6,318-б.]. Бұл мәселені қарастыруда А.Д.Швейцардың зерттеу жұмыстарына мән берген жөн. Оның айтуы бойынша Барабарлық аудармадағы нағыз практикаға сүйемелденуі тиіс. Ал практикадағы аудармада түпнұсқаның коммуникативті-функционалды мазмұны толығымен сақтала бермейді.

Аудармашының аударма барысынан негізгі ойды сақтап қалу үшін белгілі бір «күрбандықтарға» баруына тура келеді деген ойдан барабарлық туындайды [7, 215-б.]. Сонымен қатар Швейцардың ойынша аудармада ең бастысы түпнұсқаның прагматикалық аспектілерін жеткізу болып табылады. Осы позицияға сүйене отырсақ барабар аударма дегеніміз баламалық деңгейіндегі максималды мақсатқа жету үшін прагматика жағынан қамтамасыз ететін аударма актісі болып табылады.

Дегенімен прагматиканы аударма теориясы мен практикасында бірінші орынға қою негізінен А.Нойберттің еңбегі болатын. Өзінің «аударма аспектілерінің прагматикасы» деген еңбегінде түпнұсқаның прагматикасын сақтап қалу барабар аударманың ең маңызды талабы деп атап өткен [8, 21-б.]. Прагматика ұғымы Нойбертта кең мағынаны білдіреді. Оның ойынша прагматика айтушының мазмұндық жоспары формасын таңдау себебін айқындап, тыңдаушыға деген оның әсерін де қамту тиіс. Аударманың негізгі мақсаты прагматиканы қарым-қатынасты сақтап және соны жеткізу болғанықтан, хабарлауда белгілі бір өзгерістер болуы мүмкін. Нойберттің ойынша аударманың барабарлығы осы прагматикалық аспектілерді сақтауғы тікелкі байланысты. Осыған орай мұндай сақтаулар қаншалықты және әрдайым мүмкін бе деген сұрақтар туындайды.

Осылайша, бұл концепция бойынша прагматикалық аспектілерді жеткізе аудару мүмкіндігін қатерге қояды. А.Нойберттің пайымдауынша прагматикалық қарым-қатынастырдың кебіреуі аудармада жеңіл жеткізілсе, келесілері қиындықпен аударылып, жартылай жеткізіледі, ал кейбір прагматикалық аспектілер тіпті аударуға келмейді. Себебі олар түпнұсқа сияқты аударма рецепторларына тура сондай әсер тудыра алмайды [9, 25-б.].

Алайда А.Нойберт барабарлық аударманың прагматикасын терең қарстырмаған. Сонымен қатар бұл концепцияда аударманың өзге де маңызды аспектілері мүлде қарастырылмаған. Дегенімен аудармада прагматиканың сақталуы қазіргі таңдағы аударматануда озық идея ретінде алдыңғы орында келе жатыр. Мәселен мысал ретінде алсақ:

Атап өткендей барабарлықтың сақталмауы баламалықтың бұрмаланып берілуіне әкеп соқтырады. Мысалыға:

*In the wild **struggle for existence**, we want to have something that endures, and so we fill our minds with rubbish and facts, in the silly hope of keeping our place. The thoroughly well-informed man — that is the modern ideal. And the mind of the thoroughly well-informed man is a dreadful thing [10, 78-б].*

Өмір үшін жүріп жатқан үлкен шайқаста біз аяқ тіреп мығым тұрар бір айлақты, мызғымас ақиқатты үздіксіз іздейміз, сөйтіп басымызды керекті- керексіз неше түрлі оймен толтыра бастаймыз. Қазіргі замандағы идеал – жоғары білімді, барлығынан хабардар адам.

Бұл мысалда түпнұсқада берілген *wild struggle for existence* деген сөз жолдары аударма тіліне *Өмір үшін жүріп жатқан үлкен шайқаста* деп аударма тілінің лексикасына сай қылып аударған. Алайда аудармашы баламалық деңгейін әсірелеп жіберген. Мәселен мәтіндік контексте күнделікті өтіп жатқан өмір айналымы, проблемалары жайлы сөз жүріп жатыр. Ал аудармашы аудару барысында әсірелеп, жағдайды ушықтырып *шайқас* деген баламаны қолданған. Бұл жағдайда менің ойымша *өмір қарбалысы* деген сөз тіркесі дұрысырақ келер еді. Күнделікті өмір жағдайы туралы айтқанда *қарбалыс* сөзі осы мәтіннің негізгі мәнін дұрыс ашпақ. Осыған орай мәтіннің барабарлығы толығымен сақталмаған, себебі баламалықтың деңгейі өзгертілген.

It was at my aunt, Lady Agatha's. She told me she had discovered a wonderful young man who was going to help her in the East End, and that his name was Dorian Gray. I am bound to state that she never told me he was good-looking. Women have no appreciation of good looks; at least, good women have not [10, 77-6].

Бұл әнекемнің үйінде болды, леди Агата ше. Ол бір тамаша бозбаланы *тапқанын* айтты, ол оған Ист-Ендте көмектесем деп уәде берінті, міне сол баланың аты Дориан Грей деген болатын. Дегенмен, ол оның сұлулығы жөнінде бір ауыз да айтпады. Әйелдер, мейірбан әйелдер, сұлулықты бағаламайды.

Келтірілген мысалда аудару барысындағы ең жиі кездесетін қателердің бірі-сөзбе сөз аудару. Түпнұсқада *discovered* деген сөз *ашу, ашылым, жаналық* деп аударылуы мүмкін. Алайда аудармашы *таптым* деп берген. Бұл жағдаятта *таптым* деген сөз мағынасы бұрыс. Мәтін мағынасына қарап отырсақ кейіпкер қызық, ерекше адамды кездестіреді. Сондықтан да бұл жағдайда *кездестіру* деген сөзді қолданған дұрыс болар еді.

Аударманың функционалды әдіс тұрғысынан қарасақ барабарлық аударманың коммуникативті мақсатын қысқа аударма арқылы жеткізе білу деп түсіндіреді. Яғни мұнда барабарлық аударма процессіне тікелей қатысты динамикалық ұғым ретінде қарастырылған [10, 154-б.].

Осы мәселеге байланысты израильдік ғалым және аударма теоретигі Г.Туридің теориясын қарастырған жөн. Ол «суреттемелі» деп аталатын өзінің аударма теориясындағы концепциясын ұсынған

болатын. Бұл концепция тек қана аударма нәтижесі мен аударма мәтініне бағытталған. Анализдің бастапқы нүктесі ретінде аударма тіліндегі мәтіндер жүйесіне қарасты мәтінді функционалдау болып табылады. Туридің пайымдауынша аударма дегеніміз мәдени-тілдік ерекшеліктерге байланысты жасалған аударма арқылы жүзеге асырылатын коммуникация.

Осыған орай мәтін екі жақты қарастырылады: бір жағынан мәтін барлық тілдік нормалар мен аударма тілінің мәдениетіне, аударма тілінің әдеби жүйесіне сәйкес болуы тиіс, ал екінші жағынан барабар аударма болу үшін мәтін - түпнұсқаға барынша тепе-тең болуы шарт. Осыған орай келесі мысалды қарастырып көрелік:

The painter considered for a few moments. "He likes me," he answered after a pause; "I know he likes me. Of course I flatter him dreadfully. I find a strange pleasure in saying things to him that I know I shall be sorry for having said [10,21-6].

Суретші ойланып қалды. – Дориан маған бауыр басып кетті, – деп жауап қатты ол біраз ойланып отырып. – Білемін, оны өзім де сеземін. Онсыз да солай болады, өйткені оны үнемі мақтаймын. Оған небір тамаша теңеулер айтудан ләззат аламын, әрине бұлай ете беруге болмайды, кейін бұған өкінуім де әбден мүмкін.

Бұл мысалда аудармашы *considered for a few moments* деген сөз жолдарын қалды етістігін қолданып, *ойланып қалды* деп аудару арқасында сөзбе-сөз аударманың болуына жол бермеді. Мәселен, қазақ тілінде *бірнеше минут ойланып қалды* деген жасанды естіледі, көбінесе *ойланып қалды* деген сөз тіркесі жиірек қолданылады. Сондықтан да, аударма барысында кей сөздердің алынып тастауы мәтіннің барабар болуына кедергі болмайды. Дәл осы мысалда *He likes me* деген *маған бауыр басып кетті* деп қазақ тіліне аударған. Аудармашы бұл жағдайда сөздің дәл баламасын (ұнату) қолданбай, жалпы мағынасын тура жеткізетін *бауыр басу* деген сөз тіркесін қолдана отырып жағдаятты сипаттау амалын өзгерткен. Дегенімен, мәтіннің барабарлығы сақталынған.

Аталған мысалдарда тура баламалы сөздерді пайдалана отырып аударуға да болады. Алайда бұл жағдайда аударма жасанды естіліп, тілдік нормаларға да қайшы келуі мүмкін.

Г.Туридің ұсынысы бойынша барабарлық деп түпнұсқаға максималды түрде нақты сәйкестілікті түсінуіміз тиіс. Нақты сәйкестілік дегенімен онда аударма тілі мен түпнұсқа тілінің айырмашылықтарынан туындайтын шегінулердің де орын алуы мүмкін екенін ескерген жөн.

Анализ жасау барысында алдымен нақты бір мәтін аудармасының ықтимал жетімді барабарлығын нақтылап алып, содан кейін ғана баламалығын айқындап, яғни теориядағы ықтимал баламалықтан алшақтау деңгейін анықтап алу тиіс. Ондай баламалықтан алшақтаулар яғни баламалықтың сақталмауы аудармашының жеке еркін шешімі, себебі тілдік жүйелердің әртүрлілігінен туындайтын объективті баламалықтың сақталмауын ескермеу мүмкін емес [11,159-б.].

Аталған Туридің тәсілі әриене белгілі бір қызығушылық тудырады. Алайда қарастырылған теориядағы анализ жасау барысы қазіргі күндері нақты дәлелденбеген, яғни практика жүзінде қолдануға болмайды.

1934 жылы Әдеби энциклопедияда басылып шыққан «перевод» атты мақалада А.А.Смирнов барабарлық ұғымына расында да жаңашыл анықұтама берген болатын. Жаңашылдық салдарынан бұл еңбек сол уақытта да, қазіргі кезде де дұрыс бағаланбай қалды. Оның анықтамасында аударманың текстологиялық, коммуникативті және психолингвистикалық аспектілері қамтылған: «біз барабар аударма деп автордың барлық ниеті сақталынған, (автордың зерделі ниеті ғана емес зердесіз (безсознательный) ниетін де сақтау) оқырманға деген эмоционалдылық аспектісі барынша берілген аударманы барабар деп санауымыз қажет» [12, 12-б.].

Барабарлық ұғымына берілген анықтамаларды ескере отырып қысқаша қорытынды жасайық. Барабарлық ұғымына анықтама беру тәсілдері қарастырылған барлық мәліметтерден ортақ белгілерді атап өтуге болады. Ең біріншіден барабарлық аударма процессімен байланысты, екіншіден мазмұнның жоспары сақталуы, мазмұнның жоспары ғана сақталып қоймай түпнұсқаның стилі мен формалары, прагматикалық әсері, коммуникативті мақсаты мен автордың ниеті сақталуы қажет. Алайда бұл категориялар мінсіз емес, себебі барабар аудармада түпнұсқаның сипаттау ерекшелітерін, эстетикасын және автордың құрған атмосферасын сақтау үшін аудармада шегінулер жасауға тура келеді. Барлығын жалпылап келгенде барабарлыққа келесідей анықтама беруге болады: **барабарлық денегеніміз** түпнұсқа тілі мәтініндегі коммуникативті жағдаяттың прагматикалық және стилистикалық аспектілерінің сақталынып аударылған, аударманың динамикалық категориясы деп түсінеміз.

ӘДЕБИЕТ

[1] Федоров А. В. Введение в теорию перевода. - М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. - 336 с.

- [2] Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. - М.: Высшая школа, 1964. - 243 с.
- [3] Миньяр-Белоручев Р. К. Учебное пособие по теории перевода. - М.: Изд-во Военного ин-та, 1976. - 106 с.
- [4] Казакова Т. А. Практические основы перевод. - СПб.: Союз, 2001. - 319 с.
- [5] Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода. Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности. - М.: Наука, 1988. - 34-39 с.
- [6] Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. - М.: Флинта: Наука, 2003. - 318 с.
- [7] Швейцер А. Д. Теория перевода. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. - М.: Наука, 1988. - 215 с.
- [8] Neubert A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung / Grundfragen der Uebersetzungswissenschaft. – Leipzig, 1968. – S. 21 – 33.
- [9] Wilde O. The Picture of Dorian Gray. - Penguin Classics, 2006. -121 p.
- [10] Nord Chr. Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained. - Manchester, UK: St.Jerome Publishing, 1997.- 154 p.
- [11] Toury G. In Search of a Theory of Translation. – Tel-Aviv: Porter Institute, 1980. - 159 p.
- [12] Смирнов А. А. Перевод. Литературная энциклопедия. – Т. 8. – М., 1934.

REFERENCES

- [1] Fedorov A. V. Vvedeniye v teoriyu perevoda. M.: Izd-vo lit. na inostr. yaz., 1953. 336 s. [In Russ.].
- [2] Revzin I. I., Rozentsveyg V. YU. Osnovy obshchego i mashinnogo perevoda. M.: Vysshaya shkola, 1964. 243 s. [in Russ.].
- [3] Min'yar-Beloruhev R. K. Uchebnoye posobiye po teorii perevoda. M.: Izd-vo Voyennogo in-ta, 1976. 106 s. [in Russ.].
- [4] Kazakova T. A. Prakticheskiye osnovy perevod. SPb.: Soyuz, 2001. 319 s. [in Russ.].
- [5] Vannikov Yu. V. Problemy adekvatnosti perevoda. Tipy adekvatnosti, vidy perevoda i perevodcheskoy deyatel'nosti. M.: Nauka, 1988. 34-39 s. [In Russ.].
- [6] Nelyubin L. L. Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'. M.: Flinta: Nauka, 2003. - 318 s. [in Russ.].
- [7] Shveytser A. D. Teoriya perevoda. Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty. M.: Nauka, 1988. 215 s. [in Russ.].
- [8] Neubert A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung / Grundfragen der Uebersetzungswissenschaft. Leipzig, 1968. S. 21 – 33.
- [9] Wilde O. The Picture of Dorian Gray. Penguin Classics, 2006. 121p.
- [10] Nord Chr. Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained. Manchester, UK: St.Jerome Publishing, 1997. 154 p.
- [11] Toury G. In Search of a Theory of Translation. Tel Aviv: Porter Institute, 1980. 159 p.
- [12] Smirnov A.A. Perevod. Literaturnaya entsiklopediya. T. 8. M., 1934. [in Russ.].

**ПУТИ РАССМОТРЕНИЯ ПОНЯТИЯ «АДЕКВАТНОСТЬ»
В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА**

Ермагамбетова А.С., к.филол.н., доцент,
Калиева Ж.Ж., магистр, ст.преподаватель,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, e-mail: zh.kl1992@mail.ru

Ключевые слова: перевод, адекватность, эквивалентность, исходный язык, язык перевода, определение.

Аннотация. В статье рассматривается понятие «адекватность» как один из важных терминов в переводческой науке, а также обсуждается взаимосвязь с термином «эквивалентность». В статье рассматриваются произведения различных ученых, чтобы сравнить данные и рассмотреть различные мнения ученых по этой теме. В целях лучшего понимания различных точек зрения представляется полезным рассмотреть различные точки зрения на эти концепции в свете меняющихся философских предпосылок, на которых они основаны. Сравнивая разные точки зрения были установлены общие черты при определении этого термина и, как результат исследования, дается одно общее определение термину «адекватность».

Статья поступила 16.09.2016 г.

**LINGUACULTURAL ASPECTS OF TRANSLATION
IN A FILM DISCOURSE "TITANIC"**

Toishymanova Zh.R.,
Master, senior teacher,
Chair of Translation and Intercultural Communication,
Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: zh.toish1@mail.ru

Keywords: culture, translation, translator, linguistic and cultural analysis, way of translation, extra linguistic factor

Abstract. This article considers linguoculturological aspect of the translation of a film discourse on material of "Titanic" movie. The translation of a film discourse – the type of translation activity which is extremely demanded at present. This type of a discourse abounds with existence of the cultural marked units as in movies expression of culture is obvious. In this article ways of the translation of various cultural marked units in a film discourse are considered on the example of "Titanic" movie. The author analyzes the translation through a culturological prism. The source and target texts are compared which contain culture-marked words. And also explanations for each concrete example are offered.

УДК 81'25

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА В КИНОДИСКУРСЕ НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «ТИТАНИК»

Тойшиманова Ж.Р., магистр, ст. преподаватель
кафедры перевода и межкультурной коммуникации ФПиФ,
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан
e-mail: zh.toish1@mail.ru

Ключевые слова: культура, перевод, переводчик, лингвокультурологический анализ способа перевода, экстралингвистический фактор.

Аннотация. Данная статья рассматривает лингвокультурологический аспект перевода кинодискурса на материале фильма «Титаник». Перевод кинодискурса – крайне востребованный в данный момент вид переводческой деятельности. Данный вид дискурса изобилует наличием культурно-маркированных единиц, так как именно в фильмах выражение культуры является очевидным. В этой статье рассматриваются способы перевода различных культурно-маркированных единиц в кинодискурсе на примере художественного фильма «Титаник». Автор анализирует перевод через культурологическую призму. В статье сопоставляются исходный и переводной тексты содержащие культураны. А также даются объяснения для каждого конкретного примера.

Трудно представить современную культуру без кинематографа. По мнению Кравченко А.И., «это уникальное культурное явление известно своим стремительным развитием, глобальным распространением и воздействием на зрительскую аудиторию в мировых масштабах [1, с. 155]. Синтезируя достижения литературы, изобразительного искусства, музыки и театра, кино создало новый язык, в котором органично переплелись разнообразные выразительные средства». Особенности перевода сценарий фильмов в настоящий момент является очень востребованным видом переводческой деятельности. В настоящее время огромную долю кинорынка занимает иностранная продукция, прежде всего американские фильмы, поток которых захлестнул наш экран. В кинопрокате лидируют, без сомнения, американские фильмы, а также латиноамериканские и турецкие сериалы, транслируемые в прайм-тайм. Перевод этого огромного количества аудиовизуальной продукции стал предметом критики со стороны многих теоретиков и практиков перевода, которые, как пишет Бархударов Л.С., усматривают три причины низкого качества: сжатые сроки выполнения заказа; низкая оплата труда переводчиков; профессиональная некомпетентность [2, с.147].

Одна из наиболее сложных задач при переводе художественного

текста, согласно Вежбицкой А., - «осуществление полноценной межъязыковой эстетической коммуникации путем интерпретации исходного текста, реализованной в новом тексте на другом языке [3, с 12]. Для успешного выполнения этой задачи переводчику необходимо не только максимально точно передать содержание оригинала, сохранив при этом эмоциональный фон оригинального текста, но и учитывать разные факторы: возраст, менталитет, социальный статус, образованность говорящего, контекстуальные значения фразы, место и время действия и др.

К примеру, рассмотрим некоторые реплики из популярного художественного кинофильма «Титаник».

При переводе реплики из популярного художественного кинофильма «Титаник» культурный и социальный факторы предопределяют переводческие решения:

Таблица 1 – Переводческие решения

Роза: «I don't see what all the fuss is about. It doesn't look any bigger than Mauritania».	«Не понимаю, с чего вся эта шумиха . Он же не больше, чем Мавритания».
--	---

Главная героиня Роза - представительница знати. Переводчик, не принимая во внимание социальный статус, использует слово «шумиха», которое имеет более разговорный, просторечный характер, не свойственный представителям «элиты», вследствие чего данный вариант перевода является не совсем точным. Полагаем, что эквивалент «шумиха» необходимо заменить на более нейтральный: «Не понимаю, к чему столько **разговоров**? По-моему, он не больше Мавритании».

Таблица 2 - Переводческие решения

Джэк: «Who says you get the top bunk?».	«А чо это ты наверх залез?»
---	-----------------------------

Принимая во внимание необразованность, а также низкое социальное положение героя, для перевода переводчик использует разговорные лексик («чо», «залез»), что в данном случае оправданно.

Не только лингвистические факторы, но и экстралингвистические факторы влияют на выбор того или иного варианта перевода. Переводчику необходимо принимать во внимание мимику, обстановку, исторический период времени, отношения между героями и др. Переводчик предлагает следующий вариант перевода реплики героини Молли:

Таблица 3 - Переводческие решения

Молли: «Well, I wasn't about to wait all day for you, sonny . Here, you think you can manage?»	«Я что вечно должна ждать, парень? Держи, если не надорвешься».
---	--

В оригинальном тексте героиня называет носильщика уменьшительно-ласкательным словом «сынок», что говорит о том, что настроена она достаточно доброжелательно по отношению к нему. Кроме того, мимика героини не выражает негативного отношения, а в переводе прослеживается сарказм. Переводчик, по-видимому, не учел экстралингвистический фактор. Предлагаем свой вариант перевода: «Я не собираюсь ждать тебя весь день, **сынок**. Держи, справишься?».

Лингвокультурологический и лингвостилистический анализ текста необходим для выявления идейного содержания, художественных особенностей и правильного восприятия произведения [4, с.55]. Главная цель анализа кинофильма – раскрыть то, что невозможно осознать при обычном восприятии. Лингвокультурологический анализ позволяет постичь глубину чувств, мыслей и эмоций, вложенных автором. Анализ осуществляется на нескольких уровнях: на уровне языковой компетенции, культурологическом, контекстуально-речевом, прагматическом, когнитивном и текстовом. Именно указанные уровни представляют собой алгоритм лингвокультурологического анализа. Перевод приемов, использованных автором, придает тексту на переводящем языке эмоциональность, яркость и выразительность. Выделяют два способа перевода приемов: буквальный перевод или, если это невозможно по каким-либо причинам, создание собственного стилистического средства в переводе, которое обладает аналогичным эмоционально-выразительным эффектом - прием «компенсация». Приведем вариант буквального перевода метафоры из кинофильма.

Таблица 4 - Переводческие решения

Молли Браун: «Well you are about to go into the snake pit ».	«На ужине ты окажешься в настоящем гадюшнике ».
---	--

При переводе метафоры «snake pit» переводчик использовал прием буквального перевода, но в русской речи слово «гадюшник» утратило первоначальное значение (скопление змей) и ассоциируется скорее с грязным, неприятным местом. Поэтому полагаем, что данный перевод метафоры не отражает смысл, который был вложен говорящим. Вариант перевода этой же реплики: «Ты сейчас отправишься **в яму к змеям**», является более адекватным так как, во-первых, в полной мере передает смысловую нагрузку метафоры, во-вторых, данная метафора понятна русскоговорящему реципиенту.

Представители западной и американской культур в разговорной речи часто используют слово «God» в различных ситуациях, будь это радостная новость или не очень например: Oh, my God? или God bless America. В данном случае герой Брок Лаввет выражает удивление:

Таблица 5 - Переводческие решения

Брок Лаввет: «I'll be God damned .»	«Чтоб я сдох .»
---	------------------------

При дословном переводе получилось бы «Я буду проклятым Богом», но такой перевод не является верным и переводчик использовал контекст и ситуацию, при которой данная реплика была использована. Применяя ситуационный перевод переводчик добился адекватного перевода для русскоговорящего реципиента [5, с.98].

В случае следующей реплики: «She's a very old **goddamned** liar» выражение **goddamned** и вовсе было опущено. Следовало бы перевести данное выражение, так как именно оно отражает чувства команды по отношению к Розе. И название города, упомянутое в оригинале **L.A.** было опущено, хотя оно не несет важную смысловую нагрузку.

Таблица 6 - Переводческие решения

Брок Лаввет: «Okay, so she's a very old goddamned liar. I traced her as far back as the 20's... she was working as an actress in L.A.»	«Здорово, получается она очень старая лгунья. Послушай, я уже навел справки об этой женщине. В 20 годах она была актрисой.»
---	---

В ниже приведенном отрывке реплики Джека были использованы несколько культурно-маркированных единиц. Анализируя выражение «**the land o' the free and the home of the real hot-dogs**» мы видим, что перевод был осуществлен дословно и адекватно, выражая именно то, что автор хотел донести.

Таблица 7 - Переводческие решения

Джек: «Goin' home... to the land o' the free and the home of the real hot-dogs! On the TITANIC!! We're ridin' in high style now! We're practically goddamned royalty, ragazzo mio!! »	«Едем домой... В страну свободы и на родину настоящих хот-догов! На «ТИТАНИКЕ»!! Мы теперь не нищие! Мы почти что члены королевской семьи, черт возьми, рагаццо мио!! »
--	---

В предложении «We're practically **goddamned royalty**» словосочетание «**goddamned royalty**» было переведено как «Мы почти что члены королевской семьи, **черт возьми**». В исходном тексте

данное словосочетание выражает, то что Джек недолгоблывает знать, аристократов. Хотя в переводе этот смысл был утерян, но тем не менее добавление «**черт возьми**» частично сглаживает эту потерю. Итальянское словосочетание «**ragazzo mio**» переводчик предпочел не переводить и оставить его на итальянском языке «**рагаццо мио**», что означает «мой друг, дружище», так как Джек обращается к своему другу итальянцу Фабрицио, показывая свои познания в этом языке. По нашему мнению такое решение является верным.

Таблица 8 - Переводческие решения

Джек: «Come on, Fabri! Come on!! It's been grand .»	«Пошли, пошли. Скорее. Прокатимся по высшему классу ».
---	---

В основной части фильма события происходят в начале 20 века, когда слово «**grand**» часто вошло в обиход и выражало «все большое, великолепное, роскошное», так как эта эпоха характеризуется началом научно-технического прогресса, например «Grand Hotel», «Grand Hall» или «Grand Cross». В данном контексте это слово означает «это будет великолепно, так как это огромный и роскошный лайнер». Перевод «Прокатимся по **высшему классу**» не точно выражает весь смысл вложенный в это слово и даже сарказм Джека.

Знать той и ранней эпохи часто говорила на французском языке (наверное, это было модно) и использование каких-то слов на французском в английской речи является естественным. Однако переводчик предпочел перевести это слово как «**в стиле модерн**», кстати, заимствованное из английского языка.

Таблица 9 - Переводческие решения

Роза: «She spies something else, a silver and moonstone art-nouveau brooch .»	«Она заметила еще что-то, серебряную брошь с лунным камнем в стиле модерн .»
---	---

Данный пример является иллюстрацией того, что в английском языке нет категории рода как в русском языке, хотя существуют слова как: «он» и «она» выражающие пол.

Таблица 10 - Переводческие решения

Роза: «Why're ships always bein' called « she »? Is it because men think half the women around have big sterns and should be weighed in tonnage?»	«Почему о кораблях англичане всегда упоминают в женском роде ? Уж не потому ли, что мужчины думают, что половина присутствующих здесь дам имеют большие задницы, и их стоило бы взвесить, чтобы не потопить корабль?»
---	--

В фильме «Титаник» автор часто использовал метафору, как в данном случае. Сравнение характера Розы с пистолетом в оригинале «She's a **pistol**» было переведено тоже метафорой «Она **взрывоопасна**», но другой, хотя они по смыслу одинаковы, с той лишь разницей, что сравнение в переводе было продолжено - «**обезвредить**». Данный пример иллюстрирует компетентность переводчика.

Таблица 11 - Переводческие решения

Молли: «She's a pistol , Cal. You sure you can <i>handle</i> her?»	«Она взрывоопасна , Кэл. Вы уверены, что сможете ее обезвредить ?»
--	--

Делая вывод, можно сказать, что проблемы метода перевода рассматриваются по-разному, существуют несовпадающие мнения по поводу самого выбора способа перевода, существует множество классификаций, основных и дополнительных. И мы не можем сказать, что это неправильно: однозначного, стандартного решения здесь быть не может. При переводе культурно-маркированных единиц, принимая во внимание лингвокультурологический аспект кинодискурса, в разных ситуациях требуется соответствующий подход. Вот почему переводчик должен быть человеком, способным почувствовать обычаи, культуру другого народа, страны и передать чужую мысль так же насыщенно и красочно, как это было сделано автором, но используя всю красоту и выразительность своего родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Кравченко А.И. Культурология: Словарь. - М.: Академический проект, 2004. - 671 с.

[2] Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. - М.: Меж. отношения, 1975. - 239 с.

[3] Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.

[4] Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Реалии в языке и культуре. – М.: Высшая школа, 1988. – 292 с.

[5] Культурология: Хрестоматия / Сост. проф. П.С. Гуревич. - М.: Гардарики, 2005. – 592 с.

REREFENCES

[1] Kravchenko A.I. Kulturologia: Slovar. M.: Akademicheskii proekt, 2004. 671 s. [in Russ.].

[2] Barhudarov L.S. Yazyk I perevod. M.: Mezhdnoshenia, 1975. 239 s. [in Russ.].

[3] Vezhbitskaya A. Aopostovlenie kultur cherez posredstvo leksiki I pragmatiki. M.: Yazyki slovyanskoi kultury, 2001. 272 s. [in Russ.].

[4] Tomahin G.D. Realii-amerikanizmy. PRealii v yazyke I kulture. M.: Vysshaya shkola, 1988. 292 s. [in Russ.].

[5] Kulturologia: Hrestomatia / Sost. prof. P.S.Gurevich. M.: Gardariki, 2005. 592 s. [in Russ.].

«ТИТАНИК» ФИЛЬМНІҢ МАТЕРИАЛЫ НЕГІЗІНДЕ КИНОДИСКУРС АУДАРМАСЫНЫҢ ЛИНГВОМӘДЕНИ АСПЕКТІСІ

Тойшиманова Ж.Р.,

магистр, аға оқушы,

аударма және мәдениетаралық коммуникация кафедрасы,

Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ,

Алматы, Қазақстан, e-mail: zh.toish1@mail.ru

Тірек сөздер: мәдениет, аударма, аудармашы, лингвомәдени талдау, аударма тәсілі, экстралингвистикалық фактор

Андатпа. Бұл мақала «Титаник» фильмнің материалы негізінде кинодискурс аудармасының лингвомәдени аспектісі қарастылылады. Кинодискурс аудармасы қазіргі таңдағы ең сұраулы аударма түрлерінің бірі. Осы дискурс түрінде мәдени тұрғыдан белгіленген сөздер мәдени таңбаланған көптеп кездеседі, себебі фильмде ұлттың мәдениетін айқын көрсетеді. Осы мақалада «Титаник» фильмнің материалы негізінде мәдени белгіленген сөздердің аудару тәсілдері анықталады. Автор аударманы мәдениет көзқарасынан зерттейді. Мақалада мәдени таңбаланған сөздері бар түпнұсқа мәтін мен оның аудармасы салыстырылды. Сонымен қатар барлық мысалдарға түсіндірме берілген.

Статья поступила 22.09.2016 г.

3 - Бөлім
ӘДЕБИЕТТАНУ: ДӘСТҮР МЕН ЖАҢАШЫЛДЫҚ

Раздел 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Section 3
LITERARY STUDIES: TRADITION AND MODERNITY

UDC 82.091

**SEMANTICS, STRUCTURE AND FUNCTIONS OF CULTURAL CODES OF
CONTEMPORARY KAZAKH LITERATURE**

Altybayeva S.M.,

Dr. of Philology, an associate professor,
Chair of Oral professional translation of the Kazakh-Russian languages,
Ablai Khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: asm2007@mail.ru

Keywords: historical and cultural codes, narratology, Kazakh literature, event, narrator, documentary and quasi-documentary narratives.

Abstract. The modern theory of narrative widely considers the problem of narrative strategies, selection and modeling of a plot, an outline of events, a compositional structure, a system of the characters. In the theory of narratology an aspects of the correlation between a narrator, a characters and an author have important meaning. Such specific narrative function of historical and cultural discourse as a representation and artistic interpretation of large-scale historical events or a single event, reactualization of intangible cultural heritage of the Kazakh people are determined. The purpose of such artistic strategies is to recreate the true history of the Kazakh people. Questions of art encoding / decoding of ethnocultural concepts, character concepts, ethnic stereotypes, their deep philosophical and ontological meaning in the context of a literary work are considered.

In this paper we made an attempt to determine the content and operation of historical and cultural codes in Kazakh literature in terms of narratology. Kazakh literature as a special form of national consciousness encompasses numerous historical and cultural codes enshrined in oral and written traditions. Therefore, their review in the context of a narrative text (in this case a historical novel) to us seems interesting and relevant. We are interested in getting an answer to the question: what is the role of

historical and cultural codes in narratological reading of a literary text, its narratological interpretation.

In our report, we tried to combine at least three scientific approaches:

1. to classical narratology and its sources (in particular, W. Schmid, the Tartu–Moscow School of Yu. M. Lotman),
2. to post-classical narratology, its sub-sectors - cultural-historical narratology (in particular, Biwu Shang indicates to this sub-sector) [1];
3. to traditional literary studies, including the analysis of specifics of the plot, the characters system, composition, myth poetics, genre, style and methods of the historical novel *Sakie (Sakie – in Rus.)* by B. Zhandarbekov.

Let's start with what we mean by a cultural code in the context of a literary work. A cultural code is included in the conceptual interdisciplinary field of scientific research. It has a wide range of scientific connotations: from traditional structuralism, semiotics to modern philosophical-cultural and even futurological interpretations. Fundamental interpretations of a “cultural code” as a sign, “message”, “explosion” are presented in the papers on structuralism poetics and semiotics by R. Barthes, E. Cassirer, R.O. Jacobson, U. Eco, J. Derrida, V.B. Shklovsky, Yu. M. Lotman and others. All subsequent research about code is based on the fundamental works of these scholars one way or another.

So, one of the modern definitions is as follows: “A code is a single system of recording, storing and transmitting information. Cultural codes are used to encode cultural meanings-ideational constructs that are informational, emotional, expressive content of cultural objects. /... / a cultural code is a set of basic concepts, norms, attitudes, etc., necessary for reading texts of culture” [2, p.7-8]. For us it is important to realize a historical and cultural code as a “sign”, “trace”, “echo” of national and different national material and spiritual culture, word relation traditions in a literary text. E.A. Tsurganova notes that a “sign” has turned into a “trace” that is different from the sign in that it “has no communication with the signified something, which always appears delayed, deferred “for the future” and never in any way presents itself. This is a trace of other signs in this sign, not a trace of the signified in the signifier. “Traces” testify of the universal “vanished reality” problem of modern culture [3].

In the context of a literary work, especially a historical novel, “disappeared reality” is expressed through the introduction of iconic, authoritative for the history and the culture of the people, «ethnic stereotypes», “the character concepts” [4], history sophemas, mythologems, symbols, description of historical events in their linear and/or retrospective representation. The

named elements of poetics may possess a value of the cultural code and perform the appropriate functions.

The complex of cultural codes of contemporary Kazakh literature includes:

- historical-cultural and ethno-cultural codes (codes of national history, material and spiritual culture);
- common cultural and civilizational codes (“steppe civilization”, “steppe knowledge”, the phenomenon of nomadism);
- artistic codes of contemporary Kazakh literature themselves (free adaptation, interpretation and artistic treatment of classical myths, folklore fragments, creation of authorial mythologies and their linkages (new mythology) [5].

Typically, **these types of cultural codes in a literary text interact**, as they play a major role in shaping its outline of events, building a system of artistic images, the specifics of the narrative.

Historical and cultural problems underlying the historical narrative include questions of adequate reflection of the ethnic culture, the specifics of religious cults, life, manners and customs, symbols and many other issues. These issues are included in the conceptual field of historical narrative, in a broader sense - in the national image of the world of different people. Historical and cultural codes, addressed to the genetic memory of the recipient, his subconscious mechanisms contribute to building the actual historical narrative.

We give the following definition: **“a historical and cultural code in literary text is a tool for storage and successive transmission of important information about the history and culture of a particular ethnos, ethnic group of a specific region”**. In other words, historical and cultural codes are “signs of history and culture” that directly or indirectly reflect the outlook, world perception of a nation. In our case named signs reflect the outlook of the Kazakh people that has a millennial history.

One can identify some **narrative functions** of a Kazakh historical novel:

2.1. panoramic artistic representation, interpretation and reinterpretation of famous historical events;

2.2. «point» image of an individual event, determination of its philosophical and ontological orientation;

2.3. reactualization of a intangible and material cultural heritage through a return of written, architectural, folklore and other sources, significant for the national culture [6].

If we take as a basis the idea of Wolf Schmid of events (occurrences) as “fictional material, serving for narrative processing” [7], a virtually unlimited vast array of documentarily, in writing or orally (for example, in the Kazakh heroic epic tales), recorded historical events-occurrences becomes such a material for the author. In this case the key figure of an implicit narrator may be hidden, veiled or erased. The actual content of the national history, separate fragments of which form the basis of a work, in different historical and graphical sources can be interpreted in different ways. The question arises of the validity/invalidity of selected and narrated elements, but more importantly - how aesthetically justified their inclusion in the narrative fictional text is. Reflected on and enshrined in the historiographical writings many (but not all) historical events, organized in a special “semantic line” [7, p.29], in a fictional work acquire prominence, relevance and even credibility, for, in addition to the informative function, the true fictional work has a large “power of aesthetic impact” [8].

Through the historical (historical and cultural), documentary or quasi-documentary narratives, embedded in a literary text, a kind of “information sealing” occurs [8], its compaction through a system of cultural codes, ethnic concepts and universals. For the denser a certain substance is, especially historical information, the stronger the incidence is, including aesthetic effect on the recipient.

In this regard, it is also appropriate to cite Yu. M. Lotman that “a historian is doomed to deal with texts. Between an event “as it happened” and a historian a text stands, and it radically changes the scientific situation. A text is always created by someone with a purpose, the event appears in it in an encrypted state. A historian will first of all act as an interpreter. For him a fact is not a starting point, but a result of hard efforts. He creates facts himself, trying to extract extra-textual reality from the text, from the story of the event - the event “ [8]. For a writer who works in the historical genre, narrative field can be limited only by the measure of his knowledge, erudition and talent. Historical, cultural and ethnological informative value of such narrative, same as its communicative possibilities, are exhaustive.

Historical and cultural codes as a basis for art-historical narratives exist at different levels of prose work: in fact event-driven, system of images, motifs, symbols, space-time and others. They may reflect the implicitly existing artistic picture of the narrator world (of even several narrators), their cultural level, their national image of the world, a system of psychological and behavioral patterns of a particular ethnic group representatives, as well as universal philosophical meanings and more.

If cultural codes as a system of some encrypted signals are implicit in the text, the narrator acts as a mechanism authorized for their decoding through subjective interpretation, understanding, and sometimes direct or indirect explanations in the text. For example, in historical narratives (novels, novellas, short stories, essays and other genres) descriptive elements in a form of various descriptions occupy a large text space. They contribute to the formation of so-called documentary and quasi- documentary of narrative works. Documentary and quasi-documentary narratives confirm or refute a particular point of view of the narrator and/or a character.

Documentary narrative - a factual material, directly (citation) or indirectly (allusively) presented in a literary text, which tells about the historical events, personalities, and is recorded in historiography, ethnological, archaeological, statistical, archival, folklore and other sources, including the developed descriptive elements.

Quasi-documentary narrative – purely fictional texts, different descriptions and other informative narratives about events **submitted** (issued) **by the narrator** or the narrators **as realistic** documents, reliable facts, but named elements are not realistic and reliable.

Questions of the reliability or unreliability of the narrative are widely seen in the writings of scholars such as Wayne C. Booth [9], James Phelan [10] and others. Biwu Shang gives an interesting and detailed analysis of the different points of view on this issue. He distinguishes two approaches: “Generally speaking, there are two major approaches to unreliable narration: the dominant rhetorical approach represented by Wayne C. Booth (1961) and James Phelan (2005, 2007a), and the newly arising cognitive or constructive approach developed by Tamar Yacobi (1981, 1987, 2000, 2001, 2005), Ansgar Nünning (1997, 1999, 2005), and Vera Nünning (2004). In Dan Shen and Dejin Xu’s (2007) view, these are the “two contrasting approaches” [1]. The fact is that in the contrast or the exclusiveness of the two approaches lies the possibility as well as the necessity for these “contrasting approaches to complement each other for their respective strengths and weaknesses [1, p. 135].

In our opinion, such an approach to the creation of a quasi-documentary narrative, for example, is shown in the so-called disaster movies, science fiction films, literary works of adventure, fantasy, detective genres on historical topics. For example, in the adventure novel *The Diamonds Thieves (Pokhiteteli brilliantov – in Rus.)* by a XIX century French writer Louis Boussenard information on the geographical location, demographic, landscape features, flora and fauna of South Africa is provided in terms of the available at the time (often inaccurate) information about the continent [11].

The purpose and the function of a quasi-documentary narrative in a historical works structure is an additional resource in creating an impression of authenticity and reality of events. In a particular literary text two tagged types of a narrative can usually overlap, interact, complement the main storylines.

There are many modern Kazakh historical novels: *Daraboz* by Kabdesh Zhumadilov, *The Fall of Otrar* by Hasen Adibaev, *Ak Boz yu* (“White yurt”) by Smagu IElubay, *XX Century* by Sabit Dosanov, *Sean bi* by Kalmukan Isabaev, *Shackan-Sherry*, *Kypshak aruy* by Mukhtar Magauin and others. Despite significant differences in style, language, choice of the topic itself unites these authors’ desire for deep philosophical understanding of millennial national history, its iconic events and persons. For the history of the Kazakh people is directly related to problems of state formation and ethnic identity. It is this thesis that underlies the majority of Kazakh historical literary narratives. One of the most interesting novels about the ancient history of Kazakhstan is a historical novel *Sakie* by Bulat Zhandarbekov [12].

Let’s consider the content and narrative functions of a historical and cultural code - “character concept” Tomiris in a historical novel *Sakie* by Bulat Zhandarbekov [4]. The history of the Kazakh people is directly related to issues of state formation and ethnic identity. In the novel *Sakie* the author faced a very difficult task - to show the origins of the Kazakh state, the formation of the national mentality, culture and spirituality through artistic means to the fullest limits [12].

The phenomenal image of the Sakie’s Queen Tomiris (Tumar – in Kazakh tradition), who had defeated the Persian “king of kings” Cyrus, is an important concept of ethnically oriented ancient history of Kazakhstan. Its receptive-associative field is wide enough: in the perception of the Kazakh reader Tomiris is an intelligent, visionary, brave, beautiful, fearless queen of Sakie, who are the ancestors of today’s Kazakhs. Tomiris is the central image of the novel by Zhandarbekov. This historical code forms the documentary and quasi-documentary narrative of the work. The main battle scenes, the story of uniting the Sakie’s tribes, describing of life, crafts, customs and rituals are associated with the image of Tomiris. A significant part of the story in the novel *Sakie* is given through perception of Tomiris, appearing, in our opinion, as the “secondary narrator” (according to the terminology of W. Schmid).

If we talk about the central concept of an ethnically oriented novel, it is certainly masterfully shown in the novel historysophema “Sakie”. It is known that the Sakie inhabited the space, a large part of which falls on

the land of modern Kazakhstan. The fact of “establishing genetic bonds of the Kazakh society with its predecessors - the ancient Sakie, Usuns” is documented by “preservation of archaeologically traceable anthropological type, elements of material culture, art and crafts of their ancestors by the Kazakhs [13, p. 7]. On the basis of palaeoanthropological and craniological studies a continuity of anthropological type in Kazakhstan during three millennia” has been established [13, p. 7]. S. Akatayev notes that “even in the depths of ancient Kazakhstan, in the millennial history of pastoral-nomadic tribes a “model” of a particular basis for the future of the Kazakh nomadic society was created, the foundation of its material and spiritual culture” [14, p.5]. Fictional decoding of the specified model of the ancient Sakie’s society, understanding the principles of its organization and management is the important content of the analyzed work. Historical sophema “Sakie” as the main implicit historical and cultural code forms the novel’s documentary narrative.

The concept’s sphere of a novel include significant concepts and mythologems: *akinak*, *fire*, *tamga*, *war cry (uran – in Kaz.)*, *tulpar*, *dombra*, *Croesus* and many others. Named elements carry out function of historical and cultural codes forming the novel’s documentary and quasi-documentary narratives. These concepts reflecting the specific outlook and world order of the Sakie give the work the required text elasticity, rhythmization. For example, the worship of fire is an important component of ethnic consciousness of nomads. B. Zhandarbekov includes special scenes of rituals - cleansing with fire, referring to the fire, which are conducted by Tomiris with the elders before the decisive battle with the forces of Cyrus. The national and cultural concept “tamga” is also determined with the specific vision of the world and husbandry of the Sakie-nomads: “Substrate of ancient Turkic writing - tamgabyl - is generated with the economic basis specifics: spatial mobility as a subject (nomadic pastoralists) and the working object - cattle, which strongly required the presence of the membership and ownership sign. This conclusion is important for highlighting the entire cultural life of nomads. Tamga is the basis of the local alphabet, as an emblem of a clan or a tribe, their symbolism, often a fictional one, passes through the long history of the steppe, while maintaining its shape and semantics / ... / This once again demonstrates the distinctive development of writing and the whole culture of ancient Kazakhstan, in which local social environment dominated” [14, p. 22-23]. From a symbol of a tribe, identifying a Sakie, “tamga” evolved into a unique ethno-cultural concept, the archetypal nomadic element of consciousness which is reflected in the mentality of the modern Kazakhs.

The events of the world history selected by the author are the basis of the documentary and quasi-documentary narrative of this text. In the center of the narration dilogy *Sakie (Sakie – in Rus.)* are lied historical events of the VI century BC, known in the world of science. Through large strokes, in a panoramic historical and cultural perspective, the history of creation and development of a powerful nomadic Union, which united many of the Sakie tribes, is represented: the Massagetaes, the Tigrauhads, the Skolots, the Derbiks, the Alans, the Tokhars, the Abiys and others. At the same time the story tells of a pitched battle between the Sakie tribes, led by Queen Tomiris, and united Persian forces led by kings Cyrus and Darius. Both wars ended in victory for the Sakie and a crushing defeat of the Persians, who sought to enslave the proud Sakie tribes. The epic space of the dilogy retrospectively covers, in addition to detailed descriptions of many of the Sakie tribes, all the major oecumenes of Ancient Near East: the countries of Western Asia and the Silver Crescent (Media, Assyria, Babylon, Lydia, Persia, Egypt, Judea and many others).

In addition to an exceptionally rich fictional eventfulness the abundance of ethnographic, geographical, biographical data, philosophical digressions, comments of an implicit narrator (we will call him a “narrator behind the scenes”) on various issues of ethics and morality of ancient Steppe and East societies should be noted. Informative layer forms a description of multiple gods, mythical personalities, sacred beings, description of rituals, rites, beliefs, legends of various people: Sakie, Babylonians, Medes, Egyptians, Persians, Greeks and others. Dramatic differences in ethics, psychology, systems of management, law, inheritance between settled, mainly slave-owning East and nomadic steppe tribes. These details are important to form a “situation of telling”, important for a descriptive framework of the novel.

Among the selected narrative material of the dilogy *Sakie(Saki)* stand apart, for example, mythological personalities who have acquired the status of “character concepts” [4, p.20-21]. They can be divided basically into proto-Turk personalities (Ishpakay, Madiy, Partatua, Tomiris, Spargapis, Rustam and others) and the personalities of Ancient Near East, included in the arsenal of the underlying archetypes of world history and culture (Cyrus, Nebuchadnezzar, Belshazzar, Homer, Croesus, Pharaoh Psamptih and many others). These are acting characters, each of which is allocated in a certain space of text, each of which is directly or indirectly linked to many other characters, each of which structures the special “non-textual reality”, close in nature to the one that is created by a scientist-historian, what Yu. M. Lotman wrote about.

“Non-textual reality” in a Kazakh novel may include different descriptions of life, ancient steppe and east urban culture, ethnic psychotype of personalities, semantic and synesthesia associations, allusions, reminiscences, links to other images and stories. Thus, the image of Lydian King Croesus, implemented in the narrative, instantly evokes the “as rich as Croesus” metaphor in the reader’s mind. In the Kazakh novel Croesus is reported of more ironic connotations: “King of Lydia Croesus, who according to ancient authors, was famous not only for his wealth, but also for wisdom, to his misfortune turned out to be a blind slave of superstitions, just like Astyages. He did not make a single step without getting a safe prediction from priests, oracles, soothsayers and fortune-tellers. The fact is that he was predicted a terrible fate one hundred twenty five years before his accession to the throne of Lydia, and the fear in this man beat his wisdom praised by contemporaries” [12, p.150]. This character will appear more than once in the novel, as his fate is intertwined with the fate of the central hero antagonist - Achaemenidian Cyrus, an advisor (but actually a high-ranking servant) of which the defeated Lydian king will become. Introduction of such comments of an implicit narrator often bears not so much informative as ironic conditionally reflective function (the fate of Croesus and metamorphosis of being: who was all, became no one).

R. Barth noted that “the language of narrative texts is highly synthetical due to the technique of coverage and inclusion present in it; each point of the story sets the multiple semantic coordinates” [15]. In the analyzed novel the mechanisms of “coverage and inclusion” of a lot of events and characters of a different nationalities and national history become significant characteristics of its documentary and quasi- documentary narratives.

Bulat Zhandarbekov, in our view, managed to pass not only a chain of interrelated historical events of a particular period, but the very atmosphere of prehistory, preparation and realization of the legendary battle (event) through the introduction of broadband colorful descriptions of religious, magical, ceremonial activities, rites, travelling life, features and differences in military strategy and tactics of the Sakie and Persians, weapons, clothing, behavior, specificity of urban development, management in the Steppe and eastern states. Permanent trade, military, diplomatic and other ties between the two world spaces (Steppe and East) are pointed out, which stresses not the absolute isolation of them from each other, but certain integration communicative processes between the Steppe and neighboring states, recorded in separate oral and written sources.

These “meta-narrative notes” (exegesis) lie harmoniously in the outline of events in the novel [7, p. 31]. It should be noted that the meta-narrative notes, various explanations, descriptions, comments, lyrical digressions of a “narrator behind the scenes” as a distinctive genre-style feature of the modern Kazakh historical prose reflect a national epic tradition, its dominant philosophical and poetic tone. A kind of “stretching” of the portrayed occurs, “an ideological, estimated point of view of the narrator is performed” and “the stretched episodes are more important than the compressed ones” [7, p. 32]. For us, this thesis by Schmid is interesting because in the Kazakh historical novel’s narrative the use of “compression/stretching the image” technique is one of the structure-forming elements of poetics and formation of the work’s sphere of concepts.

Consequently an issue of goal-setting and functional orientation of developed mythological (mythologized) segment in the narrative resources of the considered novel is becoming actual. The analysis shows that the inclusion of mythologies into narration, mythical plot of different ethnic orientation significantly “stretches” the events depicted. An implicit narrator manages to recreate, reconstruct an extremely remote in time ancient world of East and Asia (VI century BC) through selected by him out of an unlimited mass of historiographical information, personalities, “events, situations, people and actions of their properties” (according to generative model of the narrative institutionalization by W. Schmid) [7, p. 27]. In other words, the implicit narrator in the Kazakh novel under review performs a function of a “code breaker” of the depicted era, its historical, ethnic, cultural and ideological codes.

“A narrator behind the scenes” sets a great spatial-temporal extent of the novel: preceding events ↔ narrated event ↔ next, future, presumably, in a speculative sense, events. S.A. Kaskabasov, highlighting a certain “normalization of the Kazakh folklore” [16, p.41], proves interesting and in terms of narratology conclusions about the nature of eventfulness and the overall plot structure of the Kazakh epos: “An epic plot is a chain of events set out consistently, and events are various adventures of the hero during the journey, the challenges he faces ... The plot develops not on the basis of internal contradictions, but by contamination of different motives and adverse situations, which allows to interrupt it in any place or to continue on” [16, p. 40].

Apparently, the purpose of such an artistic representation is to recreate a historical background, the atmosphere in which the narrated story is being created and at the same time to reflect in the panoramic historical

and cultural retrospective the movement itself of civilizational processes of the ancient East and Asia, an important role in which was played by wild steppe outlaws of Sakie tribes. From the very first pages of the novel that retrospectively represent the history of the mighty Union of Sakie tribes for many years before the event, the reader as if plunges into the infinity of steppe opens, equal to unbridled ambitions of chiefs.

Thus a historical and cultural codes *Tomiris*, *tamga*, *Sakie* and many others are correlated with an important philosophical and civilizational cultural code - “*Steppe civilization*”.

In our article we gave presented a kind of experience of narrative reading and theoretical justification of content, functioning of historical and cultural codes in a fictional text. Historical and cultural codes are widely represented in the Kazakh literary works on historical topics. Having direct ethno cultural content the specified codes aim to recreate the true history of the Kazakh people, the preservation of continuity between generations, showing a deep fusion of tradition and innovation.

Generally speaking, historical and cultural codes are direct or indirect “engines” of events, narrated stories, “creators” of its descriptive framework. They lie at the heart of an artistic historical narrative. The methodological approach, presented in this report, to understanding of a fictional historical narrative through historical and cultural and other cultural codes implicitly present in it, seems promising and relevant to us. “Character Concepts” act as historical and cultural codes that reveal the multidimensional structure of contemporary fictional historical narrative, its ethno-cultural, historical, philosophical sense.

Inclusion of a documentary and quasi-documentary narratives aims to create the impression of a maximum reliability, the likelihood of events, which are narrated in the work, ultimately, to submerge the reader into the complex, ambiguously interpreted, often taboo, the world of national and world history.

The author of the famous book “Narrative Logic” F. Ankersmit believes that the term “narrative” must be assigned primarily to historiographic description of events, the closest to a narrative is a novel and, of course, a historical novel [17]. Hence the opportunity to apply some of the narratological analysis techniques to Kazakh historical narrative (here – novel *Sakie* (*Saki – in Rus.*) by B. Zhandarbekov) arises. Phenomena of a documentary and quasi-documentary narratives in the structure of a contemporary fictional prose reflects, in addition to performing their aesthetic functions of construction of the original text and the “extra-textual” reality,

a writers' desire to larger and panoramic philosophical and ideological generalizations. In conclusion, I want to note that a large-scale fictional reconstruction of the national history and culture, the process of thinking and rethinking famous historical stories, myths, legends, tales playing become a mainstream direction of modern Kazakh prose [18]. Reading these texts through identifying and decryption of historical and cultural codes in terms of narratology seems to us an interesting and productive direction for further research.

REFERENCES

- [1] Shang B. Plurality and Complementarity of Postclassical Narratologies. *Journal of Cambridge Studies*, 2011. Vol. 6. № 2-3. P. 131-147.
- [2] Svirepo O.A. Metafora kak kod kultury. Dissertatsia. Rostov-na-Donu, 2002 [in Russ.].
- [3] Tsurganova E.A. Novatsii zarubezhnogo literaturovedeniya v XX veke / Nauka o literature v XX veke (Istoria, metodologia, literaturnyiprotsess). Moskva, 2001 [in Russ.].
- [4] Volodina N.V. Koncepty, universalii, stereotypy v sphere literaturovedeniya. Moskva: Flinta, 2010 [in Russ.].
- [5] Altybayeva S. Neomifologizm sovremennoi kazahskoi prozy: polikul'tural'nyi diskurs i poisk khudozhestvennoi perspektivy. *RESPECTUS PHILOLOGICUS*. 2011. N. 20 (25). p. 27-39. [in Russ.].
- [6] Altybayeva S. Narrativnye modeli sovremennogo kazakhskogo istoricheskogo romana/ *RESPECTUS PHILOLOGICUS*. 2012. № 22 (27). P.57-69 [in Russ.].
- [7] Schmid W. Narrativnye urovni "sobytiya", "istoriya", "narratsiya" i "prezentatsiya narratsii". In: *Tekst. Intertekst. Kultura*. Moskva: Azbukovnik, 2001. S. 25-40 [in Russ.].
- [8] Lotman U.M. Semiosfera. Retrieved from URL: <http://members.fortunecity.com/slavaaa/ya.html>. Accessed 23.09. 2016 [in Russ.].
- [9] Booth Wayne C. The Rhetoric of Fiction. Second edition. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
- [10] Phelan J. Living to Tell About It: A Rhetoric and Ethics of Character Narration. Ithaca: Cornell University Press. 2005.
- [11] Bussenar L. Pokhiteteli brilliantov. Alma-Ata: Kainar. 1982 [in Russ.].
- [12] Zhandarbekov B. Sakie. Istoricheskii roman dilogiya. Almaty: Zhazushy, 1993 [in Russ.].
- [13] Dzhanibekov U. Eho... Po sledam legendy o zolotoi dombre. Alma-Ata: Oner. 1990 [in Russ.].
- [14] Akatayev S. O spetsifike kultury kocheviya. M.Auezov (Ed.). Kochevniki. Estetika: Poznanie mira traditsionnym kazakhskim iskusstvom. Almaty: Gylym, 1993 [in Russ.].
- [15] Bart R. Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatelnykh tekstov. Retrieved from URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bart/index.php. Accessed 25.8.2016 [in Russ.].
- [16] Kaskabasov S.A. Kazahskaya neskazochnaya proza. Alma-Ata: Nauka. 1990 [in Russ.].
- [17] Ankersmit F. Narrativnaya logika. Semanticheskii analiz yazyka istorikov. Moskva, 2003 [in Russ.].
- [18] Altybayeva S. Kazahskaya prosa perioda nezavisimosti: traditsiya, novatorstvo, perspektivy. Almaty, 2009 [in Russ.].

ЗАМАНАУИ ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІНІҢ МӘДЕНИ КОДТАРЫНЫҢ СЕМАНТИКАСЫ, ҚҰРЫЛЫМЫ ЖӘНЕ ҚЫЗМЕТІ

Алтыбаева С.М., филол.ғ.д., доцент,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан
e-mail: asm2007@mail.ru

Тірек сөздер: нарратология, тарихи және мәдени кодтары, қазақ әдебиет, уақиға, баяндаушы, дерек және квазидеректі нарративтер.

Аңдатпа. Баяндау заманауи теориясы баяндау стратегиясын, сюжет желісін модельдеу мен тандауды, композициялық құрылымын, символдар жүйесін, оқиғаның бірізділігін терең зерттеуде.

Нарратология теориясы бойынша әңгімелеуші мен кейіпкер және автор арақатынастылығы басты мәселе болып табылады. Кең көлемдегі тарихи оқиғалар немесе бір ғана оқиғаның берілуі мен көркемдік жеткізілуінің желісінің белгілі қызметі, қазақ халқының материалды емес мәдени мұрасы қайта өзектілендірілуі мәселелері анықталынады. Мұндай көркемдік стратегиялар мақсаты қазақ халқы тарихының ақиқатын қалпына келтіру болып табылады. Әдеби шығарма аясында әдеби этномәдени концептілерді, кейіпкер концептісін, эностереотиптер мен олардың терең философиялық онтологиялық мағыналарын кодтау/декодтау мәселелері қарастырылады.

СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алтыбаева С.М., д.филол.н., доцент,
кафедра устного профессионального перевода казахско-русского языков,
КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, e-mail: asm2007@mail.ru

Ключевые слова: нарратология, историко-культурные коды, казахская литература, событие, нарратор, документальный и квазидокументальный нарративы.

Аннотация. Современная теория повествования широко рассматривает проблему повествовательной стратегии, выбора и моделирования сюжета, композиционной структуры, системы символов, последовательности событий. В теории нарратологии важное значение имеют аспекты корреляции между рассказчиком, персонажами и автором. Определяются такие конкретные сюжетные функции исторического и культурного дискурса, как представление и художественная интерпретация масштабных исторических событий или одного события, реактуализация нематериального культурного наследия казахского народа. Цель подобных художественных стратегий заключается в том, чтобы воссоздать истинную историю казахского народа. Рассматриваются вопросы художественного кодирования / декодирования этнокультурных концептов, персонажных концептов, этностереотипов, их глубоких философских и онтологических смыслов в контексте литературного произведения.

Статья поступила 17.09. 2016 г.

**CATEGORY OF LITERARY TIME
IN THE SHORT STORIES BY O. HENRY**

Davydyuk Yu.B., Ph.D.,
an associate professor, Chair of foreign languages,
Khmelnitsky National University, Khmelnytsky, Ukraine
e-mail: canada82@mail.ru

Keywords: category, literary time, chronotope, chronotype, model, time axis, O. Henry's short stories.

Abstract. This article examines the category of literary time in the short stories by O. Henry. The article shows the main characteristics of literary time and presents the main differences between literary and real time. Description of literary time is viewed through special terms, such as chronotope and chronotype. Special attention is given to the term chronotype, which has certain varieties related to the narrator position on the time axis, the number of time axes and literary time properties. Five basic models of literary time are identified and analyzed in O. Henry's short stories.

УДК 811.111

**КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ
В НОВЕЛЛИСТИКЕ О.ГЕНРИ**

Давидюк Ю.Б., к.филол.н.,
доцент кафедры иностранных языков
Хмельницкого национального университета,
Хмельницкий, Украина, e-mail: canada82@mail.ru

Ключевые слова: категория, художественное время, хронотоп, хронотип, модель, временная ось, рассказы О.Генри.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию категории художественного времени в новеллистике О.Генри. В статье рассмотрены основные характеристики и свойства художественного времени, а также представлены основные отличия художественного времени от времени реального. Описание художественного времени рассмотрено в таких специальных терминах, как хронотоп и хронотип. Особое внимание уделяется термину хронотип, который имеет определенные разновидности, связанные с позицией рассказчика на оси времени, количеством этих осей и свойствами художественного времени. Выделены пять основных моделей реализации художественного времени в художественном произведении, проанализированы на примере рассказов О.Генри.

Время - это сложный бытийный компонент современной культуры и коммуникации, постижение которого остаётся для человечества тайной, поскольку данное понятие имеет многовековую спорную историю своего развития. Категорию времени признавали одной из феноменологических сущностей Вселенной такие ученые, как

Аристотель (количество движения относительно предыдущего и последующего), Платон (подвижной образ вечности), И. Кант (форма внутреннего ощущения, то есть созерцание нас и нашего внутреннего состояния), И. Ньютон (теория времени) [1]. На сегодняшний день время является предметом изучения многих естественных, технических и гуманитарных наук: астрономии, физики, биологии, истории и многих других. Именно сквозь призму времени, человечество воспринимает всё сущее на земле. Как справедливо отмечал Шопенгауэр: «Мир невозможен без времени, но и время невозможно без мира» [2].

Если рассматривать время с лингвистической точки зрения, то оно изучается как текстовая категория, присущая многим художественным текстам. В современной филологической науке время интерпретируется в понятиях грамматического и художественного времени, а также в категории темпоральности [3, с. 3]. Поскольку материалом нашей статьи являются рассказы О.Генри, мы будем рассматривать категорию времени именно в аспекте художественности.

Итак, в контексте художественного произведения мы отталкиваемся от понятия того художественного мира, который изображается писателем в художественном произведении и рассматривается им в том или ином художественном времени. Таким образом, категория художественного времени – это неотъемлемый элемент художественного изображения мира, форма существования сюжета и категория развития действия. Многие исследователи художественного времени такие, как И.Р. Гальперин, Т.М. Голосова, Н.С. Гошилик, Г.А. Золотова, Н.И. Панасенко, З.Я. Тураева и др. [1; 3-10] считают, что художественное время – это одновременно и репрезентация реального времени в разном объеме, масштабе и с разных точек зрения, и аспект художественно-изображенной действительности, и конструктивный элемент текста.

Согласно З.Я. Тураевой, художественное время является немаркированным членом бинарной оппозиции реальное время: художественное время и имеет определенные признаки такие, как: 1) одномерность и многомерность – развитие одного или многих (перекрещенных или параллельных) сюжетных линий художественного произведения; 2) непрерывность и прерывность – художественное время может выступать как единый поток событий в произведении и как расчлененный поток времени на отдельные фазы, эпизоды и

события; 3) динамичность и статичность – художественное время является не только динамичным, но и может быть остановленным «рукой мастера в произведении»; 4) необратимость и возвратность – художественное время не только движется в одном направлении (от прошлого к будущему), но также может двигаться в ретроспективе; это определяет его разнонаправленность; 5) для художественного времени возможно определенное преломление одного из самых фундаментальных признаков времени – упорядоченности, то есть художественное время не подчиняется отношению асимметрии и транзитивности [10].

Еще одно свойство художественного времени – это его стяжение и растяжения. Эти техники показывают как события нескольких десятилетий или поколений приводятся в последовательности в пределах одного художественного произведения, или как события одного дня разворачиваются в целом произведении [6-8]. Таким образом, стяжение / растяжение художественного времени выступают аппозитивными результатами одной операции со временем физическим – его растяжением. Это объясняется различными позициями субъекта его организации: автор находится вне времени персонажа и изображает то, что происходит; персонаж (фокализатор) находится внутри события и его времени и переживает его [11, с. 11]. Художественное время отражает индивидуальные особенности восприятия определенного момента времени каждым автором и проявлением этого является создаваемая им объективная или субъективная картина мира. Это позволяет выделить два способа описания художественного времени: объективное художественное время, включая циклическое время и субъективное художественное время, включая психологическое время. Кроме этого, художественное время также проявляется в ирреальном времени различных типов. Представленные способы описания используются для изображения в режиме реального, так и нереального мира [12, с. 163-168]. Существуют и другие виды художественного времени такие, как абстрактное, конкретное, обобщенное и поэтически трансформированное [13].

Описание художественного времени, как правило, проводится в специальных терминах. Благодаря М.М. Бахтину появились понятия «хронотоп» и «топофон» [14]. Термин «хронотоп» указывает на слияние пространственных и временных примет в осмысленном и

конкретном целом; «топофон» характеризует пространство. Развивая идеи М.М. Бахтина, Н.И. Панасенко предлагает термины «хронотип» и «хрономатрица» [6-9]. Термин «хронотип» используется для описания категории художественного времени и имеет определенные разновидности. Основные разновидности хронотипов связаны с позицией рассказчика на оси времени, количеством этих осей и свойств художественного времени. Отсутствие временной динамики характеризует такую модель как «хрономатрица». Категория художественного времени является важной составной анализа художественного произведения, поскольку события каждого художественного произведения разворачиваются в определенном хроносе, причем эти события могут изображаться быстро или медленно, последовательно или непоследовательно, а порой даже останавливаться во времени, поэтому такое отображение времени в художественном произведении является субъективным. Субъективное восприятие времени делает художественное произведение одной из форм изображения действительности и отличается от объективного, то есть реального, благодаря динамике сюжета, действующим лицам, ретроспективном показе событий (flashback) и описании событий, которые состоятся через некоторое время (foreshadowing), существованию нескольких времен и тому подобное. Принимая во внимание вышесказанное, мы, вслед за Н.И. Панасенко [6-9] выделяем следующие модели реализации художественного времени в художественном произведении:

1) **одна ось времени** - автор рассказывает о том, что было раньше – левосторонняя стрела ($\leftarrow$) или о том, что должно произойти в произведении – правосторонняя стрела ($\rightarrow$);

2) **две временные оси** - одна из которых выступает как реальное время, а в другой рассказчик постоянно переходит из прошлого в будущее и наоборот. В художественном произведении может происходить слияние прошлых времен в настоящем, или, как разновидность этой модели, персонажи произведения могут переноситься в другое время благодаря магическим действиям, топофону или нереальной дате;

3) **несколько временных осей** – в художественном произведении одновременно изображаются события прошлого, настоящего и будущего;

4) **хрономатрица как отсутствие временной динамики** - время может застыть / остановиться как для одного действующего персонажа, так и для всех действующих лиц; разновидностью этой модели могут быть художественные произведения, герои которых живут воспоминаниями о прошлом, или художественные произведения в которых отсутствует линейной порядок событий;

5) **временной конденсат** - время уплотняется до такой степени, что с реального превращается в художественное и **временное размытие** - время растянутое, замедленное в художественном произведении. Оба эти разнонаправленные процессы являются результатом авторского манипулирования реальным временем. В первом случае эффект «уплотненного» времени способствует динамизации повествования, насыщенностью различными событиями в одном промежутке времени и проведению сразу нескольких сюжетных линий, которые могут разворачиваться в одном хроносе, но в разных топосах. Во втором случае растянутое время способствует адинамизации повествования и замедлению изображаемых в произведении событий. Рассмотрим эти временные модели на примере рассказов О.Генри.

Модель 1. Одна ось времени. Левосторонняя модель характерна для многих рассказов О.Генри, в частности для рассказов из сборника «The Gentle Grafter» («Благородный жулик») таких, как «The Chair of Philanthromathematics» («Кафедра Филантропоматики»), «Jeff Peters as a Personal Magnet» («Джефф Питерс как персональный магнит»), «Modern Rural Sports» («Развлечения современной деревни»), «The Hand That Riles the World» («Рука, которая терзает весь мир»), «A Midsummer Masquerade» («Летний маскарад»), «Innocents of Broadway» («Простак с Бродвея»), «Conscience in Art» («Совесь в искусстве»), «The Man Higher Up» («Кто выше») и т.д. Во всех этих рассказах главные герои - мошенники Энди Такер и Джефф Питерс вспоминают о своих прошлых поступках и приключениях.

Модель 2. Две временные оси. Эта двухчасовая модель также присуща творчеству О. Генри. Например, в таких рассказах, как «Schools and Schools» («Разные школы»), «He Also Serves» («Тот, что согласился»), «The Venturers» («Искатели приключений»), «The Poet and the Peasant» («Поэт и поселянин»), «A Municipal Report» («Муниципальный отчет»), «The Ransom of Red Chief» («Вождь краснокожих»), «Madame Bo-Peep of the Ranches» («Мадам Бо-Пип

на ранчо»), «The Roads We Take» («Дороги, которые мы выбираем»), «After Twenty Years» («Через 20 лет»), The Guilty Party – An East Side Tragedy» («Чья вина?») и т.д., прошлое переплетается с настоящим или будущим, однако сложное слияние времен или альтернативный показ событий одновременно в настоящем и / или прошлом или будущем, в рассказах О.Генри практически не выражено, но все же встречается в некоторых рассказах.

К примеру, проанализируем рассказ О.Генри «The World and the Door» («Дверь и мир»). Главный герой этого рассказа – Ральф Мэррием сбежал из Нью-Йорка в Ла-Пас, спасаясь от справедливого возмездия за убийство приятеля. В Ла-Пасе он встречает прекрасную женщину миссис Конант, которой делает предложение руки и сердца. Миссис Конант принимает его предложение, однако признает, что сбежала в Ла-Пас, отравив своего бывшего мужа. Таким образом, настоящая жизнь двух главных героев переплетается с их воспоминаниями о прошедших событиях. Однако, через некоторое время в жизни главных протагонистов происходят изменения: в Ла-Пас приплывает пароход и привозит мужчину, которого, как думал Ральф, он убил, а миссис Конант случайно узнает, что ее муж жив. Итак, два человека из прошлого оказались живыми и невредимыми, что также свидетельствует о наложении прошлой временной оси на настоящее время главных героев.

Такая же модель художественного времени присутствует в рассказе «The Church with an Overshoot Wheel» («Церковь с наливным колесом»). Рассказ достаточно большой по объему и начинается с описания Орлиного Дома – места, куда каждый год приезжал Абрам Стронг. Далее в рассказе изображаются ретроспективные события: рассказывается о прежней жизни Абрама и о старой мельнице, ставшей церковью. В этой части повествования читатель узнает, что у Абрама когда-то была дочь Аглая, которая исчезла, когда ей было всего четыре года. От горя Абрам переехал в другое место, и, ставши владельцем новой мельницы, выпускал муку под названием «Аглая». Через некоторое время мельник возвращается в родной город и превращает свою бывшую мельницу в церковь. В третьей части рассказа появляется мисс Честер – посетительница Орлиного Дома, которая подружилась с мельником. Она рассказывает ему историю из своей жизни, в которой оказывается, что она не знает, кто она. В финале рассказа читатель

узнает, что именно мисс Честер является дочерью Абрама.
«The Church with an Overshoot Wheel» («Церковь с наливным колесом»)

Рисунок 1 – Отображение ритма художественного времени в рассказе О. Генри

Кроме хронологически и линейно нарушенного порядка изображения событий этот рассказ содержит в себе переплетение временных осей – настоящее (жизнь старого мельника), прошлое (его воспоминания о дочери), снова настоящее (встреча Абрама и мисс Честер, их дружба), прошлое (рассказ мисс Честер о ее детстве) и снова настоящее, в котором мисс Честер становится Аглаей и находит отца (Рис. 1).

Итак, прошлая временная ось накладывается на реальную, настоящую и сливается с ней (мисс Честер и Аглая – одно и то же лицо), а постоянное переплетение настоящего времени с прошлым создает некоторый зигзагообразный ритм повествования, который схематично изображается на рисунке 1.

Модель 3. Несколько временных осей. Модель, сочетающая в себе несколько временных осей, практически не присуща рассказам О. Генри, потому что все действие в его рассказах происходит в течение небольшого промежутка времени – в течение одного или нескольких дней.

Модель 4. Хрономатрица как остановка времени. Эта модель также не представлена в рассказах О.Генри.

Модель 5. Временной конденсат и временное размытие. Для О.Генри уплотнение и растяжение художественного времени не свойственно. Однако, скорее исключением, чем правилом являются его рассказы «A Strange Story» («Странная история») и «Fickle Fortune, or How Gladys Hustled» («Изменчивая судьба или перебрасывание Глэдис»). Первый рассказ по объему очень маленький (восемнадцать предложений), однако в нем одновременно происходит уплотнение и замедление художественного времени. Это история о семье Смозерс, состоящая фактически из трех человек: мамы, папы и дочери. Однажды вечером, их пятилетняя дочь заболела, и папа пошел за лекарствами, однако так и не вернулся. Мать погоревала и через три месяца вышла замуж, а дочь подросла, вышла замуж и поселилась в том же доме. Однажды ее пятилетняя дочь заболела, и отец дочери хотел пойти за лекарствами, однако мать не отпустила его, опасаясь, что он исчезнет, как когда-то исчез ее отец. Когда дочери стало хуже, неожиданно возвращается пропавший когда-то дедушка девочки; он приносит лекарства и объясняет, почему он так долго шел к ним: ему пришлось ждать трамвая. Эта довольно «странная» история переполнена различными сюжетными линиями: за восемнадцать предложений меняется два поколения семьи, мать снова выходит замуж, а дочь пропавшего мужчины уже имеет свою пятилетнюю дочь; таким образом, время, в течение которого происходили события, уплотнилось и одновременно растянулось до такой степени, что превратилось из реального в художественное, так как в реальном времени эти события происходили бы несколько десятков лет.

Второй рассказ немного больший по объему и занимает одну страницу: в нем автор-рассказчик сам указывает на факт уплотнения времени – после изображаемых им событий проходит пятнадцать лет, причем они пролетели менее чем за одну минуту: *Fifteen years have elapsed. Of course, our readers will understand that this is only supposed to be the case. It really took less than a minute to make the little stars that represent an interval of time. We could not afford to stop a piece in the middle and wait fifteen years before continuing it* [15].

Итак, описав основные модели развития художественного времени и проанализировав их в новеллистике О.Генри, мы приходим к общему выводу, что рассказам О.Генри присущи, в основном, первая (одна ось времени) и вторая модель (две временных оси). Третья (несколько временных осей) и четвертая модели (хрономатрица как остановка времени) не характерны для его рассказов. Пятая, наиболее сложная модель художественного времени (временной конденсат и временное размытие) очень редко встречается в рассказах О.Генри и является скорее исключением, нежели правилом для его творчества.

Принимая во внимание все признаки категории художественного времени, а также её отличия от реального времени, мы утверждаем, что художественное время является сложной и многогранной текстовой категорией, которая моделируется в художественном произведении комплексно, в аспекте моделей, которые её формируют. Особенно важная роль в моделировании категории художественного времени принадлежит композиции и организации художественного текста, потому что художественное время не только помогает устанавливать связи между частями целого текста, но и создает общность различных фокусов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гошилик Н.С. Схемніобрази часу в сучасній англійській мові: Монографія. – Івано-Франківськ: НАІР, 2013. – 220 с.
- [2] Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. - Режим доступа: URL: <http://www.theosophy.ru/lib/aforizmy.htm> -(дата обращения 17.8.2016).
- [3] Голосова Т. М. Темпоральна структура художнього тексту : автореф. дис. ... д.ф.н.– К., 2002. - 35 с.
- [4] Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Ком Книга, 2007. – 144 с.
- [5] Золотова Г.А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. – 2002.– № 3. – С. 112–126.
- [6] Панасенко Н.И. Категория художественного времени в прозаических, поэтических и музыкальных текстах // Мова і культура : наук.журнал. – 2002.– Вип. 5. Т. I (2). – С. 120–130.
- [7] Панасенко Н.И. Некоторые аспекты художественного пространства и времени // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящ. Е.С. Кубряковой.– Воронеж: ИЯ РАН, 2002.– С. 151–162.
- [8] Панасенко Н.І., Гудименко С.Ю. Категорія художнього часу в творчості Рея Бредбері // Вісник Житомирського педагогічного університету. - 2004. – Вип. 15. – С. 115– 118.
- [9] Panasenko N.I. Interrelations between Literary Time and Space in Prosaic Texts // Language, Literature and Culture in a Changing Transatlantic World: International Conf. Proceedings, April 22–23, 2009 / ed. by M. Ferenčík, J. Horvath. – Prešov: Institute of British and American Studies, 2009. – P. 69–82.
- [10] Тураева З.Я. Категория времени: Время грамматическое и время

художественное (на материале английского языка): учеб. пособие для ин-в и фак.-вин-х яз.– М.: Высш. школа, 1979. – 219 с.

[11] Обелець Ю.А. Темпоральна структура можливих світів художнього тексту (на матеріалі англomовної прози): автореф. дис. ... канд. філол. наук.– Одесса, 2006. – 23 с.

[12] Папина А.Ф. Текст: его элементы и глобальные категории: уч. для студентов, журналистов и филологов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.

[13] Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста: Монография. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 157 с.

[14] Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики.– М.: Худ.лит-ра, 1975.– С. 234–407.

[15] O'Henry. Selected works. Режим доступа. - URL:<https://americanliterature.com/author/o-henry/bio-books-stories> - (дата обращения 12.8.2016).

REFERENCES

[1] Goshilik N.S. Skhemniobrazi chasu v suchasny anglíys'kíy movi: Monografiya. Ívano-Frankívs'k: NAÍR, 2013. 220 s. [in Ukr.].

[2] Shopengauer A. Aforizmy zHITEYSKOY mudrosti. Rezhim dostupa: URL: <http://www.theosophy.ru/lib/aforizmy.htm> -(data obrashcheniya 17.8.2016) [in Russ.].

[3] Golosova T. M. Temporal'na struktura khudozhn'ogo tekstu : avtoref. dis. ... d.f.n. K., 2002. 35 s. [in Russ.].

[4] Gal'perin I.R. Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Kom Kniga, 2007. 144 s. [in Russ.].

[5] Zolotova G.A. Kategorii vremeni i vida s tochki zreniya teksta. *Voprosy yazykoznaneya*. 2002. № 3. S. 112–126 [in Russ.].

[6] Panasenko N.I. Kategoriya khudozhestvennogo vremeni v prozaicheskikh, poeticheskikh i muzykal'nykh tekstakh. *Mova í kul'tura : nauk.zhurnal*. 2002. Vip. 5. T. I (2). S. 120–130 [in Russ.].

[7] Panasenko N.I. Nekotoryye aspekty khudozhestvennogo prostranstva i vremeni. *S lyubov'yu k yazyku: Sb. nauch. trudov. Posvyashch. Ye.S. Kubryakovoy. Voronezh: IYA RAN*, 2002. S. 151–162 [in Russ.].

[8] Panasenko N.Í., Gudimenko S.YU. Kategoriyakhudozhn'ogo chasu v tvorchosti Reya Bredberí. *Vísnik Zhitomirs'kogo pedagogíchnogo universitetu*. 2004. Vip. 15. S. 115– 118 [in Russ.].

[9] Panasenko N.I. Interrelations between Literary Time and Space in Prosaic Texts. *Language, Literature and Culture in a Changing Transatlantic World: International Sonf. Rroceedings, April 22–23, 2009 / ed. by M. Ferenčik, J. Horvath. Prešov: Institute of British and American Studies, 2009. P. 69–82.*

[10] Turayeva Z.YA. Kategoriya vremeni: Vremya grammaticheskoye i vremya khudozhestvennoye (na materiale angliyskogo yazyka) : ucheb. posobiye dlya in-v i fak.-vin-kh yaz. M.: Vyssh. shkola, 1979. 219 s. [in Russ.].

[11] Obelets' YU.A. Temporal'na struktura mozhlivikh svítiv khudozhn'ogo tekstu (na materialí anglomovnoí prozi): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Odessa, 2006. 23 s. [in Ukr.].

[12] Papina A.F. Tekst: yego elementy i global'nyye kategorii: uch. dlya studentov, zhurnalistov i filologov. M.: Yeditorial URSS, 2002. 368 s. [in Russ.].

[13] Chernukhina I.Ya. Obshchiye osobennosti poeticheskogo teksta: Monografiya.

Voronezh: Izd-vo VGU, 1987. 157 s. [in Russ.].

[14] Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane*. In: *Voprosy literatury i estetiki*. M.: Khud.lit-ra, 1975. S. 234–407 [in Russ.].

[15] O'Henry. *Selected works*. Rezhim dostupa: URL:<https://americanliterature.com/author/o-henry/bio-books-stories>. Data obrashcheniya 12.8.2016.

О.ГЕНРИ НОВЕЛЛИСТИКАСЫНДАҒЫ КӨРКЕМДІК МЕЗГІЛ САНАТЫ

Давидюк Ю.Б., ф.ғ.к.,

Хмельницкий ұлттық университетінің шет тілдері кафедрасының доценті,
Хмельницкий, Украина, e-mail: canada82@mail.ru

Тірек сөздер: санат, көркем мезгіл, хронотоп, хронотип, модель, уақыт желілігі, О. Генри әңгімелері.

Аңдатпа. Бұл мақала О.Генри новеллистикасындағы көркемдік мезгіл санаттарын зерттеуге арналған. Мақалада көркемдік мезгілдің негізгі сипаттамалары және қасиеттері қарастырылып, көркемдік мезгіл мен шынайы мезгіл арасындағы негізгі айырмашылықтар көрсетілген. Көркемдік мезгіл хронотоп, хронотип сияқты арнайы терминдермен сипатталған. Баяндаушының уақыт осіндегі көзқарасымен, ол желіліктердің саны және көркемдік мезгіл қасиеттеріне байланысты көп түрлі болып келетін хронотип терминіне ерекше мән беріледі. О.Генри әңгімелерін саралау арқылы көркемдік мезгілді көркем шығармада жүзеге асырудың 5 негізгі моделі белгіленген.

Статья поступила 21.09.2016 г.

POETICS OF DEFAMILIARIZATION IN ENGLISH LITERARY TEXTS: STYLISTIC ASPECT

Купчышйна Ю.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Chair of Philology, Khmelnytsky National University, Ukraine
e-mail: bradshaw13@mail.ru

Keywords: defamiliarization, poetics of defamiliarization, foregrounding, image, author's picture of the world.

Abstract. The article focuses on revealing the nature of defamiliarization from a stylistic perspective. It is stated that defamiliarization is created by different types of foregrounding with the aim of concentrating the reader's attention and emotions on the object of perception from an unusual angle of the narrator's vision (anthropocentric and animalistic subjects of narration). The poetics of defamiliarization is defined as the unity of form and content of prose texts created by the linguistic and cognitive mechanisms of revealing novel and implied conventional senses of the prose texts, as well as by narrative devices. The major manifestations of the defamiliarized world comprehension are considered to be biomorphic, anthropomorphic and zoomorphic metaphors which denote the defamiliarized objects via the physical experience of people/animals.

УДК 811.111'42:81'38

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЭТИКИ ОСТРАНЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Купчишина Ю.А., к.филол.н.,
доцент кафедры перевода,
Хмельницкий национальный университет, Хмельницкий, Украина
e-mail: bradshaw13@mail.ru

Ключевые слова: остранение, поэтика остранения, выдвижение, образность, авторская картина мира.

Аннотация. Статья посвящена выявлению стилистических особенностей формирования поэтики остранения в англоязычных художественных текстах XX–XXI вв., что способствует изучению образности. Остранение является индивидуально-авторским средством, которое реализуется с помощью разных типов выдвижения с целью обострения внимания и эмоций читателя в отношении изображаемого объекта восприятия. Поэтика остранения сформулирована как единство формы и содержания художественных текстов, которая создается индивидуально-авторскими стилистическими средствами, лингвокогнитивными способами и нарративными приемами, направленными на воспроизведение неожиданного, необычного ракурса видения фрагментов картины мира, изображенных в произведении. Исследование поэтики остранения осуществляется путем интегрированного подхода, который определяется как сочетание приемов традиционного лингвостилистического анализа с методологическим аппаратом когнитивной поэтики.

Образность как доминантная черта поэтического произведения всегда находилась в центре внимания исследований по поэтике художественного текста [3; 4; 7]. Одним из способов создания художественной образности в статье рассматривается феномен «остранение» (остраннение), впервые сформулированный В.Б. Шкловским как такой прием художественного повествования, когда события, явления описываются будто впервые, под необычным углом зрения [9]. Остранение – это индивидуально-авторское средство, которое реализуется с помощью разных типов выдвижения с целью обострения внимания и эмоций читателя в отношении изображаемого объекта восприятия [2; 5; 8]. Поэтика остранения как единство формы и содержания художественных текстов создается индивидуально-авторскими стилистическими средствами, лингвокогнитивными способами и нарративными приемами, направленными на воспроизведение неожиданного, необычного ракурса видения фрагментов картины мира, изображенных в произведении.

Исследование поэтики остранения осуществляется путем интегрированного подхода, который определяется не только как сочетание приемов традиционного лингвостилистического анализа с методологическим аппаратом когнитивной поэтики, но и как метод выявления характера взаимодействия мышления и языка, то есть путей воплощения индивидуально-авторского художественного сознания в англоязычных текстах средствами поэтики остранения. Основой поэтики остранения является особый тип авторского сознания, который актуализируется в остраненных образах сквозь ракурс видения субъектами повествования (антропоцентрический и анималистский), что в свою очередь влияет на механизмы формирования образности художественного текста [6, с. 181].

Обобщая основные объекты остранения, их условно можно разделить по критерию описания:

- портретных характеристик, где портрет – это особая форма изображения автором действительности, которая включает в себя изображение внешности (внешнее портретирование), видимых свойств поведения героя, его ментальные и языковые характеристики, чувства (ментальное портретирование). Портрет определяется как «элемент образной системы художественного произведения, который, отражая внешние, физические, и внутренние, психологические, этические признаки действующего лица, идентифицирует и характеризует персонажа, а также передает авторское отношение к нему» [1, с. 52]. К этическим признакам Т.С. Борисова относит моральные качества, характер, интеллект, манеру поведения и межличностные отношения [1]. К примеру, в остраненно маркированном контексте из рассказа «The Mouse and the Woman» остраняется понятие времени, которое наделяется физическими характеристиками старого человека: *Consider now the old effigy of time, his long beard, whitened by an Egyptian sun, his bare feet watered by the Sargasso Sea. Watch me belabour the old fellow. I have stopped his heart. It split like a chamber pot. No, this is no rain falling. This is the wet out of the cracked heart* [11].

Декодирование остраненного образа «время как старец», основой которого выступает антропоморфная метафора, происходит с помощью контекста произведения: главный персонаж борется за жизнь любимой женщины со временем и побеждает время – старого человека, останавливает его сердце, чтобы спасти любимую от смерти.

• пейзажа (или природы) – это накопление разнохарактерных объектов внешнего мира в единый выразительный пространственный образ. Он включает описание абстрактных или конкретных явлений, остранных восприятием наблюдателя (персонажа). В текстовом фрагменте из романа А. Азимова «The Caves of Steel» активно функционирует именно такой объект острания, который отображает восприятие рассказчиком явления природы – остранный образ «дождь»: Against his will, Baley had to admit to himself that it was impressive. In his forty-two years he had rarely seen rain or any of the phenomena of nature, for that matter [10]. Образность достигается сквозь ракурс восприятия. Явление дождя – это неизвестный ранее феномен, которого главный герой не видел за сорок два года своей жизни.

• интерьера, который заключается в изображении действительности через одну характерную деталь. Особый случай острания здесь – персонификация, которая является гротескной гиперболизацией неодушевленных предметов живыми или наоборот [2].

На материале рассказов О.Генри, А.Бирса, В.Вулф, Д.Томаса, Е.Хемингуэя, Д.Адамса, Р.Брэдбери, Дж.Бойна нами предлагается собственная классификация объектов острания по тематическим группам: «ЧЕЛОВЕК И ЕГО КАЧЕСТВА», «ПРИРОДА», «АБСТРАКТНЫЕ СУЩНОСТИ» и «АРТЕФАКТЫ». В ходе исследования выяснилось, что антропоцентрический субъект повествования (ракурс видения ребенка/взрослого) является одним из ключевых элементов в проанализированных рассказах.

Детское восприятие подчеркивает вычурность, необычность и оригинальность остранных образов через существующую разницу между отображением действительности детьми или взрослыми. Так, знакомые читателю вещи или явления остраются сквозь ракурс рассказчика-ребенка на примере 12-летнего мальчика Дугласа Сполдинга («The Dandelion Wine», Р.Брэдбери), который, находясь на летних каникулах у бабушки, пытается осмыслить жизнь; 12-летнего Гарольда («The Lake» Р.Брэдбери); 9-летней Марго («All Summer in a Day» Р.Брэдбери); 9-летнего мальчика Бруно («The Boy in the Striped Pajamas» Дж. Бойн).

К примеру, главный герой романа Дж. Бойна «The Boy in the Striped Pajamas» – Бруно, восьмилетний мальчик родом из Германии, который во время Второй мировой войны живет в Берлине. Его отец –

комендант концентрационного лагеря. Бруно и его семья переезжают в новый дом на территории Польши. В его окрестностях мальчик замечает ферму (концлагерь), где происходят странные вещи: люди там носят пижамы с номерами, сжигают одежду в больших печах (газовых камерах). Он случайно знакомится с еврейским мальчиком по имени Шмуль и думает, что жизнь на ферме похожа на фильм. Он представляет, как жители фермы ходят в кино, весело проводят время. История, происходящая во время Второй мировой войны, показана сквозь детский ракурс видения. В день приезда в Польшу Бруно замечает уставших на вид людей, но не понимает, что они – пленники концлагеря: *Some of those people who live on their own on everybody's road but don't seem to have any relatives at all. They were everyone; Some stood perfectly still in groups, their hands by their sides, trying to keep their heads up, as a soldier marched in front of them, his mouth opening and closing quickly as if he were shouting something at them. Some were formed into a sort of chain gang <...> Others were on crutches and many had bandages around their heads [11].*

Бруно удивляется, почему заключенные так странно выглядят: *had bandages around their heads, стоят молча, сплоченно передвигаются группами: stood perfectly still in groups; trying to keep their heads up; were formed into a sort of chain gang.* Одинаковая одежда пленных по наивности детского восприятия путается с пижамой: *they were wearing the same clothes as each other: a pair of grey striped pyjamas with a grey striped cap on their head.*

Антропоцентрический субъект повествования меняет архетипное представление о понятии «газовая камера», в которой содержат пленных, и предстает в виде хранилища от дождя и холода: *Unable to understand the sense of all this, but he assumed that it had something to do with keeping the rain out and stopping people from catching colds, и как элемент детской игры в тайник: staring at the ground as if it was the sort of game where they did not want to be spotted [11].*

Воображение Бруно рисует военных в виде игрушечных солдат: *All the people in the camp wore the same clothes, those pyjamas and their striped cloth caps too; and all the people who wandered through his house (with the exception of Mother, Gretel and him) wore uniforms of varying quality and decoration and caps and helmets with bright red-and-black armbands and carried guns and always looked terribly stern, as if it was all*

very important really and no one should think otherwise [11].

Увиденная картина действительности, выражающаяся в остранинном восприятии пленных и солдат, построена на типе выдвижения – оппозиции: the same clothes, those pyjamas – wore uniforms; striped cloth caps – caps and helmets with bright red-and-black armbands. Вербальным средством реализации остранения на лексико-семантическом уровне является художественное сравнение: as they left they stood in a row together like toy soldiers and their arms shot out in the same way that Father had taught Bruno to salute [11].

Благодаря сравнению с игрушечными солдатами like toy soldiers подчеркивается пренебрежительное авторское видение, выраженное детским восприятием, к дисциплинированности и сдержанности военных. Эффект остранения интенсифицирует детское восприятие ключевых образов «лагерь», «узник», «одежда заключенных», «смерть в газовой камере». Оценочная функция остранения иронично высмеивает силу немецких солдат, их командный дух: looked terribly stern, as if it was all very important really and no one should think otherwise, подчеркивает драматизм событий в сознании мальчика.

Детский ракурс способствует реализации образной функции из-за того, что наивное видение и непонимание того, что происходит на самом деле, приводит к трагическому завершению романа – гибели мальчика.

Объекты остранения в текстовом фрагменте из книги Р. Брэдбери «The Lake» связаны с описаниями воды, волн, а субъектом повествования является подросток Гарольд. Остраненный образ «вода» в восприятии ребенка символизирует открытие новых возможностей: There was a moment of green silence. Then the wave gave me back to the sky, the sand, the children yelling. I came out of the lake and the world was waiting for me [12].

Образ «вода» – одновременно трагичен: lake would not lether return, поскольку символизирует осознанную любовь Гарольда к Талли, девушке, которая утонула. В итоге, такая любовь оказалась бессмертной, вечной во времени и пространстве: It was that love that comes before all significance of body and morals. It was that love that is no more bad than wind and sea and sand lying side by side forever. It was made of all the warm long days together at the beach, and the humming quiet days of droning education at the school [12].

Основными лингвистическими средствами выражения остранения на лексико-семантическом уровне в анализированном фрагменте являются: синтаксический параллелизм (It was that love); антропоморфные метафоры (the wave gave me back to the sky, the sand; the world was waiting forme, love that comes before all significance); метонимический эпитет (green silence).

В итоге исследования нами было установлено, что объекты для остранения избирались разные: это предметы, явления природы, живые существа, их ментально-портретные характеристики. Остраненное восприятие сквозь ракурс видения антропоцентрического субъекта повествования приводит к изменению устоявшихся понятий, вербализируемых в концептах ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ДУША, ЛЮБОВЬ, МОЛОДОСТЬ, БОГАТСТВО и т.д. Осуществлен лингвостилистический анализ англоязычных художественных текстов, определены лексико-семантические и синтаксические выразительные средства создания поэтики остранения на вербальном уровне. В художественных текстах остранение реализуется посредством антропоморфных, биоморфных и зооморфных метафор, художественного сравнения.

Перспективным представляется применение предложенной в статье методики комплексного исследования стилистических средств и лингвокогнитивных механизмов создания поэтики остранения для анализа художественных произведений разных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Воробьева О.П. Когнитивная поэтика: достижения и перспективы // Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. - 2004.- № 635. - С. 18-22.
- [2] Заика В.И. Очерки по теории художественной речи: Монография. - Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. – 407 с.
- [3] Лотман Ю. М. Культура и взрыв. - М.: Гнозис, 1992. - 272 с.
- [4] Шкловский В.Б. Искусство как прием // Поэтика: сборник по теории поэтического языка. - Пг, 1919. - Вып. I-II. С. 101- 114.
- [5] Бузаджи Д. М. Художественный прием остранения в контексте переводоведения // Вестник МГЛУ. - 2005. Вып. 50. - С. 97-114.
- [6] Купчишина Ю.А. К проблеме дифференциации остранения и выдвигения: диахронический аспект // Человек в пространстве языка: Сб. науч. ст. - Каунас: Каунас. гуманит. ф-т Вильнюсского у-та, 2013.- С. 32-42.
- [7] Ханзен-Леве Оге А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / Пер. с нем. А. Оге Ханзен-Леве. - М.: Языки русской культуры, 2001.- 672 с.
- [8] Купчишина Ю.А. Антропоцентрический и анималистский субъекты

повествования как ракурсы остраненного восприятия действительности // Вестник ДГПУ имени Ивана Франка. – 2016. – №5. – С. 180–183.

[9] Борисова Т. С. Лингвостилистические средства создания образа стереотипного персонажа (на материале англоязычной приключенческой прозы 19-20 веков): дис. ... к. филол. н. - Херсон, 2002. - 226 с.

[10] Boyne J. The Boy in the Striped Pajam. - Режим доступа URL: <http://www.8reads.com/boy-striped-pyjamas-john-boyne> - (дата обращения 27.05.2016).

[11] Asimov I. The Caves of Steel. – Режим доступа URL: http://asimov.wikia.com/wiki/The_Caves_of_Steel. - (дата обращения 21.8. 2016).

[12] Bradbury R. 100 of His Most Celebrated Stories. - Режим доступа URL: <http://en.wikipedia.org> - (дата обращения 14.08.2016).

REFERENCES

[1] Vorob'yeva O.P. Kognitivnaya poetika: dostizheniya i perspektivy. *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta imeni V.N. Karazina*. 2004. № 635. S. 18-22 [in Russ.].

[2] Zaika V.I. Ocherki po teorii khudozhestvennoy rechi: Monografiya. VelikiyNovgorod: NovGU im.YaroslavaMudrogo,2006. 407 s. [in Russ.].

[3] Lotman Yu. M. Kul'tura i vzryv. M.: Gnozis, 1992. 272 s. [in Russ.].

[4] Shklovskiy V. B. Iskusstvo kak priyem // Poetika: sbornik po teorii poeticheskogo yazyka. Pg, 1919. Вып. I-II. S. 101- 114 [in Russ.].

[5] Buzadzhi D.M. Khudozhestvennyy priyem ostraneniya v kontekste perevodovedeniya. *Vestnik MGLU*. 2005. Вып. 50. S. 97-114 [in Russ.].

[6] Kupchishina YU. A.K probleme differentsiatsii ostraneniya i vydvizheniya: diakhronicheskiy aspekt. In: Chelovek v prostranstve yazyka: Sb. nauch. st. Kaunas: Kaunass. gumanit. f-t Vil'nyusskogo u-ta, 2013. S. 32-42 [in Russ.].

[7] Khanzen-Leve Oge A. Russkiy formalizm. Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya. Per. s nem. A. Oge Khanzen-Leve. M.: YAzyki russkoy kul'tury, 2001. 672 s. [in Russ.].

[8] Kupchishina Yu.A. Antropotsentricheskii i animalistskiy sub'yekty povestvovaniya kak rakursy ostrannogo vospriyatiya deystvitel'nosti. *Vestnik DGPU imeni Ivana Franka*. 2016. № 5. S. 180–183 [in Russ.].

[9] Borisova T.S. Lingvostilisticheskiye sredstva sozdaniya obraza stereotipnogo personazha (na materiale angloyazychnoy prikluychencheskoy prozy 19-20 vekov): dis. ... k. filol. n. Kherson, 2002.- 226 s. [in Russ.].

[10] Boyne J. The Boy in the Striped Pajam. Rezhim dostupa URL: <http://www.8reads.com/boy-striped-pyjamas-john-boyne>. Data obrashcheniya 27.05.2016.

[11] Asimov I. The Caves of Steel. Rezhim dostupa URL: http://asimov.wikia.com/wiki/The_Caves_of_Steel. Data obrashcheniya 21.8. 2016.

[12] Bradbury R. 100 of His Most Celebrated Stories.- Rezhim dostupa URL:<http://en.wikipedia.org>. Data obrashcheniya 14.08.2016.

**АҒЫЛШЫН ТІЛІНДЕГІ КӨРКЕМ ӘДЕБИ МӘТІНДЕРДІҢ ІШІНДЕ
ЖОЙЫЛҒАН ПОЭТИКАНЫҢ СТИЛИСТИКАЛЫҚ АСПЕКТІСІ**

Купчишина Ю.А., филол.ғ.к.,
аударма кафедрасының доценті,
Хмельницкий атындағы Ұлттық университет,
Хмельницкий, Украина, e-mail: bradshaw13@mail.ru

Тірек сөздер: иеліктен шығу, поэтика иелігінен шығу, іс-әрекет, бейнелік, авторлық әлем суреті.

Аңдатпа. Бұл мақала бейнелікке ХХ-ХХІ ғ.ғ ағылшынша көркем мәтіндердің ішінде иеліктен шығарылатын поэтиканың стилистикалық ерекшеліктерін үйреттіретінін көрсету үшін арналады. Иеліктен шығару оқырманның назарын және бейнеленген қабылдау объектісіне қатысты эмоциясын қозғаудың әртүрлі типтерінің жеке-авторлық құқығы болып табылады. Иеліктен шығару поэтикасы жеке-авторлық стилистикалық құралдарымен, лингвокогнитивті әдістермен және күтпеген нәрсені болдыруға бағытталған баяндау әдістерімен, шығармашылықта суреттелген әлем бейнесінің аңдатпасын ерекше ракурсымен пайда болатын, әдеби мәтіндердің мазмұн бірлігі ретінде тұжырымдалады. Иеліктен шығу поэтикасын зерттеу, дәстүрлі лингвостилистикалық анализдің когнитивті поэтиканың әдістемелік аппаратымен сәйкес келетін әдістердің айқындалатын интеграциялық жолымен жүзеге асырылады.

Статья поступила 22.09.2016 г.

4 – Бөлім
ШЕТ ТІЛДЕРДІ ОҚЫТУДАҒЫ
ҒЫЛЫМИ-ПЕДАГОГИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕМЕЛЕР

Раздел 4
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ
В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Section 4
SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL DEVELOPMENTS
IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

DEVELOPING SKILLS OF STUDENTS IN TEACHING SPANISH

Lamberti C.P., MA, teacher of Chair of
Speech Practice of Foreign Languages KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: cplamberti@yahoo.es

Keywords: oral skills, competence, intercultural competence, listening, reading, speaking, writing, strategy, dialogue.

Abstract. This article discusses the basic skills used in learning foreign language, from an unconventional point of view. The article pointed out that the most important directions in foreign language learning are listening, reading, speaking, writing. The author notes what aspects should be paid attention to during foreign language lessons. Expected results are received by analyzing the output. The author also proposes a variety of tasks and exercises aimed at the formation and development of basic skills.

УДК 372.881.1

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ В ОБУЧЕНИИ
ИСПАНСКОМУ ЯЗЫКУ

Ламберти К.П., магистр педагогических наук,
преподаватель кафедры практики речи иностранных языков
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан
e-mail: cplamberti@yahoo.es

Ключевые слова: устные навыки, компетенция, межкультурная компетенция, аудирование, чтение, говорение, письмо, стратегия, диалог.

Аннотация. В данной статье с нетрадиционной точки зрения рассматриваются

основные навыки, используемые при обучении иностранному языку. В статье отмечается, что наиболее важными направлениями в обучении иностранному языку являются: аудирование, чтение, говорение, письмо. Автор отмечает, на какие аспекты следует обратить внимание во время проведения занятий по иностранному языку. Путем анализа выводятся предполагаемые результаты. Также автором предлагается целый ряд заданий и упражнений, направленных на формирование и развития основных навыков.

В современной системе образования большую роль играет развитие следующих навыков: аудирование, письмо и говорение, чтение. Данные навыки демонстрируются на материале диссертационного исследования доктора Альберто Альбино. Данное диссертационное исследование «Детский голод в Аргентине», было опубликовано в 2009 году при поддержке Института Бизнес-исследований и в данный момент находится в открытом доступе на канале Youtube.

Данные виды деятельности наиболее подходят для студентов, изучающих испанский язык уровня B2. Это те студенты, которые в полной мере освоили основные грамматические темы, и для которых главным остается их правильное использование.

Обучение четырем видам деятельности студентов - это столп формирования языковых навыков, оно не может быть ограничено лишь передачей содержания и знаний, а должно влиять на развитие навыков, возможностей и стратегий студентов, а также отражать динамический фактор, который она в себя включает.

Очень важно работать по этим четырем направлениям при изучении иностранного языка, а также развивать их во время занятия различными видами деятельности, так как это во-первых отличный способ избежать однообразности, поскольку большинство учебников и учебных пособий никогда не выходят за рамки теории и простых предложений. Основная идея заключается в том, чтобы стимулировать самообучение и предложить обучающимся активный и интересный способ изучения иностранного языка. Работая с микронавыками и микростратегиями, студентам предоставляются все необходимые ресурсы, для развития их инициативы и творческого мышления.

Языковые навыки - это возможности, в которых реализуется активное использование языка. Языковой навык - это правилосообразная операция, в основе которой лежат обобщенные связи. Основное свойство языковых навыков – осознанность. Они образуются при осознанном овладении языковыми средствами общения (фонетическими, лексическими и грамматическими). Наличие языковых навыков, которые служат средством самоконтроля,

является залогом правильности структурирования высказывания на ИЯ. Языковые навыки создают основу речевых навыков, т. е. операций, которые совершаются без участия сознания, автоматически. Это становится возможным благодаря тому, что человек многократно совершал ту или иную операцию в прошлом. Другими словами, речевой навык — это упрочившийся способ выполнения действия, закрепившаяся операция [1].

Другая идея заключается в том, что, как правило люди не просто поглощают информацию о грамматических структурах, а сохраняют в памяти их значение. Все виды четырех видов деятельности студентов имеют два основных аспекта: социальный и психологический. Социальный аспект проявляется в существующей взаимности: процесс приема и воспроизведения информации. У всех людей, когда они говорят или делают записи, ментально есть получатель информации, что является типичной характеристикой любой коммуникации или любого диалога.

Психологический аспект, напротив проявляется в невзаимности процессов. В этом смысле, как отправитель, так и получатель оказываются перед текстом, устным или письменным, в полном объеме или только в определенной части, и они понимают его исходя из лингвистических, экстралингвистических и паралингвистических подсказок, которые предоставляет сам текст, их собственный опыт и знания.

В течение долгого времени обычной практикой на уроке испанского языка было взятие в качестве отправной точки диалог, представленный в письменной или устной форме, чтение данного диалога или его аудирование, на предмет понимания и написание, связанных с тематикой данного диалога, различного рода заданий. Данная система была весьма полезной для преподавателя, но она не отражала реальность, встречающуюся в повседневной жизни, таким образом, не было развития.

На наш взгляд, развитие лингвистических навыков должно происходить на основе комплексного подхода, поскольку ежедневно мы сталкиваемся с этими навыками в повседневной жизни, и данные навыки никогда не проявляются по отдельности. Для развития межкультурной компетенции среди студентов, необходимо рассмотреть следующие вопросы:

- создание комфортной и безопасной среды, с положительным опытом, для упрощения обучения, где всегда будет мотивация, интерес, любознательность, эмпатия, самооценка;

- стимулировать наблюдение и анализ социальной среды изучаемого языка, в контексте культуры;

- развивать навыки для развития коммуникации и обработка различного рода информации (визуальная, письменная, устная).

При этом следует отметить, что роль педагога в развитии межкультурной компетенции велика, поскольку речь не идет о статистике или об исторических данных, предлагаемых студентам, а о составлении таких задач, начиная от научных исследований, чтения, подбора материалов и до организации мероприятий, не забывая при этом о том, что целью является развитие компетенции, а не тренировка памяти.

Следует отметить, что под межкультурной компетенцией понимается нами способность успешно общаться с представителями других культур. Эта способность может появиться с молодых лет или может быть развита. В структуру межкультурной компетенции входят:

- общекультурологические и культурно-специфические знания;
- умения практического общения;
- межкультурная психологическая восприимчивость [2].

Автором были предприняты попытки интегрировать языковые навыки в соответствии с рекомендациями по дисциплине.

Одно из упражнений, предлагаемых студентам направлено на развитие навыков устной коммуникации. Прежде чем дать послушать аудиозапись, преподаватель должен сделать введение в тему. Так, студентам показывается несколько фотографий и объясняется смысл некоторых неизвестных слов и выражений, которые появляются на аудиозаписи. При выполнении аудирования, если студентам не хватает определенной информации по данной тематике, понимание воспроизводимого существенно затрудняется, поэтому введение в данную тему преподавателем служит некоторой мотивацией и вызывает интерес [3, с. 8].

В устной коммуникации следует учитывать факторы, которые необязательно связаны с аудиовизуальной составляющей. Имеются ввиду такие аспекты, как движение лица и тела, внезапные изменения в интонации, жесты и другие невербальные средства, которые помогают улучшить понимание. Понимание устных сообщений связано с лингвистическими, паралингвистическими и внеязыковыми элементами. Для того, чтобы понять, что было сказано, слушатель или получатель информации полагается не только на слова, сказанные вербально, но и на интонацию, которая сопровождается в

течение определенного аудиоряда в повторениях, перечислениях и в порядке, в котором подается информация. Каждый студент понимает услышанное, исходя из своих знаний и своего опыта, также каждый из них может иметь свою собственную интерпретацию, которая может существенно отличаться от интерпретации других, но в то же время не быть ошибочной. Студенты должны не просто реагировать «да» или «нет», они должны уметь обосновать свой ответ, именно это является доказательством того, что они поняли услышанное.

Понять - не значит дать правильный ответ, исключая все ложные. Понять - значит сделать разумное толкование. Большая часть упражнений, которые предлагаются студентам имеют форму схемы «правильно» или «неправильно», но не предлагается схема для интерпретации. Когда несколько человек слушают друг друга, каждый понимает, то, что он слышит: он вбирает в себя поступающую информацию, которая содержится в словах, принимает во внимание намерение, с которым информация была отправлена и учитывает отношение говорящего к сказанному. Для правильного понимания недостаточно просто услышать, необходимо также иметь знания и опыт касательно данного вопроса.

Понимание рассматривается в перспективе, как активный навык, который слушатель постоянно должен интерпретировать, предвидеть ход событий, узнавать что-то новое, сравнивать, взаимодействовать и т.д. Кроме того, устное понимание играет ключевую роль в формировании разговорных обменов [4, с. 101-102].

Предполагаемые результаты:

- студенты будут иметь возможность заранее определить тематику записи, что облегчит восприятие и понимание;

- студенты смогут понять то, что они слышат и определить тематику, не только исходя из услышанного, а также ориентируясь на введение, представленное преподавателем, на интонацию, жесты, мимику и др.;

- студенты будут интегрировать всю информацию для понимания центральной темы или поставленной проблемы;

- студенты смогут выразить свое мнение относительно услышанного вне зависимости от того, правильно они поняли или нет.

Задание 1.

Шаг 1: Студентам предлагается послушать аудиозапись, где им необходимо обратить внимание на интонацию, необычные выражения, но прежде следует сформировать группы по 4 человека, каждой группе необходимо дать 6 фотографий, которые имеют непосредственное

отношение к теме аудиозаписи.

Шаг 2: Аудиозапись: 10 минут. Прослушать аудио без прерыва.

Шаг 3: После прослушивания необходимо ответить на вопросы «правильно» или «неправильно».

Пример вопросов:

- 1) En Argentina hay un 40% de niños desnutridos. F-V
- 2) El Dr. Albino es un médico especialista en desnutrición infantil. F-V
- 3) En el país hay saltimbanquis y cartoneros. F-V
- 4) El Dr. Albino dice que hay que buscar al culpable. F-V
- 5) En Vietnam durante la guerra, en la mesa de negociaciones se tomaron las decisiones con rapidez. . F-V
- 6) Hay que poner cloaca, luz eléctrica y agua corriente en cada casa. F-V.
- 7) El 20% de los niños de América Latina no termina la escuela primaria. F-V
- 8) El 80% de los presos de las cárceles no tienen la primaria completa. F-V

На каждый шаг студентам выделяется не более 10 минут.

Письменные выражения иногда существенно различаются, в зависимости от того, пишутся они во время занятия или являются частью повседневной жизни, а также в зависимости от контекста.

Развитие письменных навыков должно быть центральным и неотъемлемым компонентом языковой программы. Задача моей работы состоит в том, чтобы изменить фокус в материалах и методах проведения письменных заданий, поскольку письмо в учебном плане уже не занимает такого места, как пятнадцать лет назад. Не существует определенного ответа на вопрос, как можно научить студентов навыкам письма. Существует множество различных методов обучения, предложенных профессорами, и множество учебных стилей [5, с. 56].

На наш взгляд, наиболее подробно об этом навыке написали Дж. Макдоноф и К. Шоу, которые ввели такие понятия, как «Контролируемая конструкция предложений», «Свободное сочинение» и «Функция домашних заданий». «Контролируемая конструкция предложений» - в данном случае речь идет о подходе, который подчеркивает исправление. Виды работ, которые соответствуют этому типу можно охарактеризовать следующим образом: создать модель предложения и попросить студентов построить похожее предложение, но с другим лексическим значением, определить и вставить недостающую грамматическую форму или конструкцию, построить предложения

из информации, представленной в схеме или таблице, составить небольшой абзац, рассказ, используя при этом дополнения, вводные слова и т. д. [6, с. 95].

Предполагаемые результаты:

- студенты смогут определить в тексте предложения, которые несут в себе основную смысловую нагрузку, а также детально разбирать их;

- студенты смогут передавать информацию, основную и вторичную идею текста, а также устанавливать иерархические отношения между ними;

- студент сможет выражать оценочные суждения в отношении устных или письменных текстов, с которыми он осуществляет свою деятельность.

Задания.

Шаг 1. Группа из 4 человек пишет статью на заданную тему, используя при этом полученную из аудиозаписи информацию.

Время подготовки: 50 минут

Развитие навыков понимания и устного взаимодействия имеет важное значение при обучении языкам, поскольку увеличивается текущий рост международных связей, возможностей и потребностей работы с использованием других языков. Обсуждение представляет собой интерактивный процесс, и при обучении разговорному испанскому языку преподавателю необходимо повысить осведомленность студента относительно структуры испанских предложений и особенностей разговорного испанского языка. Аутентичная деятельность с характеристиками разговорного языка, использование целевого языка во время занятия со стороны преподавателя и возможность практиковать разговорную речь – это фундамент для достижения хороших результатов в изучении языка. Согласно Бирну, «Устная коммуникация» - это двусторонний процесс между говорящим и слушающим, где оба выполняют позитивную функцию.... Говорящий должен кодировать сообщение в соответствии с тем, что один хочет сказать, и какие языковые средства он использует для выражения на соответствующем языке, в то время как слушатель или реципиент сообщения должен декодировать или (интерпретировать) данное сообщение [7, с. 125].

В данный момент студентам предлагается групповая деятельность, совместная работа, разные стороны деятельности, которые характеризуют ситуацию подлинного взаимодействия с более широким разнообразием ситуаций использования языка.

Предполагаемые результаты:

- студент научится использовать соответствующий язык в определенных ситуациях и может использовать этот язык или определенные языковые средства для презентации на занятии;
- студент достигает определенного словарного запаса, используемого в определенных ситуациях и улучшает качество речи;
- студент может адекватно реагировать на ситуацию и управляет своими знаниями языка и мира;
- каждый студент несет ответственность за свое обучение, может рассуждать о стратегиях и навыках разговора, которые были использованы.

Задания:

Шаг 1: Студенты ищут информацию на заданную тему. Преподаватель проводит дебаты на заданную тему. Основная идея заключается во внутренней коммуникации между студентами.

Время подготовки: 20 минут.

Шаг 2: Один представитель с каждой группы рассказывает о выводах, к которым они пришли.

Время подготовки: 15 минут

Шаг 3:

Преподаватель задает вопросы по прослушанному и просмотренному видео.

Пример вопросов:

1. ¿Qué te ha parecido el audiovisual del Dr. Alberto Albino?
2. ¿Te das cuenta de la responsabilidad que tienen los jóvenes para mejorar la sociedad?
3. ¿Qué cosas te parece que podríamos intentar hacer nosotros?
4. ¿Cómo se podría mejorar la situación de la desnutrición infantil en Kazajstán?

Полученные знания можно также закрепить путем перевода текста на похожую или связанную тематику. Студенты обмениваются работами и проверяют осуществленные переводы. Далее эти работы сверяются с оригиналом. Полученные результаты следует применить для выявления слабых сторон по части грамматики, лексики, синтаксиса и т.д.

Задание. Написать сочинение и выразить свое отношение по тематике проблемы. Данное задание позволит студентам выразить свое личное мнение, идеи и чувства.

Читая подобные работы студентов, преподаватели могут лучше

узнать студентов, их интересы. Подобного рода задания призваны облегчить коммуникацию между преподавателем и студентами.

Исходя из этого можно сделать следующий вывод:

Речевая деятельность – это процесс передачи и приема сообщений. Данный процесс является активным, целенаправленным, опосредованной языковой системой, направленной на достижение определенной цели. В данном случае целью является изучение иностранного языка.

Обучение речевой деятельности на иностранном языке должно осуществляться с позиции формирования речевой деятельности как самостоятельной определяющей всей полнотой своих характеристик человеческой деятельности, а не только совокупностью речевых действий. Речевая деятельность реализуется в таких ее видах, как слушание, говорение, чтение и письмо. Эти виды речевой деятельности рассматриваются как основные при взаимодействии людей в процессе вербального общения [8].

ЛИТЕРАТУРА

[1] Языковые и речевые навыки. – Режим доступа: URL: <http://books.house/metodiki-obucheniya-yazykam/yazykovyie-rechevyie-navyiki-23518.html> - (дата обращения 15.9.2016).

[2] Межкультурная компетенция. – Режим доступа: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> - (дата обращения 15.8.2016).

[3] Martín Peris E. La didáctica de la comprensión auditiva. - UNIVERSIDAD POMPEU FABRA, 2007. - 26 с.

[4] Raimes A. Techniques in teaching writing. - Oxford University Press, 1983. - 164 p.

[5] Funiber A., Pueyo S. Desarrollo de las destrezas en el aula. – М., 2002 - 110 p.

[6] McDonough, Jo; Shaw, Christopher. Materials and Method in ELT. - Wiley-Blackwell, 2012.

[7] Byrne B., Freebody P., Gates A. Longitudinal data on the relations of word reading strategies to comprehension, reading time, and phonetic awareness. Reading Research Quarterly. – 1992. - Vol. 27, No. 2. – P. 140-151.

[8] Мазенцева Е. А. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности // Молодой ученый. - 2015. - №3. - 945 с.

REFERENCES

[1] Yazykovyye i rechevyie navyki. Rezhim dostupa: URL: <http://books.house/metodiki-obucheniya-yazykam/yazykovyie-rechevyie-navyiki-23518.html>. Data obrashcheniya 15.9.2016 [in Russ.].

[2] Mezhhkul'turnaya kompetentsiya. Rezhim dostupa: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Data obrashcheniya 15.8.2016 [in Russ.].

[3] Martín Peris E. La didáctica de la comprensión auditiva. UNIVERSIDAD POMPEU FABRA, 2007. 26 s.

[4] Raimes A. Techniques in teaching writing. Oxford University Press, 1983. - 164 p.

- [5] Funiber A., Pueyo S. Desarrollo de las destrezas en el aula. M., 2002 110 p.
- [6] McDonough, Jo; Shaw, Christopher. Materials and Method in ELT. Wiley-Blackwell, 2012.
- [7] Byrne B., Freebody P., Gates A. Longitudinal data on the relations of word reading strategies to comprehension, reading time, and phonetic awareness. *Reading Research Quarterly*. 1992. Vol. 27, No. 2. P. 140-151.
- [8] Mazentseva Ye. A. Vzaimosvyazannoye obucheniye vidam rechevoy deyatel'nosti. *Molodoy uchenyy*. 2015. № 3. 945 s. [in Russ.].

ИСПАН ТІЛІН ОҚЫТУДА СТУДЕНТТЕРДІҢ ОҚУ ҚАБІЛЕТТЕРІН ДАМУ

Ламберти К.П.,

педагогикалық ғылымдар магистрі,
шет тілдер сөйлеу тәжірибесі кафедрасының оқытушы,
Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ,
Алматы, Қазақстан, e-mail: cplamberti@yahoo.es

Тірек сөздер: сөйлеу қабілеті, компетенция, мәдениаралық компетенция, тыңдау, оқу, сөйлеу, хат, диалог.

Андатпа: Аталмыш мақалада шет тілін оқудағы негізгі қабілеттерді дәстүрлі емес жағынан қарастырылады. Сонымен қатар мақалада шет тілін оқудағы тыңдау, оқу, сөйлеу, хат сияқты негізгі бағыттарды тереңдетіп қарастырылады. Автор өз жұмысында шет тілін оқыту сабағында қандай аспектілерге мән беру керектігі жайлы жазады. Талдау арқылы болжамалы нәтижелер келтірілген. Сонымен қатар автор негізгі оқу қабілеттерін дамытудағы жаттығулар мен тапсырмалардың тізімін ұсынған.

Статья поступила 17.09.2016 г.

АВТОРЛАР ЖАЙЛЫ МАҒЛҰМАТТАР СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- 1 *Малика Аймагамбетова* – магистр, докторант кафедры русского языка и литературы Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алматы, Казахстан)
- 2 *Ботагоз Ақыш* - кандидат филологических наук, заведующая кафедрой устного профессионального перевода казахско-русского языков Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)
- 3 *Сауле Алтыбаева* – доктор филологических наук, доцент кафедры устного профессионального перевода казахско-русского языков Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)
- 4 *Айман Базарбаева* - кандидат филологических наук, доцент кафедры устного профессионального перевода казахско-русского языков Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)
- 5 *Сауле Баяндина* - доктор филологических наук, профессор кафедры устного профессионального перевода казахско-русского языков Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)
- 6 *Меруерт Беткенова* – магистр, преподаватель Казахского национального университета искусств (Астана, Казахстан)
- 7 *Юлия Давидюк* – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Хмельницкого национального университета (Хмельницкий, Украина)
- 8 *Алмаш Ермагамбетова* - кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)
- 9 *Асем Измуханова* - магистр, преподаватель кафедры практики речи иностранных языков Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)
- 10 *Баян Исмагулова* - доктор филологических наук, профессор кафедры устного профессионального перевода казахско-русского языков Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)

- 11 *Жанар Калиева* - магистр, старший преподаватель кафедры практики речи иностранных языков Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)
- 12 *Айсулу Кананьянова* - магистр, преподаватель Казахского национального университета искусств (Астана, Казахстан)
- 13 *Мерей Касенбаева* - магистр, преподаватель кафедры практики речи иностранных языков Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)
- 14 *Валерия Колосова* – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- 15 *Людмила Комуци* – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Балашовского института Саратовского национального исследовательского университета имени Н. Г. Чернышевского (Балашов, Россия)
- 16 *Юлия Купчишина* – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Хмельницкого национального университета (Хмельницкий, Украина)
- 17 *Кристиан Пабло Ламберти* - магистр педагогических наук, преподаватель кафедры практики речи иностранных языков Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)
- 18 *Элеонора Лассан* - хабилитированный доктор гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва)
- 19 *Слямбек Оразалин* - кандидат филологических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного университета имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)
- 20 *Алтын Сапарбаева* – кандидат педагогических исследований, доцент кафедры устного профессионального перевода казахско-русского языков Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)
- 21 *Жазира Тойшиманова* - магистр, старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан)

**Требования к статьям,
представляемым в «Хабаршысы-Известия КазУМОиМЯ
им. Абылай хана»**

Настоящие требования утверждены на заседании Ученого Совета, протокол № 5 от 22.12.2015 г.

Представленные для опубликования статьи должны соответствовать следующим требованиям:

1. Содержать результаты научных исследований по актуальным проблемам в области лингвистических, филологических и педагогических наук, переводческому делу, межкультурной коммуникации, востоковедения, международных отношений, международного права и экономических отношений, регионоведения, менеджмента и международных коммуникаций, маркетинга, туризма.

2. Доминантная идея публикаций: следование принципам научности, инновационности, самостоятельности, целостности и системности.

Необходимо соблюдать правила публикационной этики. Предоставление статьи в научные журналы «Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана» предполагает, что данная работа не была опубликована ранее (за исключением в виде аннотации или как часть опубликованной лекции или академической диссертации или как электронный препринт, что она не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях, что ее публикация одобрена всеми авторами (в случае полиавторства) и рекомендована рецензентами.

Никакие формы нарушения научной этики не допускаются, например, плагиат, фальсификация, фальсифицированные данные, неправильное толкование других работ, некорректные ссылки и т.д.

3. Принимаются статьи от 5 до 16 страниц (1 п.л.), включая литературу, таблицы, схемы, рисунки.

4. К статье должна быть приложена рецензия, заверенная подписью рецензента с ученой степенью и печатью с места его работы.

Требования по оформлению статей

Статья предоставляется в бумажной и электронной форме **только** в формате **Word 2010** в целях избежания отсутствия пробелов между словами (слипания слов).

Шрифт Times New Roman, кегль - 12, интервал - 1,5;

Поля: верхнее – 2 см, нижнее - 2,5 см, левое – 3 см, правое - 1 см.

Абзац (отступ) – 1 см.

Формат оформления статьи см. в таблице 1.

Обратите внимание:

Статья начинается в ФИО автора, названия статьи, ключевых слов и аннотации на английском языке.

Внимание!!!

Литература (Әдебиет, References) проставляется в квадратных скобках и делается транслитерация литератур – не перевод:

ЛИТЕРАТУРА

[1] Жуков В.И. Теоретические основы подготовки социальных работников. - М., 1992. – 226 .

[2] Основ социальной работы: Учебник / Отв. ре. П.Д. Павлено. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 198 .

[3] Проблем социологии быта социальной работы условия перехода рынок: Матер. Междуна. науч.-прак. конф., 16-18 февраля 1993. – М.: ГАСБУ, 1994. – 254.

REFERENCES

[1] Zhukov V.I. Teoreticheskiye osnovy podgotovki sotsial'nykh rabotnikov. M., 1992. 226 s.

[2] Osnovy sotsial'noy raboty: Uchebnik / Otv. red. P.D. Pavlenok. M.: INFRA-M, 1999. 198 s.

[3] Problemy sotsiologii byta i sotsial'noy raboty v usloviyakh perekhoda k rynku: Mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 16-18 fevralya 1993 g. M.: GASBU, 1994. 254 s.

Таблица 1 – Формат оформления статьи

Структурная часть статьи	Образец
1 Название – по центру (жирным шрифтом прописными буквами)	EXPERIENCE OF DEVELOPED COUNTRIES IN PROVIDING IN SOCIAL ASSISTANCE TO NEEDY PEOPLE

2 Автор (по центру, имя, отчество – инициалы, фамилия полностью, с указанием должности, ученой степени, места работы).	<p style="text-align: center;">Sultangazin A.A., chair of regional studies, Chair of Regional Studies of Ablai khan, KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan e-mail: asultan@mail.ru</p>
3 Резюме на английском языке (70-80 слов, 10-12 строк)	<p>Keywords: social assistance, people, developed country</p> <p>Abstract. This article is devoted to social assistance for needy people by developed countries and the basic principle of activities in the field of social services. It examines the structure of the system of social assistance and the models of population's social protection (8-10 стр.).</p>
4 В левом верхнем углу – шифр УДК (нежирным шрифтом)	УДК 327
5 Название и автор на языке статьи	<p style="text-align: center;">ОПЫТ РАЗВИТЫХ СТРАН ПО ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛЮДЯМ</p> <p style="text-align: center;">Султангазин А.А., к.соц.н., ст.преп. кафедры регионоведения ФМО, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан e-mail: asultan@mail.ru</p>
6 Резюме на языке статьи (70-80 слов, 10-12 строк)	<p>Ключевые слова: социальная помощь, доходы, государственные гарантии, фонды, страховые пенсии, инвестирование</p> <p>Аннотация. Данная статья посвящена вопросу оказания социальной помощи нуждающимся людям развитыми странами и основным принципам деятельности в сфере социального обслуживания граждан. Также рассмотрена структура системы социальной помощи и модели социальной защиты населения.</p>

7 Текст на языке статьи	<p>В тексте статьи необходимо учитывать следующее:</p> <p>1) Таблицы, схемы, графики и т.д. создаются средствами Microsoft Word, нумеруются, имеют название, которое печатается без отступа строки. Таблица вставляется в текст сразу после ссылки на нее.</p> <p>Например, Таблица 1 - Систематизация текстов о хронологии (по центру)</p> <p>2) Графики и диаграммы создаются средствами Microsoft Excel, снабжаются заголовками, соответствующими подписями, расположенные по центру, и вставляются в текст сразу после ссылки на них.</p> <p>Например, Рисунок 1 - Портрет Бальзак (по центру)</p> <p>3) Фотографии (изображения), иллюстрации представляются в формате JPEG (jpg), разрешение не менее 300 пикселей, и предоставляются отдельными файлами. К каждому изображению обязательны заголовок (сопроводительный текст, аннотация).</p>
8 Литература	<p>ӘДЕБИЕТ / если статья на казахском языке ЛИТЕРАТУРА / если статья на русском языке REFERENCES/ если статья на английском языке</p>

<p>9 Литература (не менее 5 наименований), в котором указывается литература за последние 5-7 лет. Литература дается цифрами в прямых скобках по мере упоминания [1, с. 15]. Постраничные сноски не допускаются.</p>	<p style="text-align: center;">ЛИТЕРАТУРА</p> <p>[1] Жуков В.И. Теоретические основы подготовки социальных работников. - М., 1992. – 226 .</p> <p>[2] Основ социальной работы: Учебник / Отв. ре. П.Д. Павленко. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 198 .</p> <p>[3] Проблем социологии быта социальной работы условия перехода рынок: Матер. Междуна. науч.-прак. конф., 16-18 февраля 1993 . – М.: ГАСБУ, 1994. – 254 .</p> <p>[4] Urbain C., Bissot H. Cuisines en partage. Le plov dans tous ses états. Constitution d’une diaspora autour d’un plat d’Asiecentrale// Diasporas. – 2005. – N7. – Режим доступ: URL: http://w3.framespa.univ-tlse2.fr/revue/articles_fiche.phpid=335 (дата обращения 31.07.2012).</p> <p style="text-align: center;">REFERENCES</p> <p>[1] Zhukov V.I. Teoreticheskiye osnovy podgotovki sotsial’nykh rabotnikov. M., 1992. 226 s.</p> <p>[2] Osnovy sotsial’noy raboty: Uchebnik / Otv. red. P.D. Pavlenok. M.: INFRA-M, 1999. 198 s.</p> <p>[3] Problemy sotsiologii byta i sotsial’noy raboty v usloviyakh perekhoda k rynku: Mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 16-18 fevralya 1993 g. M.: GASBU, 1994. 254 s.</p>
<p style="text-align: center;">Обратите внимание на расстановку знаков препинания в Списке литературы в русском и английском вариантах (отсутствие - в выходных данных).</p>	

Завершается статья с повтором начальных структурных частей на языке: А) на казахском, если статья на русском языке; Б) на русском языке, если статья на казахском языке	
Если статья на англ.яз., то после списка литературы идет аннотация на каз. и рус. языках по схеме	
10 Названи	КЕМБАҒАЛ АДАМДАРҒА ӘЛЕУМЕТТІК КӨМЕК КӨРСЕТУ БОЙЫНША ДАМЫҒАН ЕЛДЕРДІҢ ТӘЖІРИБЕСІ
11 Автор	Султангазин А.А., Аймақтану кафедрасы, Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ, Алматы, Қазақстан e-mail: asultan@mail.ru
12 Ключевы слов анно- тация статьи, статья завер- шается ключевыми словам аннотацией.	Тірек сөздер: әлеуметтік көмек, табыс, мемлекеттік кепілдіктер, қорлары, зейнетақы сақтандыру, инвестициялық. Аңдатпа. Бұл мақала дамыған ел- дердің кембағал адамдарға әлеуметтік көмек көрсету сұрағына және азамат- тарды әлеуметтік күтуінің шеңберінде қызметтің негізгі ұстанымдарына ар- налған. Онда әлеуметтік көмек көрсет- ту құрылымының жүйесі мен халық- тың әлеуметтік қорғау қалыпы қарастырылады.

5. Статьи предоставляются на бумажном и электронном носителех или эл.почтой:

5.1. Серия «Филологические науки» - urpkrya@ablaikhan.kz

5.2. Серия «Международные отношения и регионоведение» - fmo@ablaikhan.kz

5.3. Серия «Педагогические науки» - pedagoginyaz@mail.ru

6. Прочие условия:

1. Таблицы, схемы, графики и т.д. создаются средствами Microsoft Word, нумеруются, имеют название, которое печатается без отступа строки.

Например,

Таблица 1 - Систематизация текстов о хронологии
(без абзацного отступа)

Таблица вставляется в текст сразу после ссылки на нее.

2. Графики и диаграммы создаются средствами Microsoft Excel, снабжаются заголовками, соответствующими подрисуночными подписями, расположенные по центру, и вставляются в текст сразу после ссылки на них.

Например,

Рисунок 1 - Портрет Бальзак
(по центру)

3. Фотографии (изображения), иллюстрации представляются в формате JPEG (jpg), разрешение не менее 300 пикселей, и предоставляются отдельными файлами. К каждому изображению обязателен заголовок (сопроводительный текст, аннотация).

Пример статьи

**EXPERIENCE OF DEVELOPED COUNTRIES IN PROVIDING IN
SOCIAL ASSISTANCE TO NEEDY PEOPLE**

Sultangazin A.A.,

chair of regional studies, Chair of Regional Studies of Ablai khan
KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan
e-mail: asultan@mail.ru

Keywords: social assistance, people, developed country.

Abstract. This article is devoted to social assistance for needy people by developed countries and the basic principle of activities in the field of social services. It examines the structure of the system of social assistance and the models of population's social protection (8-10 строк).

УДК 327

**ОПЫТ РАЗВИТЫХ СТРАН ПО ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛЮДЯМ**

Султангазин А.А.,

к.соц.н., ст.преп. кафедры регионоведения ФМО,
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан
e-mail: asultan@mail.ru

Ключевые слова: социальная помощь, доходы, государственные гарантии, фонды, страховые пенсии, инвестирование.

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу оказания социаль-

ной помощи нуждающимся людям развитыми странами и основным принципам деятельности в сфере социального обслуживания граждан. Также рассмотрена структура системы социальной помощи и модели социальной защиты населения (8-10 строк).

Говоря о социальной политике государства, подразумеваются, прежде всего, действия правительства, направленные на распределение и перераспределение доходов различных членов и групп общества. Так можно определить социальную политику в узком смысле этого слова. В широком смысле - социальная политика - это одно из направлений макроэкономического регулирования, призванное обеспечить социальную стабильность общества и создать, насколько это возможно, одинаковые “стартовые условия” для граждан страны.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Жуков В.И. Теоретические основы подготовки социальных работников. - М., 1992. – 226.

[2] Основ социальной работы: Учебник / Отв. ре. П.Д. Павленко. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 198 .

[3] Проблем социологии быта социальной работы условия перехода рынок:

Матер. Междунар. науч.-практ. конф., 16-18 февраля 1993 г. – М.: ГАСБУ, 1994. – 254 с.

REFERENCES

[1] Zhukov V.I. Teoreticheskiye osnovy podgotovki sotsial'nykh rabotnikov. M., 1992. 226 s.

[2] Osnovy sotsial'noy raboty: Uchebnik / Otv. red. P.D. Pavlenok. M.: INFRA-M, 1999. 198 s.

[3] Problemy sotsiologii byta i sotsial'noy raboty v usloviyakh perekhoda k rynku: Mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 16-18 fevralya 1993 g. M.: GASBU, 1994. 254 s.

КЕМБАҒАЛ АДАМДАРҒА ӘЛЕУМЕТТІК КӨМЕК КӨРСЕТУ БОЙЫНША ДАМЫҒАН ЕЛДЕРДІҢ ТӘЖІРЕБЕСІ

Султанғазин А.А., ә.ғ.к.,

Аймақтану кафедрасы, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, e-mail: asultan@mail.ru

Тірек сөздер: әлеуметтік көмек, табыс, мемлекеттік кепілдіктер, қорлары, сақтандыру, зейнетақы.

Аңдатпа. Бұл мақала дамыған елдердің кембағал адамдарға әлеуметтік көмек көрсету сұрағына және азаматтарды әлеуметтік күтуінің шеңберінде қызметтің негізгі ұстанымдарына арналған. Онда әлеуметтік көмек көрсету құрылымының жүйесі мен халықтың әлеуметтік қорғау қалыпықарастырылады.

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ
ХАБАРШЫСЫ
«ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАРЫ» сериясы

ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

BULLETIN
of Ablai khan KazUILandWL
Series «PHILOLOGICAL SCIENCES»

050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
+7 (727) 292 03 84 (вн. 3326)
e-mail: fmo@ablaikhan.kz

Отв. за выпуск
директор издательства
Есенғалиева Б.А.

Технический редактор, компьютерная верстка
Кынырбеков Б.С.

Подписано в печать 30.03.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Объем 21,5 п.л. Заказ № 64. Тираж 100 экз.
Отпечатано в издательстве «Полилингва»
КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Издательство «Полилингва» КазУМОиМЯ имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 24-09
E-mail: kazumo@ablaikhan.kz, ablaikhan@list.ru

